

Великая Отечественная: Неизвестная война

Правда о штрафбатах

2

Великая Отечественная: Известная война

Сканировал и создал книгу - vtaKhaHkov

Составители В.О. Дайнес, В.В. Абатуров

Правда о штрафбатах 2

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2008

Оформление серии художника *П. Волкова*

П 68 **Правда о штрафбатах-2** / Сост. В.О. Дайнес и В.В. Абатуров. — М.: Эксмо, Яуза, 2008. — 320 с.

ISBN 978-5-699-26710-1

Долгожданное продолжение главного военно-исторического бестселлера минувшего года!

Честные и детальные воспоминания ветеранов-штрафников, выживших в самых страшных боях.

Глубокий анализ профессиональных историков, исследующих прежде запретную тему.

Недавно рассекреченные архивные документы, проливающие свет на подробности боевого применения и повседневной жизни советских штрафных частей.

Опровержение злобных антисоветских мифов и фальшивок вроде печально известного телесериала «Штрафбат».

Все это — в новой книге проекта «Правда о штрафбатах».

ББК 63.3

© Дайнес В.О., Абатуров В.В.,
составление, 2008

© Бабченко А.А., 2008

© Бараболя П.Д., 2008

© Гавриленко А., 2008

© Гольбрайх Е.А., 2008

© Гордиенко А., 2008

© Дайнес В.О., 2008

© Кулешов В., 2008

© Лебедев Б., 2008

© Медовый С., 2008

© Мороз А.В., 2008

© Некрасова М., 2008

© Плоткин Г.Л., 2008

© Прищепа С.В., 2008

© Рискин В., 2008

© Савчин Д., 2008

© Шатилов В.М., 2008

© Швед Е., 2008

© ООО «Издательство «Яуза», 2008

© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-699-26710-1

ШТРАФНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Впервые штрафные формирования появились в Красной армии в годы Гражданской войны. Одним из первых документов, ставших основой для их создания, можно считать распоряжение № 262 председателя Реввоенсовета Республики (РВСР) Л.Д. Троцкого (Бронштейна), направленное 13 января 1919 г. реввоенсовету 9-й армии. «В Камышинской группе разбежался 1-й Камышинский полк из местных уроженцев, преимущественно кулаков, — отмечалось в распоряжении. — Мною приказано дезертиров извлечь, разыскать и после наказания наиболее виновных составить из остальных штрафные роты или штрафной батальон, смотря по числу. Опыт показал, что такие штрафные части из условно осужденных дезертиров сражаются потом храбро и становятся даже примерными частями. Но необходимо перевести означенные части из камышинского на другой фронт. Считаю наиболее целесообразным перевести на балашовский фронт, как ближайший, с тем, чтобы вы отсюда удалили в распоряжение камышинского командующего соответственные же части, по возможности штрафные роты. Пред-

лагаю по поводу этого сговориться с командованием Камышинской группы»¹.

По указанию Реввоенсовета Республики Всероссийский Главный штаб, который возглавлял бывший генерал Н.И. Раттэль, разработал Положение о штрафных частях и штат отдельной штрафной роты. 3 июня 1919 г. заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский подписал приказ № 997, в котором говорилось:

«1. Утвердить и ввести в действие прилагаемые при сем Положение о штрафных частях и штат отдельной штрафной роты.

2. Формирование штрафных рот производить по мере надобности.

3. В районе расположения фронтовых частей формирование штрафных рот возлагается на штабы фронтов по постановлению РВС фронтов, во внутренних военных округах — на окружные военные комиссариаты.

4. В переменный состав штрафных рот зачислять военнослужащих, осужденных к сему за преступные деяния военного характера, в том числе за дезертирство.

5. Ввести для состоящих в штрафных частях дезертиров особый знак в виде нашитой на левом рукаве черной полосы — 2 см шириной и 3 вершка длины».

В «Положении о штрафных частях» отмечалось: «...В штрафные команды при частях: а) переводятся распоряжением начальников и комиссаров этапных частей военнослужащие за две краткосрочные (не более 6 дней) самовольные отлучки или за одну, если таковая продолжалась более указанного срока и б) назначаются осужденные к сему приговором судебных органов»².

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 86. Л. 147.

² Архив автора.

По распоряжению Л.Д. Троцкого штрафные подразделения стали формировать и в запасных войсках. «При запасном батальоне может быть организована штрафная рота для дезертиров и провинившихся в более серьезных нарушениях дисциплины и долга, — отмечал он в телеграмме реввоенсовету 14-й армии Южного фронта от 18 июня. — Все части Красной армии должны быть пропущены через запасные батальоны»¹.

В октябре 1919 г., когда Северо-Западная армия генерала Н.Н. Юденича создала серьезную угрозу Петрограду, Л.Д. Троцкий потребовал от командования 7-й армии и Петроградского укрепленного района принять решительные меры по наведению порядка в войсках. «В Петрограде должно быть огромное количество дезертиров, ушедших из своих частей, — говорилось в его телеграмме № 2818 от 18 октября коменданту Петроградского укрепрайона Д.Н. Аврову. — Необходимо в городе организовать (так в документе. — *Сост.*) для извлечения дезертиров с привлечением к суду трибунала. Командиров, дезертиров и наиболее злостных расстрелять. Из остальных создать штрафные команды, направлять в наиболее опасные места. От заградительных отрядов послать конных по шоссе для ловли дезертиров»².

Вопрос о борьбе с дезертирством неоднократно рассматривался на заседаниях Реввоенсовета Республики, реввоенсоветов фронтов и армий. Основными причинами дезертирства являлись наступление холодов, плохой казарменный быт, недостатки в снабжении продовольствием и обмундированием, близость мест,

¹ Цит. по: Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 196 — 197.

² Цит. по: Военно-исторический журнал. 1989. № 8. С. 56.

из которых были призваны военнослужащие. К борьбе с этим злом были привлечены и революционные военные трибуналы, которые, наряду с другими мерами наказания, применяли и такую меру, как направление в штрафные части. Так, за семь месяцев 1919 г. было осуждено 95 тыс. дезертиров, из которых больше половины направлено в штрафные части, а 600 человек расстреляны¹. На Западном фронте во второй половине 1920 г. дезертировало 8521 человек, из них было задержано и добровольно явилось 6086 человек. Из этого числа в запасные части направили 1713 человек, в боевые части — 1666, в штрафные команды — 132 человека, предали суду — 966, приговорили к расстрелу — 105 и к условному расстрелу — 6 человек². Всего же в 1920 г. реввоен трибуналы рассмотрели в судебных заседаниях дела на 106 966 человек, из которых 15 380 (14,4%) были направлены в штрафные роты и концлагеря³.

Штрафные подразделения и части в годы Гражданской войны создавались не только в действующей армии. Они широко использовались в качестве рабочей силы. Например, в телеграмме № 1747 реввоенсовету Западного фронта от 1 июня 1919 г. Л.Д. Троцкий писал: «Для инженерного строительства должно широко использовать штрафные рабочие команды из числа пойманных дезертиров. Одной из важнейших задач Запфронта считаю хорошую постановку борьбы с дезертирством, организацию хороших трибуналов. Предложите военкомзап (военный комиссар Западного фрон-

¹ См.: Овечкин В.В. Дезертирство из Красной армии в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 110.

² РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 6. Л. 261.

³ См.: Военные трибуналы — органы правосудия в Вооруженных Силах СССР. 70 лет военным трибуналам. С. 37.

та. — *Сост.*) в подведомственных ему губерниях передавать осужденных дезертиров в виде рабочих команд в распоряжение фронта»¹. Позднее практика создания штрафных подразделений и частей была применена в трудовых армиях, которые стали формироваться в начале 1920 г.

Опыт использования штрафных рот и батальонов в ходе Гражданской войны нашел свое применение в годы Великой Отечественной войны. Начало их созданию положил приказ наркома обороны СССР И.В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. История его появления такова.

Еще в марте, при обсуждении плана летней кампании, начальник Генерального штаба маршал Б.М. Шапошников высказал предложение на ближайшее время ограничиться только ведением обороны. Но, по свидетельству Г.К. Жукова, это предложение вызвало резкую реакцию со стороны Сталина, который возразил: «Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Нам самим надо нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника»².

Его поддержал Главком юго-западного направления С.К. Тимошенко, который заявил, что войска этого направления имеют все возможности и, безусловно, должны нанести упреждающий удар по противнику и сорвать его наступательные планы против Южного и Юго-Западного фронтов. Такого мнения придерживался и маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, считавший, что войск на юге достаточно, чтобы разгромить врага.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 45. Л. 20.

² Кондрашов И.К. Суровые испытания. С. 326.

Но в результате неудачного исхода Харьковской операции (12—29 мая 1942 г.) войска Юго-Западного фронта, 9-я и 57-я армии Южного фронта потеряли безвозвратно 170 958 человек, а санитарные потери составили 106 232 человека¹. Харьковская трагедия резко усложнила всю стратегическую обстановку на южном крыле советско-германского фронта. После нее немецкое командование провело еще ряд наступательных операций с целью последовательного разгрома советских войск на восточном берегу р. Северский Донец и западнее р. Оскол. И хотя противнику не удалось окружить оборонявшиеся здесь войска, они были оттеснены на восток, благодаря чему создались благоприятные условия для нанесения последующих ударов. Со второй половины июля военные действия на южном крыле советского фронта вылились в две грандиозные битвы: битву за Сталинград и битву за Кавказ.

В неудачах огульно была обвинена вся Красная армия, а в ее рядах — «паникеры». В действительности истинным виновником неудач был, в первую очередь, Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, который, как и летом 1941 г., проигнорировал доклады военной разведки и грамотные предложения военных профессионалов при определении характера и способов действий Красной армии в предстоявшей кампании. Виноваты и члены Ставки ВГК, которые не сумели отстоять, а часть из них и не собиралась этого делать, свое мнение перед Верховным Главнокомандующим.

28 июля 1942 г. Сталин подписал приказ № 227, в котором требовал прекратить отступление, «упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию,

¹ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 311.

каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок Советской земли и отстаивать его до последней возможности». В приказе подчеркивалось: «Ни шагу назад!» Таким теперь должен быть наш главный призыв». Далее, ссылаясь на противника, который для восстановления дисциплины сформировал более 100 штрафных рот и около десятка штрафных батальонов, Сталин считал необходимым «поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу». Исходя из этого, в приказе требовалось:

«1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и, прежде всего, командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа

командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду...

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной...»

Маршал Советского Союза А.М. Василевский, оценивая приказ № 227, в своей книге «Дело всей жизни» писал: «Приказ этот сразу же привлек внимание всего личного состава Вооруженных Сил. Я был очевидцем, как заслушивали его воины в частях и подразделениях, изучали офицеры и генералы. Приказ № 227 — один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности... Я, как и многие другие генералы, видел некоторую резкость и категоричность оценок приказа, но их оправдывало очень суровое и тревожное время. В приказе нас, прежде всего, привлекло его социальное и нравственное содержание. Он обращал на себя внимание суровостью правды, неллицеприятностью разговора наркома и Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина с советскими воинами, начиная от рядового бойца и кончая командармом. Читая его, каждый из нас задумывался над тем, все ли силы мы отдаем борьбе. Мы сознавали, что жестокость и категоричность требований приказа шла от имени Родины, народа, и важно было не то, какие будут введены меры наказания, хотя и это имело значение, а то, что он повышал сознание ответственности у воинов за судьбы своего социалистического Отечества. А те дисциплинарные меры, которые вводились

приказом, уже перестали быть неперменной, настоятельной необходимостью еще до перехода советских войск в контрнаступление под Сталинградом и окружения немецко-фашистской группировки на берегу Волги»¹.

Насколько был прав А.М. Василевский относительно того, что те дисциплинарные меры, которые вводились приказом, «уже перестали быть неперменной, настоятельной необходимостью», мы увидим в ходе дальнейшего повествования. А сейчас приведем оценку, которую дал приказу № 227 маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях». Он писал: «Кое-где в войсках вновь появились панические настроения и нарушения воинской дисциплины. Стремясь пресечь падение морального духа войск, И.В. Сталин издал 28 июля 1942 года приказ № 227. Этим приказом вводились жесткие меры борьбы с паникерами и нарушителями дисциплины, решительно осуждались «отступательные» настроения. В нем говорилось, что железным законом для действующих войск должно быть требование «Ни шагу назад!» Приказ был подкреплён усиленной партийно-политической работой в войсках»².

Нами приведены оценки приказа № 227, которые даны двумя видными военными деятелями, игравшими ключевые роли в руководстве Вооружёнными Силами в годы Великой Отечественной войны. Понятно, что в то время, когда Г.К. Жуков и А.М. Василевский готовили к изданию свои мемуары, в условиях жесто-

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 209, 211.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. — 10-е изд., дополненное по рукописи автора. — М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 286.

чайшей цензуры не принято было негативно оценивать действия высшего военного руководства. Позднее, в проекте своего выступления на Пленуме ЦК КПСС, который не состоялся, Г.К. Жуков в 1956 г. отмечал: «Был издан ряд приказов, в которых личный состав наших войск, особенно командиры и политработники, огульно обвинялся в малодушии и трусости. Уже после того как наши войска показали себя способными не только обороняться, но и наносить серьезные удары по врагу, Сталин нашел нужным в одном из своих приказов написать: «Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную армию, а многие из них проклинают Красную армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток». Таким приказом Сталин незаслуженно опорочил боевые и моральные качества наших солдат, офицеров и генералов». По мнению Жукова, «это сделано с целью отвести от себя вину и гнев народа за неподготовленность и допущенные ошибки в руководстве войсками от Ставки до дивизии включительно»¹.

На основании приказа № 227 наркома обороны СССР был издан ряд документов других ведомств и учреждений. Так, нарком юстиции Н.М. Рычков и прокурор СССР К.П. Горшенين подписали 31 июля директиву № 1096, которая квалифицировала действия командиров, комиссаров и политработников, привлеченных к суду за «самовольное отступление с боевой позиции без приказа вышестоящих командиров и за пропаганду дальнейшего отступления частей Крас-

¹ Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 568, 569.

ной армии», а также определяла сроки расследования этой категории дел. Действия, заключавшиеся в самовольном отступлении без приказа, квалифицировались по ст. 58-1 «б» Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим, каралась высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества). Расследование по таким делам не должно было превышать 48 часов. Пропаганда дальнейшего отступления квалифицировалась по ст. 58—10, ч. 2 Уголовного кодекса (контрреволюционная пропаганда и агитация при наличии отягчающего обстоятельства — военной обстановки или военного положения — каралась расстрелом). Директива предписывала военным прокурорам и председателям трибуналов принять «решительные меры к оказанию командованию и политорганам реальной помощи в выполнении задач, поставленных в приказе народного комиссара обороны»¹.

26 августа нарком юстиции Н.М. Рычков издал приказ «О задачах военных трибуналов по проведению в жизнь приказа НКО СССР № 227 от 28 июля 1942 г.»². На военные трибуналы возлагалась задача по ведению борьбы с целью создания строжайшего порядка и дисциплины в каждой части, подразделении и учреждении. В отношении злостных преступников предписывалось применять жесткие меры, предостереечь от совершения преступления неустойчивых людей, не допускать огульного осуждения лиц, в отноше-

¹ См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М., 1993. С. 41.

² См.: Военные трибуналы — органы правосудия в Вооруженных Силах СССР. 70 лет военным трибуналам. — М.: Воениздат, 1988. С. 135.

нии которых могут быть приняты меры дисциплинарного воздействия и иные меры, предусмотренные приказом № 227, в том числе направление в штрафные подразделения.

Порядок учета военнослужащих, направленных в штрафные батальоны и роты, был определен в директиве Генерального штаба Красной армии № 989242 от 28 августа, направленной начальникам штабов фронтов и 7-й отдельной армии. Ее подписали заместитель начальника Генштаба генерал-майор Ф.Е. Боков и начальник Организационного управления Генштаба генерал-майор А.Г. Карпоносов. В этом документе говорилось: «Для учета военнослужащих, направленных в штрафные батальоны и роты в соответствии с приказом НКО № 227, надлежит высылать в Генеральный штаб Красной армии (организационное управление) ежемесячно к 5 и 20 числу, по состоянию на 1 и 15 число, донесения о количестве переменного состава, находящегося в штрафных батальонах и ротах, показывая в этих сведениях следующие данные:

1. Количество штрафных батальонов и рот во фронте.
2. Сколько всего людей (штрафников) состоит в переменном составе штрафных батальонов и рот.
3. В том числе, какое количество и на какой срок назначены в штрафные батальоны и роты.
4. Из числа назначенных, сколько и в какое фактически время отбыли (показывать число людей по периодам, до месяца, от месяца до двух месяцев и т.д.).
5. Количество переменного состава штрафных батальонов и рот по ранее занимавшимся ими должностям: рядовых, младших командиров, комвзводов, комрот и др.

...

8. Количество переменного состава штрафных батальонов и рот по воинским званиям, присвоенным

им до разжалования, суммарно по каждому званию (лейтенантов, ст. лейтенантов, капитанов, мл. политруков и т.д.).

Первое донесение представить к 5 сентября сего года по состоянию на 1 сентября»¹.

К концу сентября 1942 г. были разработаны положения о штрафных формированиях и их штаты. Положения «О штрафных батальонах действующей армии» и «О штрафных ротах действующей армии» были утверждены 26 сентября заместителем наркома обороны генералом армии Г.К. Жуковым (см. приложения № 2 и № 3) и введены в действие приказом № 298 заместителя наркома обороны СССР армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко от 28 сентября.

В соответствии с Положением, штрафные батальоны создавались с «целью дать возможность лицам среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава всех родов войск, провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий». Положение предусматривало, что штрафные батальоны находятся в ведении Военных советов фронтов. В пределах каждого фронта в соответствии со сложившейся обстановкой следовало создавать от одного до трех штрафных батальонов, которые могли придаваться стрелковой дивизии или отдельной стрелковой бригаде.

В постоянный состав штрафного батальона входили командир, военные комиссары батальона и рот, командиры и политические руководители взводов, а так-

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23(12—2). — М.: ТЕРРА, 1999. С. 316.

же остальной начальствующий состав. Командир и военный комиссар штрафного батальона пользовались по отношению к штрафникам дисциплинарной властью командира и военного комиссара дивизии, заместители командира и военного комиссара батальона — властью командира и военного комиссара полка, командиры и военные комиссары рот — властью командира и военного комиссара батальона, а командиры и политические руководители взводов — властью командиров и политических руководителей рот. Всему постоянному составу штрафных батальонов сроки выслуги в званиях, по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии, сокращались наполовину, а каждый месяц службы в постоянном составе штрафного батальона засчитывался при назначении пенсии за шесть месяцев.

В штрафные батальоны в качестве переменного состава на срок от одного до трех месяцев направлялись лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава приказом по дивизии или бригаде (по корпусу — в отношении личного состава корпусных частей или по армии и фронту — в отношении частей армейского и фронтового подчинения соответственно). На эти же сроки могли направляться по приговору военных трибуналов (действующей армии и тыловых) лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава, осужденные с применением отсрочки исполнения приговора (примечание 2 к ст. 28 Уголовного кодекса РСФСР). При этом командиры и военные комиссары батальонов и полков направлялись в штрафной батальон не иначе как по приговору военного трибунала фронта. Все, кто направлялся в штрафной батальон, подлежали разжалованию в рядовые. Однако разрешалось назначать

штрафников на должности младшего командного состава с присвоением званий ефрейтора, младшего сержанта и сержанта.

В Положении устанавливалось, что за боевое отличие штрафники могли быть освобождены досрочно по представлению командования штрафного батальона, утвержденному Военным советом фронта, а за особо выдающееся боевое отличие — представлены к правительственной награде. Все освобожденные из штрафного батальона восстанавливались в звании и во всех правах. Штрафники, получившие ранение в бою, считались отбывшими наказание. Они подлежали восстановлению в воинском звании и во всех правах и после выздоровления направлялись для дальнейшего прохождения службы, а инвалидам назначалась пенсия из оклада содержания по последней должности перед зачислением в штрафной батальон.

Штрафные роты создавались с «целью дать возможность рядовым бойцам и младшим командирам всех родов войск, провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свою вину перед Родиной отважной борьбой с врагом на трудном участке боевых действий». Они находились в ведении Военных советов армий. В пределах каждой армии предусматривалось создание от пяти до десяти штрафных рот, которые придавались стрелковому полку, дивизии и бригаде.

Положение определяло, что к постоянному составу штрафных рот относились: командир и военный комиссар роты, командиры и политические руководители взводов и остальной постоянный начальствующий состав. Командир и военный комиссар штрафной роты пользовались по отношению к штрафникам дисциплинарной властью командира и военного комиссара полка, заместители командира и военного комиссара

роты — властью командира и военного комиссара батальона, а командиры и политические руководители взводов — властью командиров и политических руководителей рот. Им предоставлялись те же льготы, что и постоянному составу штрафных батальонов.

Переменный состав штрафных рот комплектовался из числа рядовых бойцов и младших командиров, которые направлялись в эти подразделения сроком от одного до трех месяцев. При этом младшие командиры подлежали разжалованию в рядовые. В остальном (порядок освобождения, восстановления в воинских званиях, награждения и т.д.) Положение о штрафных ротах было идентичным Положению о штрафных батальонах.

В последующем был издан ряд приказов и директив, которые значительно расширяли круг лиц, имевших право направлять военнослужащих в штрафные формирования, а также увеличивали количество проступков, за которые в виде наказания следовала отправка в штрафные части и подразделения.

В первую очередь были приняты меры в отношении осужденных военными трибуналами за воинские и другие преступления с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны. Так, заместитель наркома обороны СССР армейский комиссар 1-го ранга Е.А. Щаденко 16 октября 1942 г. подписал приказ № 323 следующего содержания: «Народный комиссар обороны тов. Сталин в приказе № 227 указал, что главной причиной наших временных неудач на фронте является слабая дисциплина в войсках:

«Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток». Сказанное народным комиссаром обороны тов. Сталиным о войсках действующей армии целиком и пол-

ностью относится и к войскам внутренних органов. В запасных частях, в учебных центрах, учебных бригадах и полках, в местных стрелковых частях, новых формированиях и в военных училищах воспитание и дисциплина все еще находятся на низком уровне. Это происходит в значительной степени потому, что командный и начальствующий состав в ряде случаев не служит примером дисциплинированности и требовательности, сам не использует всей полноты предоставленной ему власти и не требует этого от подчиненных. В результате на фронт приносятся неорганизованность, расхлябанность и, как следствие этого, малодушие и трусость перед лицом врага, дезертирство и другие преступления.

Многие дезертиры, а также расхитители военного имущества, пьяницы, злостные нарушители воинской дисциплины и прочие неустойчивые элементы, осужденные военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны, фактически избегают наказания.

Осужденные попадают в запасные части и направляются в действующую армию вместе со всеми честными бойцами в составе маршевых пополнений. Нередко эти лица, находясь в запасных частях, а также в пути следования на фронт, ведут разлагающую работу, а прибыв на место, растворяются в общей массе, и многие из них скрывают свою судимость.

Таким образом, судебный приговор не достигает цели, подрывается авторитет суда и по существу наносится вред войсковым частям, куда эти люди прибывают.

В соответствии с приказом народного комиссара обороны тов. Сталина от 28 июля с.г. № 227 и положениями о штрафных батальонах и ротах действующей армии (приказ НКО 1942 г. № 298) приказываю:

1. Всех военнотолужащих, осужденных военными трибуналами за воинские и другие преступления с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны (примечание 2 к ст. 28 Уголовного кодекса РСФСР), отправлять в штрафные части действующей армии на срок от одного до трех месяцев: красноармейцев и младших командиров — в штрафные роты, лиц командного и начальствующего состава — в штрафные батальоны.

Если срок пребывания в штрафной части не определен в судебном приговоре, то он устанавливается приказом командира войсковой части, в которой находится осужденный (или начальника гарнизона), образуясь с назначенной военным трибуналом мерой наказания...

4. В случаях, когда военный трибунал своим приговором не разжаловал осужденного в рядовые и не возбудил ходатайства о лишении его орденов и медалей, разжалование и отобрание орденов и медалей производить в порядке, установленном положениями о штрафных частях.

5. Маршевые роты (команды) штрафников из внутренних округов направлять: из АрхВО — на Карельский фронт, из ДВФ и Забфронта — на Ленинградский фронт, из СибВО — на Северо-Западный фронт, из УрВО — на Калининский фронт, из МВО — на Западный и Брянский фронты, из ПриВО — на Воронежский фронт, из ЮжУрВО — на Донской фронт, из САВО — на Сталинградский фронт...

7. По отбытии в штрафных частях назначенного срока осужденные, не лишенные званий и орденов по приговору военного трибунала, восстанавливаются в звании и в праве ношения орденов и медалей и направляются для дальнейшего прохождения службы.

8. Снятие судимости с лиц, направленных в штрафные части, производится в общем порядке по ходатайству командования штрафной части или той войсковой части, куда осужденный прибыл по освобождении из штрафной части»¹.

Позднее, 26 января 1944 г., в целях упорядочения практики передачи осужденных в действующую армию, был издан приказ № 004/0073/006/23, подписанный заместителем наркома обороны маршалом Советского Союза А.М. Василевским, наркомом внутренних дел Л.П. Берией, наркомом юстиции Н.М. Рычковым и прокурором СССР К.П. Горшениным. В нем требовалось:

«1. Запретить судам и военным трибуналам применять примечание 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик) к осужденным за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, воров-рецидивистам, лицам, имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные выше преступления, а также неоднократно дезертировавших из Красной армии.

По остальным категориям дел при решении вопроса об отсрочке исполнения приговора с направлением осужденного в действующую армию судам и военным трибуналам учитывать личность осужденного, характер совершенного преступления и другие обстоятельства дела.

2. Органам расследования, а по делам, по которым предварительное расследование не производится, судам точно устанавливать отношение обвиняемых к во-

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13(2—2). — С. 332—333.

инской обязанности, прошлые судимости и другие данные, характеризующие обвиняемых.

3. Отсрочку исполнения приговора судам и военным трибуналам применять лишь в отношении тех лиц, сверстники которых призваны (мобилизованы) в Красную армию.

4. Отсрочку исполнения приговора с направлением осужденного в действующую армию судам и военным трибуналам предусматривать в самом приговоре.

5. При вынесении приговора с применением примечания 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик) судам и военным трибуналам в качестве меры пресечения осужденным оставлять, как правило, содержание под стражей и направлять их под конвоем обратно в места заключения...

7. Лиц, признанных годными к службе в действующей армии, военкоматам принимать в местах заключения под расписку и отправлять в штрафные батальоны военных округов для последующей отправки их в штрафные части действующей армии вместе с копиями приговоров».

Порядок направления в действующий флот и флотилии офицеров, осужденных военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны, был установлен приказом № 0935 наркома ВМФ адмирала флота Н.Г. Кузнецова от 28 декабря 1944 г. В нем говорилось:

«При отправке в действующие флоты, флотилии офицеров, осужденных военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания военных действий (примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР), приказываю руководствоваться следующим:

1. В штрафные части направлять:

а) офицеров, осужденных военными трибуналами с лишением воинского звания;

б) офицеров, осужденных военными трибуналами хотя и без лишения воинских званий, но за тяжкие преступления (убийство, разбазаривание военного имущества, злостное хулиганство и др.).

Срок пребывания в штрафной части устанавливать приказом командующего флотом (флотилией), где служит осужденный, сообразуясь с назначенной военным трибуналом мерой наказания.

2. В штрафные части действующих флотов, флотилий не направлять офицеров, осужденных военными трибуналами без лишений воинских званий, если совершенные ими преступления не являются тяжкими. Этих офицеров использовать на офицерских должностях в боевых частях действующих флотов с понижением по должности.

3. Офицерский состав, подлежащий направлению в штрафные части согласно разделу 1-му пунктов «а» и «б» настоящего приказа, отправлять:

а) осужденных на Краснознаменном Балтийском, Северном и Тихоокеанском флотах и на Краснознаменной Амурской флотилии — в штрафные части Краснознаменной Днепровской флотилии, гор. Пинск;

б) осужденных на Черноморском флоте и Каспийской флотилии — в штрафные части Дунайской флотилии, гор. Измаил.

4. Осужденных военными трибуналами с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий офицеров направлять в действующие флоты, флотилии следующим порядком:

а) офицеров, осужденных с лишением офицерского звания, направлять на одинаковых основаниях с осужденными лицами рядового и старшинского состава;

б) офицеров, осужденных без лишения звания, но за тяжкие преступления, сосредоточивать во флотском экипаже и отправку производить командами со старшим из офицеров не реже двух раз в месяц.

По прибытии на действующий флот, флотилию команда поступает в распоряжение отдела кадров офицерского состава флота, флотилии и [осужденные] направляются в штрафные части, где используются на общих основаниях, установленных «Положением о штрафных частях»;

в) офицеров, осужденных на недействующих флотах, флотилиях без лишения воинского звания, не подлежащих направлению в штрафные части (раздел 2 настоящего приказа), направлять на действующие флоты одиночным порядком.

Осужденных на Тихоокеанском флоте и Краснознаменной Амурской флотилии направлять на Северный флот; осужденных на Каспийской флотилии направлять на Дунайскую флотилию.

Копии приговоров выдавать этим офицерам на руки, а вторые экземпляры приговоров посылать почтой начальнику отдела кадров офицерского состава соответствующего флота, флотилии.

5. Военным советам действующих флотов и флотилий применять разжалование офицерского состава в рядовые и посылку в штрафную часть без приговоров военных трибуналов только за трусость и неустойчивость (приказ НКВМФ № 270 — 1942 г.)¹.

В Положениях о штрафных батальонах и ротах определялись права должностных лиц, которые могли направлять в штрафные формирования военнослужа-

¹ Цит. по: Русский архив. Великая Отечественная. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). — М.: ТЕРРА, 1996. С. 353—354.

щих действующей армии. Менее чем через год это право было предоставлено командному составу военных округов и недействующих фронтов. Одновременно были определены и виды проступков, за которые в виде наказания можно было отправлять без суда в штрафные части и подразделения. Вот что по этому поводу говорилось в приказе наркома обороны И.В. Сталина № 413 от 21 августа 1943 г.:

«1. Предоставить право командирам полков (отдельных частей) действующей армии и командирам дивизий (отдельных бригад) и им равных в военных округах и недействующих фронтах своей властью, без суда направлять в штрафные части действующей армии подчиненных им лиц сержантского и рядового состава за самовольную отлучку, дезертирство, неисполнение приказа, промотание и кражу военного имущества, нарушение уставных правил караульной службы и иные воинские преступления в случаях, когда обычные меры дисциплинарного воздействия за эти проступки являются недостаточными.

2. Предоставить право начальникам гарнизонов, пользующимся правами не ниже командира полка, своей властью, без суда направлять в штрафные части действующей армии всех задержанных дезертиров сержантского и рядового состава, бежавших из частей действующей армии и из других гарнизонов.

Если начальник гарнизона не пользуется правами командира полка и выше, то направление в штрафные части задержанных дезертиров производить распоряжением командиров соединений (облвоенкомов), которым подчинены начальники гарнизонов, по представлению последних.

3. Для установления факта преступления производить дознание в соответствии с приказом НКО 1942 г.

№ 357. Направление в штрафную часть оформлять приказом по части (гарнизону) в установленном порядке (приказы НКО 1942 г. №№ 296 и 323).

4. В случаях, когда к виновному должна быть применена более суровая мера наказания, дознание направлять в военную прокуратуру для предания виновного суду военного трибунала»¹.

Специальными документами был определен и порядок направления в штрафные части военнослужащих, которые дезертировали из Красной армии или добровольно перешли на сторону врага, а также находившихся в плену или на оккупированной территории. Так, 10 марта 1943 г. заместитель наркома обороны армейский комиссар 1-го ранга Е.А. Щаденко подписал директиву № 97, в которой отмечалось: «При призыве в Красную армию в местностях, освобожденных от немецких захватчиков, выявляются бывшие военнослужащие, которые в свое время без сопротивления сдались противнику в плен или дезертировали из Красной армии и остались на жительство на территории, временно оккупированной немцами или, оказавшись окруженными в месте своего жительства, остались дома, не стремясь выходить с частями Красной армии.

Таких лиц после быстрой проверки немедленно направлять в штрафные части.

Порядок и места проверки в отношении рядового и младшего начсостава установить распоряжением военсовета армии, а в отношении среднего и высшего начсостава — распоряжением военсовета фронта.

В спецлагеря направлять только лиц, на которых

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). — Т. 13(2—3) — М.: ТЕРРА, 1997. С. 198.

имеются серьезные данные для подозрения в антисоветской деятельности»¹.

В штрафные подразделения направлялись и советские граждане, сотрудничавшие с оккупантами. Например, в докладе начальника отдела по спецделам Главной военной прокуратуры Стрековского отмечалось, что те из полицейских, которые занимали руководящие посты или запятнали себя серьезными преступлениями, бежали вместе с немцами. Остались те, кого в принципе можно призвать в армию. «Всех этих лиц, — говорится в документе, — можно быстренько проверить путем опроса местного населения и затем, в случае отсутствия данных об их вербовке, предательстве или других моментах, передать в Красную армию, направив служить в штрафные роты».² Предложение было принято и оформлено в виде совместной директивы НКВД/НКГБ СССР №494/94 от 11 ноября 1943 г.

В штрафные батальоны и роты направлялись также военнослужащие, совершившие и иные проступки. В качестве иллюстрации воспользуемся приказом № 0682 заместителя наркома обороны генерал-майора артиллерии В.В. Аборенкова от 10 сентября 1942 г.: «Командованием 58-го гвардейского минометного полка 9 сентября 1942 г. был представлен акт технического осмотра боевых и транспортных автомашин. По данным акта до 80% всех автомашин приведено в негодность, причем характер повреждений и массовый вывод боевой техники из строя прямо указывает на преступное отношение водительского, командного и политического состава полка к ценной и остродефицитной боевой технике.

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4—3). — М.: ТЕРРА, 1997. С. 49.

² Цит. по: Кузнецов А. Штрафник // Дуэль. 2005. № 3.

Вывод из строя импортных автомашин, при отсутствии запасных частей к ним, навсегда выводит ценные и столь нужные армии боевые машины из строя.

Приказываю:

1. Члену военного совета гвардейских минометных частей Сталинградского фронта бригадному комиссару тов. Жукову совместно с представителями особого отдела и автобронетанкового управления Сталинградского фронта немедленно произвести расследование и установить виновников массовой и преступной порчи боевых и транспортных автомашин.

2. Виновных в преднамеренной порче машин расстрелять перед строем. Виновных в небрежном отношении к вверенной им боевой технике немедленно направить в штрафные стрелковые батальоны.

3. Акт расследования с указанием фамилий виновных представить мне к 14 сентября 1942 г. на утверждение.

4. Предупреждаю всех командиров и комиссаров полков, дивизионов, батарей и весь технический начсостав частей и весь водительский состав, что за порчу и вывод из строя боевых или транспортных автомашин виновные будут или расстреляны, как за порчу вооружения, или немедленно отправлены в штрафные стрелковые батальоны.

Военным советам оперативных групп гвардейских минометных частей фронтов приказываю прекратить либеральное отношение к виновным в порче ценных и остродефицитных боевых и транспортных автомашин, немедленно привлекая виновных к строжайшей ответственности.

Виновных в умышленной порче немедленно расстреливать перед строем, а виновных в небрежном отношении немедленно направлять в штрафные стрелковые батальоны.

Настоящий приказ довести до всего командного, политического и начальствующего состава, а также до всего водительского состава гвардейских минометных частей Красной армии»¹.

9 сентября 1942 г. И.В. Сталин в качестве наркома обороны подписал приказ № 0685, который устанавливал, за какие нарушения следует направлять в штрафные части летчиков. В нем, в частности, говорилось: «Фактами на Калининском, Западном, Сталинградском, Юго-Восточном и других фронтах установлено, что наша истребительная авиация, как правило, работает плохо и свои боевые задачи очень часто не выполняет. Истребители наши не только не вступают в бой с истребителями противника, но избегают атаковать бомбардировщиков (так в тексте. — *Сост.*).

При выполнении задачи по прикрытию штурмовиков и бомбардировщиков наши истребители даже при количественном превосходстве над истребителями противника уклоняются от боя, ходят в стороне и допускают безнаказанно сбивать наших штурмовиков и бомбардировщиков.

Приказом НКО за № 0299 предусмотрены для летного состава в качестве поощрения денежные вознаграждения и правительственные награды за боевые вылеты с выполнением боевой задачи. Этот приказ в авиачастях извращен на фронтах.

Боевым вылетом неправильно считают всякий полет на поле боя, независимо от того, выполнена или нет истребителями возложенная на них боевая задача...

В целях ликвидации такой несправедливости и для того, чтобы поощрять только честных летчиков, а лов-

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2—2). — С. 300.

качей и трусов выявлять, изгонять из рядов наших истребителей и наказывать их, приказываю:

1. Считать боевым вылетом для истребителей только такой вылет, при котором штурмовики и бомбардировщики при выполнении боевой задачи не имели потерь от атак истребителей противника...

4. Летчиков-истребителей, уклоняющихся от боя с воздушным противником, предавать суду и переводить в штрафные части в пехоту»¹.

В годы Великой Отечественной войны строго наказывались и те, кто допускал серьезные недостатки в организации питания, материально-технического обеспечения и бытового обслуживания красноармейцев и командиров. По поводу этих случаев был издан ряд приказов, некоторые из которых мы процитируем.

4 декабря 1942 г. заместитель наркома обороны А.С. Щербаков подписал приказ № 0931, в котором отмечались «вопиющие факты бездушно-бюрократического отношения к материально-бытовым нуждам политработников, находящихся в резерве ГлавПУРККА при Военно-политическом училище имени М.В. Фрунзе». К этим фактам относились: плохая организация питания личного состава; низкое качество приготовляемой пищи; безобразные бытовые условия; содержание помещений в антисанитарном состоянии; нехватка обмундирования, обуви, постельных принадлежностей и др. По этому поводу в приказной части документа, в частности, констатировалось: «...За бездеятельность и преступно-бюрократическое отношение к созданию материально-бытовых условий политработникам резерва ГлавПУРККА помощника начальника училища по материально-техническому обеспе-

¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. № 5. — М., 1947. С. 37.

чению майора Копотиенко и начальника обозно-вещевого снабжения училища старшего лейтенанта интендантской службы Говтвяница снять с занимаемых должностей и направить в действующую армию в штрафной батальон...»¹

Существенные недостатки в организации питания красноармейцев были выявлены в марте — мае 1943 г. и на Калининском фронте. В постановлении Государственного комитета обороны № 3425 с от 24 мая 1943 г. в связи с этим обращалось внимание на отсутствие контроля со стороны Военного совета фронта за организацией продовольственного обеспечения и питания войск. На основании этого постановления Сталин подписал 31 мая приказ № 0374 по Наркомату обороны, в котором потребовал, наряду с привлечением к ответственности ряда должностных лиц фронта, «лиц начальствующего состава, виновных в перебоях в питании бойцов или недодаче продуктов бойцам, решением военного совета фронта направлять в штрафные батальоны и роты...»²

В штрафные части направлялись и лица командного и начальствующего состава, допускавшие беспечность и бесконтрольность, в результате чего в тылу гибли военнослужащие. Например, в мае 1944 г. нарком обороны И.В. Сталин подписал приказ следующего содержания: «18 мая с.г. на станции Красноармейская, в эшелоне с маршевым пополнением, следовавшим из 6-й запасной стрелковой дивизии, в результа-

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2—2). — С. 372—374.

² Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). — Т. 13 (2—3). — М.: ТЕРРА, 1997. С. 165—169.

те нераспорядительности офицерского состава красноармейцы, подобрав неразорвавшуюся мину, начали ею разбивать доски для разведения костра и от разрыва этой мины было убито 4 человека и ранено 9 человек. Преступные элементы, находившиеся в составе эшелона, воспользовавшись этим происшествием, вовлекли неустойчивых красноармейцев к нарушению воинской дисциплины, разоружению и избиению офицерского состава...

Приказываю:

...Военному совету Харьковского военного округа офицерский состав эшелона, проявивший во время происшествия бездействие, лишит военных званий и отправить в штрафную часть.

Проверить сержантский и рядовой состав эшелона и непосредственно виновных в нарушении дисциплины — предать суду военного трибунала, а остальных направить в штрафную часть, кроме сержантского и рядового состава роты автоматчиков и маршевой батареи, не принимавших участия в беспорядках...»¹

Как известно, в приказе № 227 отмечалось, что командиры полков «могут быть направлены в штрафной батальон не иначе как по приговору военного трибунала фронта». Но были и исключения из этого правила, когда должностные лица шли на прямое нарушение приказа наркома обороны. Это, в частности, относится к заместителю наркома обороны маршалу Г.К. Жукову, который в своем приказе от 29 апреля 1944 г. потребовал: «...За невыполнение приказа военного совета армии, за оставление противнику выгодных позиций и непринятие мер к восстановлению по-

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). Т. 13 (2—3). — М.: ТЕРРА, 1997. С. 294.

ложения, за проявленную трусость, ложные доклады и отказ от выполнения поставленной боевой задачи командира 342-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковника Ячменева Федора Абрамовича для искупления своей вины перед Родиной направить в штрафной батальон сроком на два месяца.

2. Приказ объявить всему офицерскому составу до командира батальона включительно»¹.

Направлению в штрафные части подлежали также военнообязанные и военнослужащие, симулирующие болезнь, и так называемые «членовредители». По этому поводу был издан приказ № 0882 от 12 ноября 1942 г., который подписал заместитель наркома обороны армейский комиссар 1-го ранга Е.А. Щаденко. В приказе отмечалось, что многие командиры частей, соединений, врачи, районные, городские и областные военные комиссары проявляют недопустимый либерализм в отношении лиц, заявляющих о незначительных и даже мнимых болезнях и физических недостатках. В результате этого освобождаются от службы лица, имеющие незначительные, легко излечимые заболевания или недостатки (трахома в начальной стадии, чесотка, ушибы, порезы, грыжа и пр.), пониженное зрение, слух и др. В приказе требовалось: «...Отправлять на переосвидетельствование военнослужащих, признанных врачебными комиссиями годными к службе, но продолжающих заявлять себя больными, без предварительного тщательного осмотра врачами частей и их письменных заключений. Если будет установлено, что военнослужащий симулирует болезнь и членовредитель, предавать суду, а осужденных немед-

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). Т. 13 (2—3). — М.: ТЕРРА, 1997. С. 277.

ленно отправлять в штрафные части действующей армии...»¹

Иногда в штрафные переводились целые части. Например, 23 ноября 1944 г. нарком обороны И.В. Сталин подписал приказ № 0380 следующего содержания: «214-й кавалерийский полк 63-й кавалерийской Корсуньской Краснознаменной дивизии (командир полка гвардии подполковник Данилевич) в бою 26 октября 1944 года утерял Боевое Красное Знамя полка...

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 21.12.1942 года, командир полка и офицерский состав, виновный в таком позоре, подлежат суду военного трибунала, а войсковая часть расформированию.

Учитывая, что утеря Красного Знамени произошла не вследствие малодушия личного состава 214-го кавалерийского полка, а по причине нераспорядительности командира полка — гвардии подполковника Данилевича и что 214-й кавалерийский полк в предшествующих боях с немецко-фашистскими захватчиками успешно выполнял боевые задания командования, — приказываю:

1. 214-й кавалерийский полк перевести в разряд штрафных и предупредить весь личный состав полка, что своими действиями в боях он должен искупить свою вину перед Родиной...

5. Настоящий приказ объявить всему личному составу Красной Армии»².

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2—2). — С. 361—364.

² Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). Т. 13 (2—3). — С. 332—333.

Личный состав полка в последующем проявил мужество и самоотверженность в боях. По ходатайству военного совета 3-го Украинского фронта 214-му кавалерийскому полку вернули прежний статус и вручили новое Знамя.

В штрафные формирования направлялись не только военнослужащие-мужчины, но и женщины. Далее мы увидим, что некоторые участники войны категорически отрицали возможность этого. Однако опыт показал, что направлять в штрафники женщин-военнослужащих, совершивших нетяжкие преступления, нецелесообразно. Поэтому 19 сентября 1943 г. начальникам штабов фронтов, военных округов и отдельных армий была направлена директива Генштаба № 1484/2, в которой приказывалось: «Женщин-военнослужащих, осужденных за совершенные преступления, в штрафные части не направлять. Тех из них, которые за совершенные ими преступления осуждены военными трибуналами с применением второго примечания к ст. 28 Уголовного кодекса РСФСР, направлять в части действующей армии.

Женщин-военнослужащих за преступления в порядке, указанном в приказе НКО № 0413, в штрафные части также не направлять, ограничиваясь строгими дисциплинарными взысканиями, а при невозможности разрешить дело в дисциплинарном порядке — предавать суду военного трибунала»¹.

Формирование штрафных батальонов и рот осуществлялось иногда не столь успешно, как того требовало руководство Наркомата обороны и Генерально-

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12—3). — М.: ТЕРРА, 1999. С. 331.

го штаба. В этой связи заместитель наркома обороны маршал Советского Союза Г.К. Жуков в марте 1943 г. направил командующим войсками фронтов директиву № ГУФ/1902, в которой отмечалось: «Проверками штрафных частей, произведенными военной прокуратурой, установлено, что на формирование и укомплектование штрафных батальонов и рот уходило по нескольку месяцев, в течение которых штрафники отсиживались в тылу, в боях не участвовали. Так, штрафной батальон Волховского фронта находился в глубоком тылу больше трех месяцев, имея в своем составе всего 64 штрафника при 100 человек постоянного состава. Значительная часть штрафников 63-й и 65-й рот Сталинградского фронта находилась в тылу также около трех месяцев. Штрафные роты 10-й армии, насчитывая всего по 30—40 человек в роте, выполняли хозяйственные работы при вторых эшелонах.

В целях использования штрафных частей в строгом соответствии с приказом Народного Комиссара Обороны № 227 и положениями о штрафных частях, приказываю:

1. Сократить число штрафных рот в армиях. Собрать штрафников в сводные роты и, таким образом, содержать их в комплекте, не допуская бесцельного нахождения в тылу и используя их на наиболее трудных участках боевых действий.

2. В случае значительного некомплекта в штрафных батальонах вводить их в бой поротно, не ожидая прибытия новых штрафников из лиц начсостава с целью прикрытия некомплекта всего батальона...»¹

¹ Цит. по: Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Книга вторая. Перелом. — М.: Наука, 1998. С. 437.

О том, как выполнялся приказ № 227 непосредственно в действующей армии, можно судить по документам воюющих фронтов. Так, летом и осенью 1942 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов проводили частные наступательные операции, срывая планы командования группы армий «Север» по овладению Ленинградом. Несмотря на то, что советские войска в целом вели успешные бои против врага, в действиях некоторых частей и соединений наблюдались серьезные недостатки. Как отмечал в своем приказе № 00182 от 31 июля 1942 г. командующий войсками Ленинградского фронта генерал-лейтенант артиллерии Л.А. Говоров: «...Командование 85 сд, 59 и 103 сп проявило трусость, управляя боем из блиндажей и не имея наблюдательных пунктов, в которых видно было бы поле деятельности их войск. В дивизии не нашлось командиров и политических работников, которые вовремя сумели бы вскрыть невыполнение боевого приказа и личным примером на поле боя увлечь части и подразделения для выполнения поставленной задачи».

На основании этого факта Говоров приказал: «...Лиц командного и политического состава 85 сд, явившихся основными виновниками невыполнения боевой задачи, с должности снять, лишить или понизить в воинских званиях, лишить орденов и медалей и направить во фронтовой штрафной батальон. Начальнику штаба 2 августа представить мне соответствующие предложения на утверждение.

Младший командный и рядовой состав, проявивший трусость на поле боя, изъять из подразделений и направить в армейскую штрафную роту...»¹

¹ Цит. по: Ленинград выстоял и победил. — М., 2004. С. 204—205.

О формировании штрафных подразделений на Волховском фронте можно судить по донесению начальника политуправления Волховского фронта бригадного комиссара К. Калашникова, которое 6 августа 1942 г. было направлено начальнику Главного политического управления Красной Армии. В нем говорится: «... В соответствии с принятыми Военным советом фронта штатами и планами укомплектования заградотрядов, штрафных рот и батальонов политуправлением подобраны... для двух штрафных батальонов — два военкома, два секретаря партбюро, два секретаря комсомольских бюро и восемь политруков рот...

Военный совет фронта 31 июля принял специальное постановление о случаях измены Родине отдельными военнослужащими в 54-й армии и фактах преступно-беспечной организации службы боевого охранения и разведки. Военному совету 54-й армии приказано отстранить от занимаемых должностей и предать суду с направлением в штрафной батальон командира 3-го взвода 3-й роты 6-й отдельной бригады морской пехоты сержанта Войкова П.П., командира 3-й роты лейтенанта Соболева И.М, политрука 3-й роты сержанта Смердова Г.И., командира 1-го батальона ст. лейтенанта Одинцова Г.В. и комиссара 1-го батальона батальонного комиссара Ульянина А.Ф. как не принявших достаточных мер и не предотвративших перехода к врагу изменников Родины, бывших бойцов 3-й роты...»¹

В воспоминаниях ветеранов войны и исследованиях ряда авторов часто подчеркивается, что штрафные батальоны нередко именовались «офицерскими» штрафными батальонами. В принципе это верно, так

¹ Цит. по: Ленинград выстоял и победил. С. 294.

как они комплектовались лицами среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава, то есть офицерского состава. Но, как мы видим, были и нарушения Положения о штрафных батальонах. Командир 3-го взвода 3-й роты 6-й отдельной бригады морской пехоты сержант П.П. Войков и политрук 3-й роты сержант Г.И. Смердов по должности относились к среднему составу, но по воинскому званию не подходили под понятие «офицерский штрафной батальон». Поэтому порою нападки одних исследователей на других в том, что они искажают истину, не совсем верны. Надо руководствоваться документальными источниками и тогда уже делать соответствующие выводы.

В Положениях, утвержденных Г.К. Жуковым, отмечалось, что в постоянный состав штрафного батальона и штрафной роты входят командир и военный комиссар батальона (роты), командиры и военные комиссары рот, командиры и политические руководители взводов, а также остальной постоянный начальствующий состав. Не располагая штатами штрафных батальонов и рот, воспользуемся публикациями, в которых содержатся различные данные об организационно-штатной структуре этих подразделений и частей, а также их технической оснащенности. Например, И.В. Кузьмичев в статье «Штрафники» пишет, что штатная структура отдельного штрафного батальона включала: командира; управление (заместитель командира, заместитель командира по политической части, интендант, писарь); штаб (начальник штаба, заместитель начальника штаба, помощник начальника штаба, начальник медицинской части, начальник связи, 2 писаря); три роты, в каждой по три взвода. Штрафная рота состояла из командира, управления

(заместитель командира, заместитель командира по политической части, писарь, санинструктор, старшина), трех взводов¹.

По воспоминаниям участников войны, воевавших в составе штрафных формирований, их структура отличалась от той, которая была утверждена приказами Наркомата обороны. Так, А.В. Пыльцын в книге «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина» рассказывает о том, что в конце апреля 1943 г. в селе Змиевка недалеко от Орла началось формирование 8-го отдельного штрафного (офицерского) батальона Центрального фронта. Вероятно, автор ошибся, так как в боевом расписании штрафных частей этот батальон числился уже с 1942 г. сначала на Донском, а затем на Центральном фронте. Штатный состав управления батальона и его подразделений, отмечает А.В. Пыльцын, набирался в основном из офицеров, получивших боевой опыт в Сталинградской битве. У командира батальона (штатная категория полковник) было два общих заместителя, начальник штаба и замполит (подполковники), а также помощник по снабжению; у начальника штаба — четыре помощника (ПНШ-1, 2, 3, 4) — майоры. В каждой роте было по 200 и более бойцов. Штатная должность командира роты — майор, взвода — капитан². Одним из заместителей Пыльцына был бывший командир стрелкового полка, бывший подполковник С.И. Петров, имевший более чем двухлетний боевой опыт. Другим заместителем стал проштрафившийся начальник тыла дивизии,

¹ См.: Кузьмичев И. В. Штрафники // Сержант. 2000. № 1 (14). С. 27.

² См.: Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. — СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2003. С. 27.

тоже подполковник Шульга. На должности командиров отделений были назначены майор-артиллерист Пузырей, капитан-пограничник Омельченко, капитан-танкист Луговой.

О батальоне, которым командовал А.В. Пыльцын, пишет и А. Мороз в статье «Искушение кровью. Как 8-й отдельный штрафной батальон прошел с боями от Волги до Одера». Он отмечает, что в августе 1942 г. на Сталинградском (с 28 сентября 1942 г. — Донской) фронте началось формирование 1-го и 2-го штрафных батальонов. Однако из-за того, что не удалось укомплектовать 2-й штрафной батальон постоянным составом, он приказом командующего войсками Донского фронта генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского № 09/0125 от 30 сентября был расформирован, а его командный и политический состав (33 человека) направлен на формирование 1-го штрафного батальона. Распоряжением № орг/2/78950 Главного организационно-штатного управления Главупраформа Красной армии от 25 ноября 1942 г. была установлена единая нумерация штрафных батальонов. В соответствии с этим 1-й отдельный штрафной батальон Донского фронта получил номер 8. Постоянный состав батальона включал командира, военного комиссара, начальника штаба, заместителя командира (по строевой части), командиров штаба и политработников, командиров и политруков трех стрелковых рот и роты противотанковых ружей, командиров взводов, несколько интендантов, военврача и военфельдшера, 6 сержантов и красноармейцев (писарь-каптенармус, санинструктор, 4 санитар-носильщика), взвод снабжения и комендантский взвод. На 15 августа в 1-м отдельном штрафном батальоне числилось 95 человек постоян-

ного состава, из них 29 сверх штата до особого распоряжения¹.

Генерал-майор Ф.А. Киселев, который был начальником штаба 8-го отдельного штрафного батальона, дает уже иной состав. «Батальон состоял из постоянного и переменного состава, — пишет он. — К переменному составу относились те, которые прибывали в батальон для отбытия наказания за совершенные проступки (то есть штрафники). К числу постоянного состава относились офицеры штаба, командиры рот, взводов, их заместители по политчасти, старшины подразделений, начальники артиллерийского, вещевого, продовольственного снабжения, финансового довольствия и другие. Батальон состоял из штаба, трех стрелковых рот, роты автоматчиков, пулеметной, минометной и роты противотанковых ружей, взводов комендантского, хозяйственного, связи»².

8 августа 1942 г. в 57-й армии начали формировать 1-ю отдельную штрафную роту³. Штатом роты предусматривалось, кроме командира и его заместителя, иметь трех командиров взводов, трех их заместителей по строевой части, заведующего делопроизводством-казначея и фельдшера, военного комиссара, агитатора роты и трех взводных политруков. Кроме того, к роте был прикомандирован уполномоченный Особого отдела НКВД, а с апреля 1943 г. — оперуполномоченный отдела контрразведки Смерш. В ходе войны постоянный офицерский состав роты (15 человек) был сокра-

¹ См.: Мороз А. Искушение кровью. Как 8-й отдельный штрафной батальон прошел с боями от Волги до Одера // Красная Звезда. 2006. 15 июня.

² Цит. по: Ветеран. 1984. № 3 (55).

³ См.: Мороз А. Штрафная рота // Красная Звезда. 2007. 11 апреля.

щен до 8 человек. Постоянный состав младших командиров и рядовых включал: старшину роты, писаря-каптенармуса, санитарного инструктора, три взводных санитаря, водителя, двух конюхов (ездовых) и двух поваров¹.

Кроме стрелковых штрафных рот и батальонов, создавались, как об этом вспоминают участники войны, штрафные формирования других родов войск. Например, по свидетельству И.Е. Федорова, осенью 1942 г. в 3-й воздушной армии Калининского фронта был сформирован «штрафной полк» (42 самолета) под его командованием, который якобы существовал около двух месяцев². В предписаниях летчикам значилось: «Направляется в группу истребителей-штрафников». Документальных подтверждений существования авиационного штрафного полка нет. Поэтому остается верить или не верить на слово И.Е. Федорову. Настораживает то, что во втором томе труда «Герои Советского Союза» об его участии в войне имеются весьма скудные сведения. Данный факт требует дополнительного исследования.

О технической оснащенности штрафных рот и батальонов участники войны и исследователи приводят различные данные. Например, В. Кулешов в статье «Штрафбатя» пишет, что к штатному стрелковому оружию штрафных формирований относились: у переменного состава — винтовки С.И. Мосина обр. 1891/1930 г., у постоянного состава — пистолеты-пулеметы Г.С. Шпагина и В.А. Дегтярева, пистолеты «ТТ»,

¹ См.: Мороз А. Штрафная рота // Красная Звезда. 2007. 11 апреля.

² См.: Володченко В. Командир небесных штрафников // Труд. 2006. 21 февраля. № 030.

револьверы системы «Наган». Кроме того, штрафники самостоятельно вооружались трофейным автоматическим оружием (пистолетами-пулеметами МР40, пулеметами МГ-34 и-42) и даже ротными минометами. Это позволяло создавать внештатные пулеметные и минометные расчеты, куда назначали наиболее надежных бойцов. Для выполнения конкретных задач в оперативное подчинение командира подразделения штрафников могли переходить артиллерийские, минометные и даже танковые подразделения. А. Мороз отмечает, что в 8-м отдельном штрафном батальоне в апреле — ноябре 1943 г. на вооружении состоял легкий танк «Т-60», который штрафники обнаружили подбитым под Севском, отремонтировали и использовали для ведения разведки¹.

А вот что говорили те, кто служил в штрафных формированиях.

С.Л. Ария: «Вооружены мы были только винтовками. Ни автоматов, ни пулеметов у нас не было»².

Н.И. Смирнов: «Нам выдавали автоматы и патроны не жалели. Говорили: «Бери сколько унесешь». Кроме того, каждому полагались оборонительные гранаты «Ф-1» и наступательные «РГД-33». В бою вооружались сами. У немцев тогда появились фаустпатроны. Я учил своих подчиненных стрелять из них, но они боялись обжечься. Приходилось самому»³.

Д. Дебольский: «Нас вооружили как обычные стрел-

¹ Мороз А. Искупление кровью. Как 8-й отдельный штрафной батальон прошел с боями от Волги до Одера // Красная Звезда. 2006. 17 июня.

² Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. — М.: Вече, 2007. С. 110.

³ Цит. по: Кулешов В. Штрафбатя // Алтайская правда. 2004. 17 сентября.

ковые подразделения: винтовками, пулеметами, автоматами»¹.

В.Е. Копылов: «После известного приказа Сталина № 227 «Ни шагу назад» повсюду стали формироваться панцерно-штурмовые батальоны. Что это такое? Для наглядности могу привести (не очень точно — память подводит) внешний вид солдата этого подразделения: каска, а через плечи — два щита из тонюсенькой стали. Во время боя солдаты опускали эти «кольчуги» на низ живота (зачем — объяснять не надо). Потом они побросали их вовсе. Собственно, ПШБ — это первые штрафные батальоны»².

В повести И. Толстого «Люди в кирасах» рассказывается о действиях 2-го отдельного штурмового батальона, который штрафники называли «2-й офицерский штрафной батальон». Батальон был направлен в район Вязьмы, где штрафники получили стальные трехмиллиметровые щиты, выкроенные и выгнутые по фигуре человека. Верхняя часть такого щита прикрывала грудь, а нижняя, прикрепленная к верхней гибким соединением, защищала живот. В снятом положении он мог служить и прикрытием, когда не было окопа, и упором для стрельбы.

В данном случае автор пишет о стальном нагруднике СН-42, который был принят на вооружение Красной армии в 1942 г. Он имел массу 3,5 кг, удовлетворительно защищал грудь и часть живота от пуль пистолетных патронов. Стальные нагрудники были предназначены для оснащения штурмовых инженер-

¹ Цит. по: Баканов В. Правда и небылицы. О штрафниках и смертниках Великой Отечественной войны // Магнитогорский металл. 2004. 29 апреля.

² Цит. по: Награды, политые кровью (Рассказ ветерана) // Военные знания. 1996. № 7 (июль). С. 4.

но-саперных частей и подразделений. Так, по штату № 012/127, утвержденному маршалом Советского Союза А.М. Василевским 31 мая 1943 г., отдельный штурмовой инженерно-саперный батальон имел 125 стальных нагрудников из расчета на одну роту в каждом батальоне¹.

Военнослужащие прибывали для прохождения службы в штрафные части и подразделения в своем обмундировании, но уже со споротыми знаками различия и без наград. Лицам, досрочно освобожденным из мест заключения, выдавалась форма одежды рядового состава без знаков различия, как правило, 2-й или 3-й категории. Для постоянного состава штрафных подразделений была установлена форма одежды и знаки различия пехоты.

Н.И. Смирнов: «Одевали штрафников не хуже, чем остальных»².

И.М. Богатырев: «Моя обязанность была принять. Здесь он снимает с себя все: сапоги хромовые, португую, командное обмундирование. Переодевается и рассказывает, как был осужден. Сдает мне, значит, в каптерку офицерское и становится уже солдатом, пока не искупит вину кровью. Или погибнет и уже не возвращается, или после ранения прибывает к нам, чтобы получить свое прежнее обмундирование»³.

В Положениях о штрафных батальонах и ротах отмечалось, что постоянный состав (командиры, воен-

¹ См.: Никифоров Н.И. Штурмовые инженерно-саперные бригады в Великой Отечественной войне: создание и боевое применение. — М.: Издательский центр Международного общественного фонда «Победа — 1945 год», 1999. С. 87.

² Цит. по: Кулешов В. Штрафбатя // Алтайская правда. 2004. 17 сентября.

³ Цит. по: Великая Отечественная война: 1941—1945. С. 162.

ные комиссары, политруки и др.) назначался на должность приказом по войскам фронта и армии из числа волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политработников.

Так, М.И. Сукнев, награжденный орденом Александра Невского, в середине октября 1943 г. по рекомендации командования 225-й стрелковой дивизии был назначен командиром отдельного штрафного батальона 59-й армии Волховского фронта. До этого Михаил Иванович командовал стрелковым батальоном этой же дивизии. Ему было предоставлено право выбора лучших командиров рот и взводов, а также сержантского состава из полков дивизии.

По сведениям А. Мороза, командир 8-го отдельного штрафного батальона имел право подбирать командиров рот и взводов в Отдельном полку резерва офицерского состава, а также отчислять тех, кто не оправдал доверия.

На Забайкальском фронте постоянный состав 3-го отдельного штрафного батальона (ранее под этим номером воевал отдельный штрафной батальон Калининского, затем 1-го Прибалтийского фронта) был укомплектован из числа офицеров 26-й окружной школы снайперов, начальник которой майор Ф.С. Марченко стал командиром этого батальона¹.

Подполковник запаса, Герой Советского Союза З.М. Буниятов в мае 1941 г. окончил Бакинское пехотное училище им. Г.К. Орджоникидзе, получил назначение в г. Бендеры, где встретил начало войны. В январе 1945 г. командир дивизии предложил ему возглавить штрафную роту. Правда, в книге «Герои Советского

¹ См.: Мороз А. Искупление кровью. Как 8-й отдельный штрафной батальон прошел с боями от Волги до Одера // Красная Звезда. 2006. 15 июня.

Союза» отмечается, что Бунятов командовал 123-й отдельной стрелковой ротой в 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта.

Приведем еще ряд воспоминаний участников войны о том, при каких обстоятельствах они получали назначение в постоянный состав штрафных батальонов и рот.

Е.А. Гольбрайх: «В штрафную роту я попросился сам. Солдат, как, впрочем, и офицер, на войне своей судьбы не выбирает: куда пошлют, туда и пойдешь. Но при назначении на должность в штрафную роту формально требовалось согласие...»¹

И.Н. Третьяков: «Я командовал ротой в учебном батальоне, когда меня вызвали к командующему 13-й армией генералу Н.П. Пухову. Было это в ноябре 1942 года. Когда командарм сказал, что я назначаюсь командиром ОШР, у меня невольно вырвалось: «В чем я провинился?» (О штрафротах мы слышали уже раньше.) Генерал ответил: «Если бы вы провинились, вас бы не командиром назначили, а послали рядовым». Потом начал говорить, что, мол, вы вторую войну размениваете (я участвовал в 1939 году в боях на Халхин-Голе), недавно закончили училище и вы — коммунист...»²

А.В. Беляев: «На фронте я с сентября 1941 года, — вспоминал он. — К концу Московской битвы стал начальником штаба стрелкового батальона. Ранили. Из госпиталя попал на курсы командного состава Западного фронта в Подольск. А оттуда по распоряже-

¹ Цит. по: Их заменить было некому. Воспоминания фронтовика Ефима Абелевича Гольбрайха // Крымская правда. 2006. 23 августа.

² Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

нию Военного совета фронта был назначен помощником начальника штаба 16-го ОШБ по оперативной работе и воевал в его составе до марта 1945 года. Знаю, что в постоянный состав в основном попадали боевые, опытные офицеры. Например, вторым (не нашим) ОШБ на Западном, затем 3-м Белорусском фронте командовал полковник Яков Ефимов, бывший начальник политотдела 29-й гвардейской стрелковой дивизии. У нас тоже были сплошь прошедшие бои командиры... Командиры взводов нередко назначались и из числа искупивших вину штрафников: наиболее подготовленные в боевом отношении, имеющие опыт проведения политико-воспитательной работы, поддержания дисциплины, воинского порядка и надежные в моральном плане»¹.

Н.И. Смирнов: «В резерв армии (47-я армия. — *Сост.*) приехал капитан Князев — командир штрафной роты — и сказал, что ему срочно нужны четыре добровольца. Я, как и многие другие молодые офицеры, тогда ничего об этом не слышал. Он рассказал, чем нам придется заниматься и с каким контингентом работать. Задачи определил так: прорыв обороны, разведка боем, вылазки ночью за «языками». Я как настоящий комсомолец рвался на фронт и особенно не задумывался, куда именно попаду. Просто махнул рукой и согласился. Вот так и получилось — можно сказать, на себя я тогда рукой махнул. Как только приехали на место, под мое командование выделили первый взвод, а уже потом, когда погиб командир, я принял командование ротой на себя»².

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

² Цит. по: Кулешов В. Штрафбатя // Алтайская правда. 2004. 17 сентября.

В Положениях о штрафных батальонах и ротах говорилось, что всему постоянному составу срок выслуги в званиях, по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии, сокращается наполовину, а каждый месяц службы в штрафных формированиях засчитывается при назначении пенсии за шесть месяцев. Снова воспользуемся воспоминаниями фронтовиков.

И.Н. Третьяков: «Какие льготы были у меня, как командира штрафной роты: а) оклад 1100 рублей, 5% выслуги, 20% полевых — всего 1375 руб. Командир же обычной стрелковой роты получал 750 руб.; б) за один год и три с половиной месяца дважды повышали в звании; в) где было побольше огонька, там приходилось воевать»¹.

А.В. Беляев: «Описать все, что пришлось пережить, нет возможности, нужно было побыть там самому. Достаточно сказать, что в 23 года я стал седым. Правда, за год и 7 месяцев мне присвоили звания капитан и майор. Стимулом для нас, офицеров постоянного состава штрафных частей, которые шли в бой вместе с теми, кто кровью искупал свою вину перед Родиной, был и двойной оклад, который мы, как правило, отдавали в Фонд обороны»².

П.Д. Бараболя: «Не были забыты будто бы и офицеры, командовавшие подразделениями штрафников. Месяц службы им засчитывался за полгода. Были предусмотрены досрочное присвоение званий, щедрые награды, особый паек и другое в том же духе. В основ-

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. — М.: Вече, 2007. С. 58.

² Там же. С. 58—59.

ном же многие посулы оставались на бумаге. «Специальный паек», например, запомнился промерзшими консервами и ежедневным гороховым супом (до сих пор к этому уважаемому блюду у меня сохранилось стойкое отвращение)...»¹.

О переменном составе штрафных формирований участники войны также высказывают различные мнения.

И.И. Рощин вспоминал, что в большинстве своем штрафники действительно совершили воинские преступления — дезертировали во время боя или струсили в ответственный момент. Однажды в штрафную роту привезли моряков из Поты, человек тридцать, которые, вернувшись из очередного похода, пошли в увольнение на берег. Здесь они помянули погибших товарищей, и очень не понравились им рыночные торговцы — здоровые мужики, место которых в трудный для Родины час, конечно, не за прилавком, а на фронте. Ну, моряки и объяснили им это на деле, за что угодили под трибунал — с подачи местных властей². В роту, в которой служил И.И. Рощин, был направлен бывший майор, начальник военторга. Он по заказу командарма сшил его подружки шикарные сапожки. Начальник штаба армии потребовал для своей подружки сапожки еще лучшие. А материала у майора больше не оказалось. В результате его отдали под трибунал по надуманному поводу. В одном из новых пополнений оказалось семь девушек — медсестер. Все отступали — и они бежали вместе со

¹ Цит. по: Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 т. Т. 1. С. 360—361.

² См.: Некрасова М. Искупить кровью // Гвардия России. 2004. Май. № 6 (21).

всеми, пока не остановил их заградотряд и — в штрафную роту¹.

П.Д. Бараболя: «Первое знакомство со штрафниками произвело гнетущее впечатление. Конечно, внешне это были вполне, что называется, нормальные парни или молодые, до тридцати лет, мужчины — улыбочивые и настороженные, угрюмые и лукавые. На большинстве из них ладно сидела военная форма. Ну, просто хоть пиши с иных иллюстрации для строевого устава! Однако совершенно по-другому смотрелся «послужной список» этих людей. Военные трибуналы за совершенные воинские или уголовные преступления «отмерили» им суровые наказания — от пяти лет до смертной казни. Последних во взводе оказалось семеро. Тут было над чем задуматься»².

А.И. Бернштейн: «Слова «штрафбат» или «штрафрота» с момента появления приказа стали пугалом, а позднее и модой для старших начальников напоминать младшим о своем месте... Приказ № 227 зачитывался в войсках. Сам я тогда — капитан, инженер полка — разъяснял приказ подчиненным в строю применительно к задачам, которые выполнял полк: не готов аэростат к подъему и отражению налета вражеских самолетов — значит, вы отступили в бою; отказала боевая машина — вы не выполнили приказ; самовольная отлучка, сон на посту, утрата оружия или снаряжения, не говоря уже о самострелах, — это и есть нарушение приказа № 227, а отсюда трибунал

¹ См.: Некрасова М. Искупить кровью // Гвардия России. 2004. Май. № 6 (21).

² Цит. по: Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 т. Т. 1. С. 357.

и, возможно, штрафбат или штрафрота (каждому — свое)»¹.

По свидетельству Н.И. Смирнова, в его подчинении находились военнослужащие, направленные в штрафную роту по различным причинам: цыган, укравший лошадь у командира полка; баптист, отказавшийся брать в руки оружие².

Генерал-полковник В.М. Шатилов в своих мемуарах «Знамя над рейхстагом» пишет, что курсант военного училища Е. Мельников был отправлен в штрафную роту за отказ сдать трофейный фотоаппарат — подарок отца, полковника Мельникова, заместителя командующего по бронетанковым войскам 46-й армии 3-го Украинского фронта³.

А.В. Пыльцын: «Нештатным «начальником штаба» (проще говоря — взводным писарем) был у меня капитан-лейтенант Северного флота Виноградов. Он прекрасно владел немецким языком, но, как ни странно, именно это знание языка противника и привело его к нам в ШБ. Будучи начальником какого-то подразделения флотской мастерской по ремонту корабельных радиостанций, он во время проверки отремонтированной рации на прием на разных диапазонах наткнулся на речь Геббельса. И по простоте душевной стал ее переводить на русский в присутствии подчиненных. Кто-то донес об этом то ли в особый отдел, то ли в прокуратуру, и в результате получил Виноградов два месяца штрафбата «за пособничество вражеской

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. — М.: Вече, 2007. С. 96—97.

² Цит. по: Кулешов В. Штрафбатя // Алтайская правда. 2004. 17 сентября.

³ См.: Шатилов В.М. Знамя над рейхстагом. Издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Воениздат, 1975. С. 39—40.

пропаганде»... А взял я его к себе в этом качестве потому, что он обладал почти каллиграфическим почерком, к тому же мог сгодиться как переводчик, хотя я сам немецкий знал сравнительно неплохо»¹.

И. Суман: «Мне в армии не повезло с командиром — редкая была сволочь. Невзлюбил меня страшно, прямо говорил: «Вы, молдаване, вино с детства пьете, поэтому все такие тупые». В войну ссориться с командиром — гиблое дело. А тут я еще после боя в сердцах возьми да и похвали вслух немцев за хороший пулемет. У нас, понимаешь, чтобы во время боя поменять у ручного пулемета раскаленный ствол, нужно было минут пять. За это время тебя раз пять убить могли. А у немецкого — рычажок повернул, пружина ствол выбросила, новый надел и через 30 секунд — ты в бою. В общем, не сдержался я, а командир сзади был. Кончилось это дело штрафной ротой. Это можно было садиться и самому себе домой похоронку писать»².

Английский историк Э. Бивор в книге «Сталинград» пишет: «Командиры, допустившие отход, немедленно лишались званий и направлялись в штрафные роты и батальоны. Первый такой батальон появился на Сталинградском фронте тремя неделями позднее, 22 августа, за день до того, как немецкие войска достигли Волги... На Сталинградском фронте в 51-й армии были приказано собрать в одно подразделение всех офицеров, вышедших из вражеского окружения. Первой группе из 58 человек объявили, что их пошлют

¹ Цит. по: Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. — СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2003. С. 55.

² Цит. по: Волынец А. Разные лица войны // Невское время № 154 (1557). 1997. 28 августа.

на комиссию, после чего направят в новые части. Но допрашивать офицеров никто не стал, и вскоре без суда и следствия все они оказались в штрафных ротах. Когда через пару месяцев выяснилось, что это чья-то досадная ошибка, большая часть офицеров уже погибли»¹.

Законность при направлении в штрафные подразделения и части соблюдалась не всегда. Военные прокуроры, осуществляя надзор над штрафными частями, выявляли немало фактов, когда солдата или сержанта направляли в штрафники за незначительные проступки («шевеление в строю», «приготовление некачественного обеда» и т.п.). «Но здесь сыграла роль скорее не строгость закона, — отмечает А.В. Пыльцын, — как это было во многих судьбах штрафников, а господствовавшие в то время «стукачество» и гипертрофированная подозрительность некоторых начальников. Тогда от этого во много раз больше пострадало людей случайных, допустивших самые обыкновенные ошибки, просчеты, без которых не бывает ни одного серьезного дела. Было правилом обязательно найти, а в крайнем случае, придумать, конкретного виновника, ответчика, невзирая на то, что бывают повинны даже не люди, а обстоятельства»².

Переменный состав штрафных подразделений комплектовался также из числа военнослужащих, совершивших хищение имущества, продовольствия и другие поступки, не связанные с выполнением боевых задач. Так, в ноябре 1942 г. военная прокуратура Мос-

¹ Цит. по: Бивор Э. Сталинград / Пер. с англ. А. Жеребилова, А. Коноплева, А. Марченко, А. Фельдшера; художник П. Трофимов. — Смоленск: Русич, 1999. С. 107.

² Цит. по: Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. С. 38.

ковской зоны обороны привлекла к уголовной ответственности военнослужащих 27-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона, которые, как следовало из обвинения, «по предварительному сговору систематически злоупотребляли служебным положением в корыстных целях, т.е. совместно пьянствовали, а на закуску брали продукты, принадлежащие бойцам, этим возбуждали недовольство среди личного состава». 12 января 1943 г. трибунал 20-го района авиабазирования Западного фронта в открытом судебном заседании рассмотрел дело этих военнослужащих. При этом один из подсудимых был направлен в штрафной батальон, а другой — в штрафную роту¹.

И. Пичугин: «У нас в 3-й армии, которой командовал генерал Александр Васильевич Горбатов, были три штрафные роты, каждая по 350 человек. В роте — по четыре взвода. Разные люди попадали в эти воинские подразделения: воры, бандиты, рецидивисты, прибывшие из тюрем и лагерей со своими традициями и законами, которые и здесь (тем более с оружием в руках) забывать не собирались. Но были и случайно оступившиеся, а порой и безвинно пострадавшие, оклеветанные»².

Заслуженный деятель искусств, кандидат искусствоведения И.П. Горин был арестован зимой 1944 г. за подделку хлебных карточек и приговорен с учетом прошлой, оставшейся еще от детдомовской юности судимости на пять лет лагерей. «В Ковровской пересылке я попросил заменить мне срок штрафным ба-

¹ См.: Крикунов В.П. Штрафники (Вымыслы и документы спецслужб Геббельса на советском экране) // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 67.

² Цит. по: Пичугин И. «В прорыв идут штрафные батальоны» // Крымские известия. № 109 (3583). 2006. 17 июня.

тальяном, — вспоминал Иван Петрович. — Политическим оружием не давали — не доверяли, но я шел за мощенничество, и мне заменили...»¹

В штрафники попадали и работники особых отделов. Так, приказом наркома обороны И.В. Сталина № 0089 от 31 мая 1943 г. за «извращения и преступные ошибки» в следственной работе особого отдела 7-й отдельной армии следователи Седогин, Изотов и Соловьев, уволенные из органов, были направлены в штрафной батальон при начальнике тыла Красной армии².

М.И. Сукнев: «Среди них офицеров от младшего лейтенанта до старшего (капитанов не было) — под сто пятьдесят человек, все осуждены за «нарушения воинской дисциплины», за драки, «прелюбодеяния», за то, что утопили танк, направляясь «попутно» в деревушку к знакомым девушкам, и т.п. И даже из наших войск в Афганистане попали ко мне двое лейтенантов, которые подрались на квартире пожилого командира полка из-за его любвеобильной молодой жены. Лейтенантам дали от одного до трех месяцев штрафного... 2-ю роту сформировали из 200 гавриков — одесских и ростовских рецидивистов, которым заменили штрафным батальоном длительные сроки отбывания наказаний в тюрьмах и лагерях. Несколько привезены с приговорами к смертной казни — расстрелу... 3-я рота — басмачи, 200 человек таджиков, туркмен и еще откуда-то из Средней Азии...»³

¹ Цит. по: Бабченко А. Мошенник из штрафбата // Новая газета. 2005. 26 сентября.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1943—1945 г. Т. 13 (2—3). С. 170.

³ Цит. по: Сукнев М.И. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941—1945. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 150 — 151.

Это воспоминание опровергают слова В.В. Карпова: «В фильме («Штрафбат». — *Сост.*) показан штрафной батальон, в котором собраны уголовники, политические, проштрафившиеся рядовые. Такого не было и быть не могло... Проштрафившиеся рядовые, а также уголовники, политзаключенные, изъявившие желание воевать, направлялись в отдельные штрафные роты. Такие роты в штрафбат не входили, а придавались стрелковым полкам»¹.

По сведениям А. Мороза, переменный состав 8-го отдельного штрафного батальона комплектовался военнослужащими, осужденными за различные нарушения. Среди них бывшие начальники штаба дивизии и танковой бригады, начальник политотдела стрелковой бригады, военные комиссары дивизии, танковой и стрелковой бригад, 12 командиров полков, 5 командиров батальонов, 40 командиров рот и батальонов, 26 политруков, 81 командир взвода, 4 командира авиазвеньев, 2 штурмана эскадрильи, 8 авиатехников, 2 бортмеханика, начальники госпиталя, склада Наркомата обороны, военторга, клуба и др².

Одним из источников комплектования штрафных частей были красноармейцы, попавшие в немецкий плен, окруженцы, отставшие при отступлении от своих войск и оставшиеся на оккупированной территории.

А. Мороз в статье «Штрафная рота» также пишет: «Неиссякаемым потоком в штрафные роты направлялись те, кто при отступлении Красной армии в первые недели и месяцы войны дезертировал и осел на окку-

¹ Цит. по: Труд. 2004. 14 октября.

² См.: Мороз А. Искушение кровью. Как 8-й отдельный штрафной батальон прошел с боями от Волги до Одера // Красная Звезда. 2006. 16 июня.

пированной противником территории, а также частично — освобожденные из вражеского плена. Если отставший от армии при сомнительных обстоятельствах не предпринимал попыток выхода к своим, но и с оккупационными властями не сотрудничал, то он направлялся в штрафную роту на один месяц. Служившие при немцах старостами, полициями получали два месяца. А служившие в немецкой армии или в так называемой Российской освободительной армии (РОА), у предателя Власова — три»¹.

А.В. Пыльцын: «Поступал и значительный контингент бывших офицеров, оказавшихся в окружении в первые годы войны, находившихся на оккупированной территории и не участвовавших в партизанском движении (мы так и называли их общим словом «окруженцы»). Было небольшое количество и освобожденных нашими войсками из немецких концлагерей или бежавших из них бывших военнопленных офицеров, прошедших соответствующую проверку в органах Смерш («Смерть шпионам»). Полицаев и других пособников врага в батальон не направляли. Им была уготована другая судьба»².

К примеру, всех побывавших в германском плену проверяла на 1-м Белорусском фронте комиссия в составе председателя (представитель политуправления фронта) и двух членов (старший оперуполномоченный контрразведки Смерш при 29-м Отдельном полку резерва офицерского состава и заместитель командира этого полка по политчасти). Так, по протоколу № 61

¹ Цит. по Мороз А. Штрафная рота // Красная Звезда. 2007. 11 апреля.

² Цит. по: Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. — СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2003. С. 29.

от 16 мая 1944 г. в 8-й отдельный штрафной батальон были направлены 52 человека¹.

Н.Г. Гудошников: «Надо сказать, что формирование штрафных рот в нашей 40-й армии после сражения на Курской дуге шло довольно быстро. Основное пополнение давали дезертиры. Откуда они брались? Весной 1942 года в результате успешного, но непродуманного наступления наших войск вплоть до Харькова из освобожденных мест полевыми военкоматами при запасных полках было призвано большое количество оставшегося там мужского населения. Например, из одного только Грайворонского района мобилизовали что-то около 12 тысяч резервистов. Однако наши войска не удержали занятых позиций и стали отступать, уводя за собой новобранцев. Во время суматохи многие разбежались по своим хатам, оказавшимся на территории врага. После Курской дуги 40-я армия снова наступала по тем же местам, снова работали полевые военкоматы, и дезертиры оказались призванными вторично. Прежняя документация на них сохранилась, поэтому нетрудно было установить факт преступления. Им определялось 3 месяца штрафной роты, что соответствовало 10 годам заключения. Так набиралась команда из 200—250 человек и передавалась в ОШР»².

И.И. Коржик: «В сентябре 1943 года после освобождения нашими войсками Переяслава наш партизанский отряд имени Чапаева был расформирован. Часть партизан ушла на запад, а нас, несколько десятков

¹ Мороз А. Искупление кровью. Как 8-й отдельный штрафной батальон прошел с боями от Волги до Одера // Красная Звезда. 2006. 17 июня.

² Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

офицеров, направили в Рязань, как позже выяснилось, на спецпроверку. А затем всех — в штрафбат. Все мы, от младшего лейтенанта до полковника, в свое время попали в окружение в районе Киева. В чем была наша вина? В том, что не застрелились. После трехмесячной проверки все оказались «чистыми» — не сотрудничали с немцами, не изменники Родины. Казалось бы, надо просто направить людей в воинские части по специальности; но... В батальоне было 1200 офицеров, в том числе 25 полковников, которых на старости лет сделали рядовыми. Всем нам выдали красноармейские книжки»¹.

Е.А. Гольбрайх: «За что отправляли в штрафную роту? Невыполнение приказа, проявление трусости в бою, оскорбление старшего начальника, драка, воровство, мародерство, самоволка, а может, просто ППЖ (походно-полевая жена. — *Сост.*) комполка не понравился и прочее, и прочее... Из тыла прибывает эшелон уголовников, человек четыреста и больше, и рота сразу становится батальоном, продолжая именоваться ротой. Сопровождают уголовников конвойные войска, которые сдают их нам по акту... Что за народ? Тут и бандиты, и уголовники-рецидивисты, и укрывающиеся от призыва, и дезертиры, и просто воры. Случалось, что из тыла прибывали и несправедливо пострадавшие. Опоздание на работу более двадцати минут считалось прогулом, за прогул судили, и срок могли заменить штрафной ротой. С одним из эшелонов прибыл подросток, почти мальчик, таким, по крайней мере, казался... В штрафные роты направлялись и

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

офицеры, разжалованные по приговору военного трибунала»¹.

М.Г. Ключко: «Попадали и за дезертирство. Были случаи и просто смешные. Я помню, одного прислали к нам только за то, что командиру не понравилось, что у солдата такая же борода, как у него самого, что привело к конфликту. С изданием приказа № 227 командир мог добиться, чтобы неугодного солдата отправили в штрафную роту. В связи с этим в штрафбатах и в штрафротах проблем с личным составом не было»².

П.С. Амосов: «В 15-й штрафной батальон я был направлен по приказу командующего фронтом Конева так, что даже командир нашей части об этом не сразу узнал. Приказ гласил: «За халатность...» В части — а действовали мы тогда на Криворожском направлении — я сдал комсомольский билет, другие документы. Новое удостоверение личности просто отпечатали на машинке. Настроение было тяжелым. Но, оказалось, ничего, жить можно и в ОШБ, и там люди как люди — и пошутят, и погрустят. Был я в штрафбате самым молодым. Угодил туда из-за гибели начальника политотдела нашей 37-й армии полковника Емельянова. Дело в том, что немец перешел в контрнаступление, наши части отошли. В этот момент в районе Недайвода я оборудовал минное поле в стороне от дороги, ставил немецкие противотанковые мины с взрывателями натяжного действия (других не было). Получив неточные данные о расположении противни-

¹ Цит. по: Их заменить было некому. Воспоминания фронтовика Ефима Абелевича Гольбрайха // Крымская правда. 2006. 23 августа.

² Цит. по: Савчин Д. Штрафники не кричали «Ура!» // Зеркало недели. № 20 (293). 2000. 20 — 26 мая.

ка, полковник Емельянов на «виллисе» проскочил мимо нас в сторону противника. Мина сработала...»¹

Г.М. Дубинин: «Приказ об отправке в штрафную мне не показывали и не зачитывали. Я — сержант, недавний выпускник Серпуховской авиашколы, служил техником самолета в 3-й эскадрилье 16-го запасного истребительного авиаполка, дислоцировавшегося в Саратовской области. Мой самолет «Як-7Б» разбился при посадке с летчиком-инструктором и молодым пилотом в феврале 1944 года. Комиссия установила, что катастрофа произошла по вине инструктора (ремень его куртки попал в шариковую опору тяги рулей управления, и машина резко «клюнула»). Но «стрелочника» все равно нашли...»²

О.П. Будничук вспоминал, что бойцы разведывательной роты, которой он командовал, справляли поминки по убитому ранее командиру и встречу нового командира. От партизан перегнали корову, закололи, зажарили. Будничук отказался выполнить указание подполковника Полянского положить в его машину коровью ногу. Вскоре особый отдел обвинил Будничука в мародерстве и отправил его в штрафбат. Второй раз Будничук попал в штрафной батальон после неудачной разведки боем, проведенной по плану майора из штаба дивизии, племянника начальника разведки³.

А.В. Сорока: «Поругался я с командиром роты: я сам себе из старья сапоги смастерил (отец у меня был

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

² Там же.

³ См.: Швед Е. Штрафбат // Родина. 1991. № 6—7. С. 62—63.

сапожник-ортопед), а он хотел их у меня отобрать и другому курсанту отдать. Командир меня и отправил в штрафроту, правда, тоже под Петропавловск, обслуживать аэродром — все работы под землей»¹.

В. Кондратьев в статье «Парии войны» заявляет: «Да, не очень-то разбирались военные трибуналы во всех этих делах — не на десять же лет, а до «первой крови», а на войне не привыкать, тут кому как повезет, можно и царапиной отделаться, а — искупил... Но не только отсюда легкость, с какой выносились приговоры, есть здесь и другое, та еще довоенная практика наших органов, когда за гвоздь, вынесенный с завода, за колосок ржи, сорванный в поле, давали чудовищные сроки. Нужна была армия бесплатной рабочей силы, которую можно послать куда угодно и на самые тяжелые работы...»²

М.Г. Ключко: «Решение о формировании 322-й штрафной роты при нашей армии было принято. Но только когда был полностью укомплектован штат офицеров, к нам начал поступать рядовой состав из московских тюрем — Бутырской и Стромынки. Это были те, кому разрешили искупить кровью свою вину перед советским обществом. Общая численность роты составила около 300 человек. На каждый взвод приходилось по два офицера»³.

И.Н. Третьяков: «За год и три месяца моей службы как командира штрафной роты пришлось формировать и воевать с девятью наборами численностью от 250 до 560 человек. Контингент поступал из осужден-

¹ Цит. по: Вишневская С. Начал войну в штрафной роте, а закончил — настоящим художником... // Мисто. 2007. 9 июля.

² Цит. по: Литературная газета. 1990. 31 января.

³ Цит. по: Савчин Д. Штрафники не кричали «Ура!» // Зеркало недели. № 20 (293). 2000. 20—26 мая.

ных. Командир согласно положению определял срок: приговор до 5 лет — 1 месяц штрафной, до 7 лет — 2 месяца, до 10 лет — 3 месяца. Контингент поступал из Москвы — из Таганской тюрьмы, из пересылки на Стромынке — 7 наборов; один набор — из Закавказья; еще один — полицаи и старосты из Орловской и Курской областей... В штрафной роте были разжалованные командиры. После отбытия наказания командование возбуждало ходатайство, им присваивали звание и оставляли в роте командирами взводов»¹.

М.С. Бровко: «После окончания техникума я работал в Перми (тогдашний Молотов, Западный Урал) на пороховом заводе. Испытывал заряды прославленных «катюш», реактивные снаряды самолетов, заряды всех калибров минометов и артиллерии — по специальности я пороховик-динамитчик. Однажды в моей смене произошла авария — погибла женщина. Меня и еще одного работника осудили на пять лет тюремного заключения. Но это наказание заменили штрафной ротой»².

В.Е. Копылов: «Широко бытует мнение, что штрафбаты целиком и полностью (разумеется, кроме офицеров) формировались из бывших уголовников. Ерунда! Лично я таких подразделений не встречал... Кто попадал в мой штрафной батальон? Растерявшиеся в боевой обстановке люди, одним махом зачисленные в дезертиры. Встречались и серьезные нарушители воинской дисциплины. Редко, но попадались и «самострелы»...»³

¹ Цит. по: Рубцов Ю. В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

² Цит. по: Ермашина Л.В. в гостях у... // Приазовский рабочий. № 64. 2007. 4 июля.

³ Цит. по: Награды, политые кровью (Рассказ ветерана) // Военные знания. 1996. № 7 (июль). С. 4.

Н.И. Рябцовский, командовавший в октябре 1944 г. 614-й отдельной штрафной ротой, вспоминал: «Штрафная рота — это искупление преступления, за которое сюда попал, кровью. Глупая, я вам скажу, была теорема. В роте встречались и плохие люди, но в основном она состояла из преданных Родине солдат и офицеров, которые случайно попали в житейский переплет»¹.

Свою точку зрения об использовании бывших заключенных в штрафных частях и подразделениях высказал А. Гордиевский. «Создание штрафных частей не могло привести к дополнительному освобождению заключенных, — пишет он. — Осужденные за тяжкие политические и уголовные преступления освобождению не подлежали. Осужденные за нетяжкие преступления, которые были годны к службе в армии, ко времени создания штрафных частей уже были на свободе и воевали в обычных частях. Только по указам Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля, 10 августа и 24 ноября 1941 г. из мест лишения свободы освободили более 750 000 человек, в 1942 г. — еще 157,000. В штрафные роты их, как правило, не направляли. Никогда в штрафники не отправляли добровольцев. И особо подчеркну: уголовников из мест лишения свободы никогда не направляли в штрафные батальоны»².

К. Ковалев в статье «Штрафбред», оценивая фильм «Штрафбат», пишет: «Я как бывший политзэк сразу не поверил в эту чушь: я беседовал со многими старыми политзэками, антикоммунистами, и все они утверждали, что политических из лагерей на фронт, как это действительно было с уголовниками и бытови-

¹ Цит. по: Орешета М. Г. Осиротевшие берега. Петрозаводск, 1998.

² Цит. по: А. Гордиевский. Правда войны // Учительская газета. № 05 (10 034). 2005. 2 августа.

ками, никоим образом не посылали, хотя многие из них туда просились. Исключение составляли политзэки другой категории: те, кого сперва реабилитировали, «вдруг» выяснив, что они ни в чем не виновны, и лишь потом направляли на фронт, причем вовсе не в штрафбаты, а в нормальные части, вернув им звания и доверив ответственные посты. Но простой замены лагеря фронтом для политзаключенных не было. Поэтому все приведенные в сериале споры сталиниста с троцкистом, которых потом примирила только смерть на поле боя, — это большая ложь в геббельсовском духе, вранье, цель которого представить убеждения как одного, так и другого в виде бреда, чуждого «нормальному человеку», то есть обывателю, буржуа. Этих людей на фронте просто не было даже в штрафбате»¹.

Ю.В. Рубцов, автор книги «Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране», допускает, что некоторые из уголовников могли попасть в штрафные формирования из-за нарушения режима содержания заключенных. По положению должны были раздельно содержаться осужденные к лишению свободы до трех и свыше трех лет: первые — в исправительно-трудовых колониях (ИТК), вторые — в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ). По оценке начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина, в сентябре 1943 г. в ИТК содержалось «свыше 500 тыс. заключенных, осужденных на сроки свыше 3-х лет, в том числе за такие преступления, как измена Родине, контрреволюционные и особо опасные», а в ИТЛ оказалось около 50 тыс. осужденных на сроки менее 3-х лет². «С большой долей вероятности

¹ Цит. по: Ковалев К. Штрафбред // Молния. 2004, октябрь. № 19 (321).

² См.: Ивашов Л.Г., Емелин А.С. Архипелаг ГУЛАГ: 1941—1945 // Библиотечка «Красной Звезды». № 12 (540). — М.: 1990. С. 33—34.

можно утверждать, — пишет Ю.В. Рубцов, — что такое беспрецедентное «перемешивание» позволяло какой-то части уголовников посредством мобилизации в действующую армию или направления в штрафные части досрочно выйти на свободу, что при иных условиях было бы невозможным»¹.

Штрафные формирования, комплектовавшиеся в основном из числа военнослужащих различных воинских специальностей, при наличии времени проходили необходимую подготовку к предстоявшим боевым действиям. Об этом можно найти сведения в воспоминаниях фронтовиков.

А.В. Пыльцын: «По прибытии в Городец мы еще долгое время занимались приемом пополнения, формированием, вооружением и сколачиванием подразделений. Была налажена боевая подготовка, основной целью было обучить бывших летчиков, интендантов, артиллеристов и других специалистов воевать по-пехотному, а это значит — совершать напряженные марши, переползать, окапываться, преодолевать окопы и рвы, а также вести меткий огонь из автоматов, пулеметов, противотанковых ружей и даже из трофейных «фаустпатронов». Но, пожалуй, самым трудным, особенно в психологическом плане, было преодоление страха у некоторых обучаемых перед метанием боевых гранат, особенно гранат «Ф-1». Убойная сила ее осколков сохранялась до 200 метров, а бросить этот ручной снаряд даже тренированному человеку под силу лишь метров на 50—60. Обучение проходило на боевых (не учебных!) гранатах, которые взрываются по-настоящему! Правда, метать их нужно было из око-

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. — М.: Вече, 2007. С. 76.

па. Но перебороть боязнь удавалось не каждому и не сразу»¹.

П.Д. Бараболя: «Для иных пулемет, ПТР были незнакомы. Приходилось растолковывать азы и премудрости владения оружием, учить всему тому, без чего в бою не обойтись... Как бы то ни было, за те две недели, что нам отпустили на формирование и некоторую доподготовку личного состава, я многое узнал о своих новых подчиненных и окончательно убедился: нет, не потерянные они люди»².

В краткой сводке обобщенного боевого опыта оперативного отдела штаба 8-й гвардейской армии о боевых действиях в Берлинской операции от 10 мая 1945 г. отмечалось, что подразделения, проводившие разведку боем, в том числе и штрафные, проходили специальную тренировку. Для этой цели штрафные роты были выведены на восточный берег р. Одер³.

О том, как было налажено питание и бытовое обслуживание переменного состава, а также о взаимоотношениях между контингентом штрафных частей и подразделений, свидетельствуют сами бывшие штрафники.

И.П. Горин отмечал, что в день давали по двести граммов хлеба и миску баланды. Жили в бараках, продуваемых насквозь. Носили какую-то рванину, спали на нарах, крытых соломой...⁴

¹ Цит. по: Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. — СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2003. С. 50—51.

² Цит. по: Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 т. Т. 1. С. 358.

³ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии): Т. 15 (4—5). — М.: ТЕРРА, 1995. С. 463.

⁴ См.: Бабченко А. Мошенник из штрафбата // Новая газета. 2005. 26 сентября.

М.Г. Ключко: «Это неправда, что штрафники шли в атаку под воздействием спиртного. Как правило, шли голодными. Случалось, по двое суток ни крошки во рту не было. Воду кипятили и пили. После бомбежек ночью лазали по переднему краю в поисках убитых лошадей или других животных. Под Мелитополем или Мариуполем, точно уже не помню, в одном селе стояли полдня. Хозяйка угостила настоящим украинским борщом. Так после этого я сутки от болей в желудке корчился. Может, в других подразделениях было по-другому. Не знаю. Но говорю о том, что довелось пережить самому и тем, кто служил со мной»¹.

П.С. Хоменко: «Не замечал я среди своих бойцов обычной солдатской, как говорится, фронтовой дружбы. Ведь каждый мечтал в живых остаться и побыстрее освободиться, покинуть роту. И ко мне как к командиру отношение было скорее отчужденное, не такое, к какому я привык, командуя до этого ротой и батальоном»².

А. Мороз отмечает, что в 8-м отдельном штрафном батальоне Донского фронта расписанием дня предусматривалось 10 часов занятий. Ужин в распорядке не значился, горячую пищу с 15 августа по 27 ноября 1942 г. готовили только на завтрак и обед, причем половина муки была непригодна для выпечки хлеба, соль отсутствовала, из овощей в наличии были только огурцы и помидоры³.

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. — М.: Вече, 2007. С. 126.

² Цит. по: Лебедев П. Штрафники // Республика Татарстан. № 202. 2004. 5 октября.

³ См.: Мороз А. Искушение кровью. Как 8-й отдельный штрафной батальон прошел с боями от Волги до Одера // Красная Звезда. 2006. 16 июня.

Однако имеются и другие свидетельства, отличные от тех, что приведены выше.

Н.И. Смирнов: «Штрафников не обижали, понимали, что не жильцы. Кормили тоже хорошо. Кухня находилась на самообеспечении: то свинью возьмем у местных и забьем, то корову. Одевали штрафников не хуже, чем остальных»¹.

Е.А. Гольбрайх: «Обычная рота получает довольствие в батальоне, батальон — в полку, полк — с дивизионных складов, а дивизия — с армейских... Во всех инстанциях сколько-нибудь да украдут. Полностью до солдата ничего не доходит. А у нас, как это ни странно, воровать некому. И здесь вступает в силу слово «армейская». Наш старшина получает довольствие непосредственно с армейских складов. Правда, и ему «смотрят в руки». Нормы небедные, что-нибудь из трофеев и привезем. Продукты старшина получает полностью и хорошего качества, водку неразбавленную. Офицерам привезет полушубки длинные и не суконные бриджи, а шикарные галифе синей шерсти. И обмундирование для штрафников получит не последнего срока, а вполне приличное. Кроме того, у нас есть неучтенные кони, вместо двенадцати лошадей — небольшой табун. При необходимости забиваем коня помоложе, и что там твоя телятина! Кому-то и огород вспашем. Да, еще один важный фактор. Помимо извечной русской жалости к страдальцу-арестанту, каждый тыловой интендант всегда опасался когда-нибудь «загреметь в штрафную». Обеспечивали нас честно»².

¹ Цит. по: Кулешов В. Штрафбатя // Алтайская правда. 2004. 17 сентября.

² Цит. по: Их заменить было некому. Воспоминания фронтовика Ефима Абелевича Гольбрайха // Крымская правда. 2006. 23 августа.

А.В. Пыльцын: «Продовольствием, захваченным у немцев, по мере возможности пополняли свой скудный сухой паек, которого почти не осталось. Особенно удивил нас трофейный хлеб, запечатанный в прозрачную пленку с обозначенным годом изготовления: 1937—1938.

Сколько лет хранился, а можно было даже замороженный резать и есть! Не сравнить с нашими сухарями. Такое же удивление вызывал у нас какой-то гибрид эрзац-меда со сливочным маслом в больших брикетах. Бутерброды из этого хлеба с таким медовым маслом были как нельзя кстати и оказались довольно сытными.

В продовольственных трофеях встречалось и немало шоколада, который тоже хорошо подкреплял наши вконец ослабевшие от физического и от нервного перенапряжения силы... Несмотря на то что было уже начало марта, природа разразилась таким мощным «снеговалом» (снег не падал, а валил несколько дней), что едва мы прибыли в назначенный район, как все дороги и подъездные пути стали просто непроходимыми, а не только непроезжими. И целую неделю мы были отрезаны даже от своих батальонных тылов. Как говаривали наши остряки, погода тогда была «диетической».

Почти неделю из-за того, что невозможно было подвезти продовольствие, наш суточный трехразовый рацион горячего питания состоял из растопленного в походных кухнях снега (вот в чем недостатка не было!) и приготовленного из него «бульона», который кроме кипятка содержал довольно редко попадающиеся жиринки и какие-то вкрапления от американской свиной тушенки (1 банка на роту!), называемой нами тогда «Второй фронт». К этому добавлялось по сухарю.

И никакой возможности чем-то сдобрить это «диетическое» блюдо»¹.

Дисциплинарная практика, служба войск, политико-воспитательная работа в штрафных формированиях осуществлялись практически на тех же основаниях, что и в других частях действующей армии.

А.В. Пыльцын: «Надо отметить, что в... сравнительно длительном оборонительном периоде боевых действий было хорошо налажено и снабжение, и работа полевой почты, и всякого рода информация. Нам регулярно доставлялись, хоть и в небольшом количестве, даже центральные газеты «Правда», «Звездочка» (как называли «Красную Звезду»), «Комсомолка» и другие, а письма даже из далекого тыла приходили (мне, например, от матери и сестрички с Дальнего Востока), хотя иногда и со значительной задержкой, но всегда надежно»².

И.Н. Третьяков: «Службу и быт организовывали согласно уставам, политико-воспитательная работа велась, как обычно в армейских условиях. Упреки бойцам со стороны командиров, что они, мол, осужденные и находятся в штрафной, не позволялись. Обращались по-уставному: «Товарищ боец (солдат)». Питание было такое же, как в обычных частях. За неисполнение приказа, членовредительство, побег с поля боя или попытку перехода к врагу командный и политический состав штрафной части имел право и был обязан применять все меры воздействия, вплоть до расстрела на месте»³.

¹ Цит. по: Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. С. 39, 48—49.

² Там же. С. 68.

³ Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

Н.Г. Гудошников: «На мою долю выпало более года командовать взводом в отдельной штрафной роте. И, конечно же, неплохо знаю суть этого подразделения. Надо сказать, оно почти ничем не отличалось от обычного: та же дисциплина, тот же порядок, те же отношения между солдатами-штрафниками и офицерами. Кому-то, может быть, покажется странным, но ко мне и другим командирам обращались по-уставному: «Товарищ лейтенант», а не по-лагерному: «Гражданин начальник», такого я ни разу не слышал. Вооружением, продовольствием снабжали, как и положено... Никаких особых дисциплинарных и иных санкций мы к штрафникам не применяли, кроме уставных. Я часто даже забывал, что команду не совсем обычным подразделением»¹.

М.Г. Ключко: «Показывать своим отношением, что я выше их, означало не вернуться живым после первого же боя... Других отношений, кроме уважительных, на фронте быть не могло. Ведь, по большому счету, все зависели друг от друга. Существовал строгий закон: в бою ты должен поддержать товарища огнем, когда он делает перебежку. Если не сделаешь этого, жизни тебе не будет»².

Публикации последнего времени позволяют не только ответить на вопрос, как формировались штрафные части и подразделения, но и сколько их было в годы Великой Отечественной войны. По данным труда «Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование», к концу 1942 г. в Красной армии на-

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. — М.: Вече, 2007. С. 113—114.

² Цит. по: Савчин Д. Штрафники не кричали «Ура!» // Зеркало недели. № 20 (293). 2000. 20—26 мая.

считывалось 24 993 штрафника. В 1943 г. их количество возросло до 177 694 человек, в 1944 г. — уменьшилось до 143 457, а в 1945 г. — до 81 766 человек. Всего же в годы Великой Отечественной войны в штрафные роты и батальоны было направлено 427 910 человек¹.

К началу войны в Вооруженных Силах СССР насчитывалось 4 826 907 человек. Кроме того, в формированиях других ведомств, состоявших на довольствии в Наркомате обороны, находилось 74 945 человек. За четыре года войны было мобилизовано (за вычетом повторно призванных) еще 29 574 900 человек, в том числе 805 264 человека, находившихся на «Больших учебных сборах». Таким образом, в ходе войны было призвано 34 476 752 человека². Ежегодно находилось в строю (состояло по списку) 10,5—11,5 млн человек, половина из которых (5,25—5,75 млн) проходила службу в действующей армии. Следовательно, штрафники составляли: по отношению к общему числу призванных 1,2%, по отношению к находившимся в строю ежегодно — 4—3,7%, а по отношению к служившим в действующей армии — 8,1—7,4%.

В годы Великой Отечественной войны было сформировано 65 отдельных штрафных батальонов и 1028 штрафных рот; всего 1093 штрафных подразделения и части. Их количество на различных этапах Великой Отечественной войны представлено в таблице № 1, составленной на основе боевого расписания штрафных частей. Во фронтах было создано 35 отдельных штрафных батальонов, в группах войск — 1, в армиях — 16. Кроме того, существовало 11 отдельных штрафных батальонов. Отдельные штрафные ро-

¹ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 441.

² Там же. С. 245.

ты формировались во фронтах — 2, в группах войск — 5, в армиях — 1020 и одна рота была создана в стрелковом корпусе.

Таблица № 1

**КОЛИЧЕСТВО ШТРАФНЫХ БАТАЛЬОНОВ И РОТ,
ДЕЙСТВОВАВШИХ НА ФРОНТАХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Годы	ОШБ фронтов	ОШБ групп войск	ОШБ армий	ОШБ	ОШР фронтов	ОШР групп войск	ОШР армий	ОШР корпусов	Всего
1942	16	—	—	—	2	2	143	—	163
1942—1943	4	1	—	—	—	—	129	—	134
1942—1944	5	—	—	—	—	—	23	—	28
1942—1945	1	—	—	2	—	—	57	—	59
1943	8	—	15	—	—	4	253	—	280
1943—1944	—	—	1	2	—	—	98	—	101
1943—1945	—	—	—	5	—	—	94	1	100
1944	1	—	—	—	—	—	70	—	71
1944—1945	—	—	—	2	—	—	136	—	138
1945	1	—	—	1	—	—	17	—	19
Итого:	36	1	16	12	2	6	1020	1	1093

В приказе № 227 требовалось сформировать в каждой армии от 5 до 10 штрафных рот. На примере 1942 г. (таблица № 2) посмотрим, как выполнялось это требование. Анализ таблицы показывает, что только в 6 из 54 армий пункт 2 приказа был выполнен. Причем в 24-й, 46-й и 64-й армиях было создано по

5 штрафных рот, в 51-й — 6, в 18-й и 44-й армиях — по 7 штрафных рот. В 54-й армии пошли еще дальше, сформировав 17 штрафных рот. А в 7-й отдельной армии была создана отдельная штрафная рота для старшего и среднего начсостава.

Таблица № 2

ОТДЕЛЬНЫЕ ШТРАФНЫЕ РОТЫ АРМИЙ В 1942 Г.

Наименование армий	Наименование отдельных штрафных рот	Всего
1-я гвардейская армия	Отдельные штрафные роты при 1, 153, 203-й сд	3
1-я ударная армия	1, 2, 3-я отдельные штрафные роты	3
3-я гвардейская армия	Отдельные штрафные роты при 1, 153, 203-й сд	3
3-я танковая армия	Отдельная штрафная рота	1
3-я ударная армия	1-я отдельная штрафная рота (при 33-й сд); 3-я отдельная штрафная рота	2
4-я армия	1, 2, 4-я отдельные штрафные роты	3
4-я танковая армия	1, 2-я отдельные штрафные роты	2
4-я ударная армия	Отдельная штрафная рота	1
5-я танковая армия	Отдельная штрафная рота	1
6-я армия	1, 2-я отдельные штрафные роты	2
7-я отдельная армия	Отдельная штрафная рота для старшего и среднего начсостава; Отдельная штрафная рота для рядового и младшего начсостава; 2, 3-я отдельные штрафные роты	4
9-я армия	1-я отдельная штрафная рота (при 417-й сд); 2-я отдельная штрафная рота (при 351-й сд)	2

Наименование армий	Наименование отдельных штрафных рот	Всего
10-я армия	Отдельные штрафные роты при 31-й гвардейской, 90-й сд	2
11-я армия	Отдельная штрафная рота; 1, 2-я отдельные штрафные роты	3
12-я армия	1, 2, 4-я отдельные штрафные роты	3
14-я армия	Отдельная штрафная рота	1
16-я армия	Отдельная штрафная рота; 1, 2-я отдельные штрафные роты	3
18-я армия	1, 2, 3, 4, 84, 85, 86-я отдельные штрафные роты	7
19-я армия	Отдельная штрафная рота	1
20-я армия	Отдельная штрафная рота; 1, 2, 3-я отдельные штрафные роты	4
22-я армия	Отдельная штрафная рота (при 185-й сд)	1
23-я армия	Отдельная штрафная рота	1
24-я армия	1, 2, 3, 4, 5-я отдельные штрафные роты	5
27-я армия	1, 3-я отдельные штрафные роты	2
28-я армия	Отдельная штрафная рота	1
29-я армия	1, 2-я отдельные штрафные роты	2
30-я армия	Отдельная штрафная рота; 2, 3-я отдельные штрафные роты	3
31-я армия	7, 9, 10, 11-я отдельные штрафные роты	4
33-я армия	3, 4-я отдельные штрафные роты	2
34-я армия	1-я отдельная штрафная рота	1
37-я армия	Отдельная штрафная рота; Отдельная штрафная рота (при 392-й сд)	2
38-я армия	Отдельная штрафная рота	1
39-я армия	Отдельная штрафная рота	1

Наименование армий	Наименование отдельных штрафных рот	Всего
40-я армия	1-я отдельная штрафная рота	1
41-я армия	1-я отдельная армейская, 2, 3, 4-я отдельные штрафные роты	4
42-я армия	Отдельная штрафная рота	1
43-я армия	Отдельная штрафная рота	1
44-я армия	Отдельная штрафная рота; 1-я отдельная штрафная рота (при 417-й сд); 1-я отдельная армейская, 2, 3, 4, 5-я отдельные штрафные роты	7
46-я армия	1, 2, 3, 4, 5-я отдельные штрафные роты	5
47-я армия	1, 2, 3-я отдельные штрафные роты	3
49-я армия	1, 2-я отдельные штрафные роты	2
50-я армия	Отдельная штрафная рота	1
51-я армия	Отдельная штрафная рота (при 91-й сд); Отдельная штрафная рота (при 302-й сд); 1-я отдельная штрафная рота (при 91-й сд); 2-я отдельная штрафная рота (при 302-й сд); 72-я, 73-я отдельные штрафные роты	6
52-я армия	12-я отдельная штрафная рота	1
53-я армия	1, 2, 3-я отдельные штрафные роты	3
54-я армия	Отдельные штрафные роты: командиры — старший лейтенант Сазонов, лейтенант Кислов, старший лейтенант Морозов, старший лейтенант Тонких, лейтенант Чичиванов, старший лейтенант Явров, старший лейтенант Волков, старший лейтенант Жила, лейтенант Понухалин; Отдельная штрафная рота; 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22-я отдельные штрафные роты	17
56-я армия	56-я отдельная штрафная рота	1
57-я армия	1-я отдельная штрафная рота	1

Наименование армий	Наименование отдельных штрафных рот	Всего
59-я армия	Отдельная штрафная рота; 25-я отдельная штрафная рота	2
60-я армия	1, 2, 3-я отдельные штрафные роты	3
61-я армия	Отдельная штрафная рота	1
63-я армия	Отдельные штрафные роты при 1, 153, 203-й сд	3
64-я армия	1, 2, 3, 4, 5-я отдельные штрафные роты	5
65-я армия	1, 2-я отдельные штрафные роты	2

В труде «Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование» утверждается: «Штрафные части Красной армии существовали юридически с сентября 1942 по май 1945 г.»¹. Непонятно, на чем основывается такой вывод. Если говорить юридическим языком, то штрафные формирования существовали с 28 июля 1942 г., когда был издан приказ № 227. Не могли они закончить свое существование в мае 1945 г. Например, 128-я отдельная штрафная рота 5-й армии участвовала в Харбино-Гиринской наступательной операции, которая проводилась с 9 августа по 2 сентября 1945 г. Рота была расформирована на основании директивы штаба 5-й армии № 0238 от 28 октября 1945 г.².

В оценке того, как использовали штрафные формирования в годы войны, существуют различные точки зрения, в том числе и по вопросу о том, стояли ли позади штрафных батальонов и рот заградительные отряды. Например, С.И. Медовый отмечал: «Много раз

¹ Цит. по: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 441.

² См.: Мороз А. Штрафная рота // Красная Звезда. 2007. 11 апреля.

я слышал, что штрафные роты и батальоны шли в бой потому, что за ними следом шли заградотряды. Это ложь»¹.

П.Д. Бараболя: «И вот что любопытно: за время почти шестимесячного командования штрафниками я не помню случая, чтобы кто-то дезертировал из роты, сбежал с переднего края. Могут возразить: дескать, попробуй сбеги, если в тылу стоят заградотряды. Но, во-первых, не припомню случая, чтобы где-то привелось увидеть пресловутый заслон. А во-вторых, твердо убежден: все-таки поступками этих людей, оказавшихся на фронте, двигало чувство их причастности к святому делу защиты Родины. Когда-то оступившись, они всем своим поведением стремились смыть с себя «темное пятно», пусть и ценой собственной крови, а зачастую — и жизни»².

М.И. Сукнев: «...Академик Арбатов утверждает, что нас караулили сзади заградотряды. Неправда! У нас их не было. У нас достаточно этого Смерша было, который все видел. Сразу тебе шею свернут... Обычно, если немцы наступали, они окружали нас, где заградотряд поставишь?»³

А.И. Бернштейн: «Их (штрафников. — *Сост.*) посылали группами, взводами, отделениями на самые рискованные участки, через минные поля и т.п. За ними находилось пулеметное прикрытие, подразделение НКВД — не столько против немцев, сколько против

¹ Цит. по: Лысова Т. Дорога в полвека тревог и любви // Республика. № 148 (3588). 2004. 7 августа.

² Цит. по: Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 т. Т. 1. — М., 1995. С. 360.

³ Цит. по: Сукнев М.И. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941—1945. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 163.

штрафников, если они начнут отступать или ползти назад. Предупреждали: «Назад из боя, если будете ранены, не ползти. Вас пристрелят, мы ведь не знаем, почему вы ползете назад. Ждите. Вас потом подберут»¹.

Для того, чтобы разобраться в том, какие задачи решали штрафные формирования, воспользуемся воспоминаниями участников войны и публикациями на эту тему.

Н.Г. Гудошников: «Пусть досужие баталисты от пера не придадут большого или даже исключительного значения штрафным подразделениям. Из-за своей малочисленности и слабой огневой мощи они использовались на локальных участках фронта, обеспечивая успех полкам, дивизиям, в оперативное подчинение которых входили... В бой ходили чаще всего особняком. Штрафники обычно либо атаковали, контратаковали, либо штурмовали, прорывали оборону, производили разведку боем, с боем брали «языка» и т.д. — словом, делали дерзкие налеты на противника, чем успешно давили на его психику»².

А.В. Беляев: «Наш штрафной батальон дислоцировался рядом со штабом фронта, под рукой у командующего, чтобы, как говорится, в случае чего... Штрафные батальоны в боях использовались, как правило, в составе дивизий и полков на наиболее укрепленных участках обороны немцев. Выполняли они и самостоятельные задачи: занимали господствующие высоты для улучшения позиций обороны, контратаковали вклинившегося в нашу оборону противника, вели разведку боем — прорывали вражескую оборону. Баталь-

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. — М.: Вече, 2007. С. 232.

² Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

он в полном составе использовался редко. И, думаю, не потому, что в этом не было необходимости. Все дело в том, что на полное формирование уходило много времени, которое в срок штрафникам не засчитывалось. Поэтому, как только сформировывали роту, так сразу же вводили ее в бой»¹.

М.Г. Ключко: «Основной была одна задача: обеспечить путь к наступлению конкретной части. А методы ее выполнения были разные: от разведки боем до взятия той или иной высоты или конкретного рубежа обороны противника. Приходилось прокладывать дорогу и в минных полях. В общем, можно сказать так: штрафниками командование затыкало все дыры, они призваны были исправлять промахи начальства, которое ради обнаружения огневых средств противника посылало на верную смерть тысячи бойцов, ведь жизнь осужденных ничего не стоила. Вот и гнали в самое пекло одну штрафроту за другой...»²

А теперь, опираясь на воспоминания участников войны и документы, посмотрим, как действовали штрафные формирования в наступлении.

М.Г. Ключко: «Немцы штрафников боялись? Вы знаете, наверное, да. Ведь атака подразделения штрафников — это психологическая атака людей, заведомо приговоренных к смерти. Отступать им было нельзя — только вперед. Представьте себе людей, которые бегут на вас цепь за цепью и орут благим матом»³.

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

² Цит. по: Савчин Д. Штрафники не кричали «Ура!» // Зеркало недели. № 20 (293). 2000. 20—26 мая.

³ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. С. 156.

Е.А. Гольбрайх придерживается иного мнения: «Все эти рассказы, что у немцев поджилки тряслись при виде атакующей штрафной роты, не имеют под собой никакой основы. Немцам было глубоко плевать, кто на них идет в атаку. Психологически, наверное, немцам было тяжело воевать против штрафных офицерских батальонов, слишком велико желание штрафбатовцев искупить кровью свои «грехи» перед Родиной. Но воевали немцы толково, умело и храбро, как ни тяжело это признавать»¹.

Н.И. Смирнов: «Терять нам было нечего, поэтому воевали отчаянно, как черти. Поднимались в атаку по первой команде, и не было такого, чтобы сдрейфили, попятились назад без приказа. Однажды не встали, но тогда по нам бил пулемет так, что головы не поднимешь. Самоходка шарахнула по этой цели, и мы, грянув «ура», снова пошли в наступление... Кто орал «За Родину!», а кто с матом — всякое было».²

Вот некоторые примеры ведения боевых действий штрафными подразделениями. 9 октября командир 15-й гвардейской стрелковой дивизии (57-я армия), в распоряжении которого находилась 1-я отдельная штрафная рота, приказал ей после артиллерийской подготовки перейти в наступление, сбить посты боевого охранения противника и удержать захваченные позиции до подхода главных сил. Рота боевую задачу выполнила, потеряв трех человек: командира взвода лейтенанта Н. Харина, командира отделения сержанта В.С. Федякина, красноармейца Я.Т. Таночка. 1 ноября 1942 г. из 1-й отдельной штрафной роты 57-й ар-

¹ Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. С. 156.

² Цит. по: Кулешов В. Штрафбатя // Алтайская правда. 2004. 17 сентября.

мии в обычные части были направлены 7 штрафников, полностью отбывших в роте предписанный приказом срок¹.

Отдельная штрафная рота 51-й армии участвовала 1 сентября 1942 г. в наступательном бою и только по приказу отошла на исходные позиции. Бойцы и начальствующий состав роты 60 км несли на себе раненых. Приказом Военного совета 51-й армии звание штрафной с роты было снято².

П.Д. Бараболя в своих воспоминаниях описывает боевые действия за деревню Песчанку и высоту 130,6, которые противник заблаговременно хорошо укрепил в инженерном отношении. Попытка овладеть Песчанкой и высотой с ходу, без тщательной подготовки и огневой поддержки, успеха не имела. Новая атака была предпринята 22 января 1943 г. «После надежной артиллерийской подготовки мы штурмом овладели Песчанкой, — вспоминает Бараболя, — а потом и высотой 130,6... Многие немцы попали в плен, немало взяли мы и трофейного оружия. Однако и сами пострадали крепко: в моем взводе осталось лишь 22 человека. Это от пятидесяти-то с лишним!»³.

Еще об одном бое штрафников свидетельствует запись от 10 января в дневнике 76-го отдельного штрафного батальона Южного фронта: «...Батальону ставилась задача — совместно с приданным саперным взводом, пулеметным взводом, батареей 45-мм пушек, при поддержке 3-го дивизиона 76-го гап — прорвать оборону противника и овладеть северо-западными ската-

¹ Подробнее см.: Мороз А. Штрафная рота // Красная Звезда. 2007. 11 апреля.

² См.: Кузнецов А. Штрафник // Дуэль. 2005. № 3.

³ Цит. по: Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 т. Т. 1. С. 362—363.

ми высоты 111,6. Она была самым трудным, важным и ответственным участком фронта. Перед подразделением Смерча (позывной командира батальона. — *Сост.*) как раз и была поставлена задача — в первый же день боя овладеть этой высотой.

Сотни пулеметных гнезд, минометных батарей артиллерии были крепко замурованы в землю и казались неприступными. Снайперы снимали цель с первого выстрела. Каждый метр земли был пристрелян. До этого наступления наши гвардейские части 16 раз атаковали эту высоту и все 16 раз от губительного огня противника откатывались назад.

Атака была продумана до мелочей. После получасового шквального артогня наступила пауза. Пехота из окопов выдвинула заранее подготовленные чучела и для большего эффекта имитации атаки прогремело дружное «ура». Цель достигнута. С уцелевших точек немцы открыли бешеный огонь. А в это время наблюдатели засекли огневые точки и по сигналу открыли прицельный огонь...

Неожиданно на нашем участке танки также пошли в атаку. Бойцы подразделения Смерча вынуждены были подняться и идти за танками, хотя время атаки еще не наступило. В противном случае, выдержав время, они рисковали бы остаться без танкового прикрытия. Артиллеристы, видя, что танки с пехотой уже на полпути к переднему краю противника, прекратили огонь, боясь накрыть огнем свою пехоту и танки.

Никто не мог подумать, что еще десятки огневых точек противника не были подавлены. Еще один решительный бросок — и пехота ворвется в оборону немцев. Вопрос был бы решен. Внезапно содрогнулся один танк. Сильный взрыв противотанковой мины порвал гусеницы. За ним — второй, третий, пятый танк. Все подступы к переднему краю оказались вновь

заминированными. Видя замершие машины, немцы открыли плотный фланкирующий и лобовой огонь. Бойцы залегли, понеся потери.

Уничтожающий ружейно-пулеметный огонь противника не давал никакой возможности поднять голову. Господствующее положение огневых точек и удобный для обстрела рельеф местности ставили наших бойцов, лишенных танкового прикрытия, в довольно затруднительное положение. Каждая минута стоила очень дорого... Но отойти на исходный рубеж при создавшейся ситуации значило бы погубить все положение...

И единственно правильный выход, который принял Смерч, — действуя самостоятельно, силами своей части ворваться в передний край обороны противника и штыковым ударом закончить дело. Бросок был дерзким и стремительным. Ни один боец не отстал. С новой силой хлестнул свинцовый ливень пуль. Ряды атакующих редуют. Но все ближе немецкие дзоты. И ничто не в силах сдержать переполненных отвагой бойцов. Вот уже метнули первые гранаты. Оглушительный взрыв. Новый рывок вперед. Огонь противника усиливается. Движение вперед кажется немыслимым. Каждый шаг стоит десятков жизней. Немцы всю силу огневых средств перенесли на наш участок. Завязалась рукопашная схватка. В эту минуту огонь противника достиг наивысшей точки напряжения. Двигаться невозможно. Вновь залегли. Артиллерия еще ведет огонь по глубине противника. Высота 111,6 жила еще десятками огневых точек. Можно думать, что в силу сложившихся обстоятельств (преждевременная атака пехоты и танков), несмотря на огневую мощь, артиллеристам так и не удалось подавить значительную часть пулеметных гнезд противника, что и предрешило исход наступательного боя 10 января.

Весь день кипел жестокий бой. Предыдущие 16 атак противник отбил. Не знающий поражений, Смерч весь день атаковал высоту. Своим умением, волей и железной стойкостью он медленно, но упорно сломал сильнейший узел сопротивления врага»¹.

А вот что рассказывают о боевых действиях штрафных подразделений Н.Г. Гудошников и А.В. Пыльцын.

Н.Г. Гудошников: «Немцы, продвигаясь в сторону станции Обоянь, 8 июля (1943 г. — *Сост.*) заняли деревню Березовку. Нашей штрафной роте прямо с марша было приказано штурмом взять ее обратно. Дело было под вечер, мы по перелескам подошли и с криками «Ура!», со страшной стрельбой бросились на деревню, ворвались в нее. А там оказалось настоящее скопище войск и техники, особенно танков. Все пришло в движение, завязался жаркий бой, и нам пришлось отступить. Деревню не взяли, но острastку противнику дали добрую. На следующий день мы оборонялись против этой армады при поддержке артиллерии, минометов. Нас бомбили три десятка штурмовиков, смешали роту с землей, но штрафники удержались до подхода наших танков»².

А.В. Пыльцын отмечал, что к июлю 1943 г. (к началу Курской битвы) 8-й отдельный штрафной батальон занял оборону в районе Поныри, Малоархангельское на участке 7-й Литовской стрелковой дивизии, где и принял свое первое боевое крещение. В упорных боях штрафной батальон вначале отстоял свои позиции, затем прорвал вражескую оборону и перешел в наступ-

¹ Цит. по: Кузьмичев И.В. Штрафники // Сержант. 2000. №1(14). С. 27, 33—34.

² Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

ление на Тросну. В последующем батальон участвовал в боевых действиях на земле Украины, дойдя до Днепра в районе Чернигова. И только там он был впервые выведен на отдых и доформирование в район села Добрянка. Получив пополнение, батальон был переброшен в район Лоевского плацдарма на р. Сож для его расширения и углубления. Успешно справившийся с этой задачей, в результате чего был освобожден г. Лоев, штрафбат перешел в наступление и дошел до города Речица.

В статье С. Глезерова «Штрафные роты и батальоны в битве за Ленинград» рассказывается об участии штрафников в боях за Синявинские высоты¹. 28 сентября 1943 г. двум полкам (163-й и 320-й) 11-й стрелковой дивизии 67-й армии (командующий генерал-лейтенант М.П. Духанов) была поставлена задача: развивая успех трех штрафных рот, овладеть шоссеиной дорогой на Синявино. На следующий день командиру 160-й отдельной штрафной роты, приданной 320-му стрелковому полку, было приказано захватить первую траншею противника. При выдвижении роты на исходные позиции враг обнаружил ее и открыл сильный огонь. Рота потеряла около 50% своего состава, но продолжала продвижение и после «подрыва фугасных огнеметов штрафники пошли в атаку». Противник сосредоточил по наступавшим штрафникам огонь из всех видов оружия, вынудив роту сначала залечь, а затем отойти на исходные позиции. 30 сентября остатки 160-й отдельной штрафной роты совместно со стрелковыми подразделениями 11-й стрелковой дивизии пытались восстановить утраченные позиции по дороге

¹ См.: Глезеров С. Штрафные роты и батальоны в битве за Ленинград // Вести. 2006. 1 декабря.

на Синявино. Однако противнику снова удалось отбить атаку.

П.С. Амосов: «5 января 1944 г., 8 ч. 10 мин. С нашей стороны прорезал утреннюю дымку трассирующий снаряд, потом заговорили «катюши» и вся артиллерия фронта. Вначале опешивший от неожиданности противник начал отвечать. Штрафники (речь идет о 15-м отдельном штрафном батальоне. — *Сост.*) находились в 300 метрах перед передним краем. Лежали на снегу, лопаток не было. Я был вторым номером ручного пулемета. Еще до атаки первый номер Николай Рычагов был ранен и уполз на перевязку. Я остался с пулеметом один. Когда дошла очередь до последнего диска, я, перебросив ремень через плечо, поднялся, и все молча пошли в атаку. Бежали и падали, шли и взлетали на воздух. Мне еще до атаки осколок угодил в левое плечо, но я не пошел на перевязку — сзади не легче, все перемешалось. Взрыв... Меня бросило на землю. Очнулся я, услышав «Ура!» тех частей, которые были сзади нас, да гул опоздавших танков»¹.

В.Г. Сорокин: «В мае 1944 года я прибыл в 38-ю армию и принял батальон. Мы сменили кавполк, очень потрепанный. По телефону получил задачу — взять высоту. В следующую ночь высоту взял, за что получил от командующего армии Москаленко орден Александра Невского. Я прошел с батальоном всю Польшу, пол-Германии и Чехословакии. Была встреча с американцами. Могу твердо сказать: штрафников бросали на самые трудные участки»².

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. С. 156—157.

² Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

И.И. Коржик: «Перед нами была поставлена задача — перерезать дороги, соединяющие Нарву с Таллином, и выйти к Финскому заливу. Атака — на рассвете. Но не было ни одного артиллерийского или минометного выстрела. Даже крупнокалиберные пулеметы молчали. Первые сто метров нужно было преодолеть по открытой местности. Какой дорогой ценой мы заплатили за каждый из них! Только у меня сменилось десять подносчиков. С большим трудом мы прошли по глубокому снегу двенадцать километров. Осталось каких-то 100—200 метров до дороги, но кончились боеприпасы. Вынуждены были остановиться, а потом отойти километра на два. Два месяца мы пытались затем преодолеть снова эти километры, атакуя по несколько раз в день...»¹

И.П. Горин вспоминал, как участвовал в наступлении на укрепленный район противника. Штрафники имели на вооружении только винтовки. В атаку они перешли без артиллерийской подготовки и вели ее без огневой поддержки. «За два часа рота прошла расстояние «довольно большое, где-то метров сто-двести», — отмечал Горин. — Потом огонь усилился до невозможности. Укрепрайон немцы обороняли совместно с власовцами, а тем сдаваться было нельзя, и они дрались до последнего»². В этом бою И.П. Горин был ранен, искупив тем самым свою вину.

И.М. Богатырев: «Участки для боя давали самые тяжелые. А штрафники народ отчаянный, в атаку шли дружно... Лопатки за пояс, черенками вниз, так сове-

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

² Цит. по: Бабченко А. Мошенник из штрафбата // Новая газета. 2005. 26 сентября.

товали, чтобы грудь прикрывать. И во весь рост! Они знали, что должны, и шли... Он не убежит, штрафник. Скорее убежит солдат обыкновенный. Или отступить будет, или в плен сдастся... А штрафники — нет, не сдавались. Их командирства, орденов и всего прочего лишали, а в партии оставляли. Партбилеты были при них. Воевали до крови... Деревня Редькино. А через опушку — село Воскресенское. Его надо было занять в ночном бою. Наш батальон, поскольку штрафной, всегда идет в лоб первый. Остальные — с флангов. Оставалось уже метров 200—300 до Воскресенского. Залегли, ждем сигнала. А в это время танки наши пошли по опушке леса. Немец всколотился, подвесил «фонари». Мы — как на ладони. Из миномета по нас. И все»¹.

А.В. Черепков, вспоминая о наступлении штрафной роты на одну из деревень на территории Польши, рассказывал, что противник вел сильный огонь, не давая атакующим поднять головы. «Я встал и закричал: кто хочет жить, за мной, — вспоминал Александр Васильевич. — Поднялись не все. Короткими перебежками продвигались вперед. Мы штурмом взяли крайние дома и выполнили боевую задачу. Позже я узнал, что за тот бой меня наградили орденом Красного Знамени»².

В.В. Карпов: «Нашу роту, состоящую из 198 человек, отправили на Калининский фронт, под город Белый. После первого же боя в ней осталось 9 бойцов. Рота только до проволоки и успела добежать. Но я не был даже ранен. В следующем бою, после переформирования, нас немного поддержали огнем. Ворвались мы в траншею, затеяли рукопашную, захватили пози-

¹ Цит. по: Швед Е. Штрафбат // Родина. 1991. № 6—7. С. 63.

² Цит. по: Кругликов А. Он командовал штрафной ротой, а затем учил детей играть в шахматы // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 4 мая.

цию, задачу выполнили. Через какое-то время смотрим — опять одни. Никакого наступления ни справа, ни слева. Вышел тогда против нас один немецкий танк и начал расстреливать в упор. Результат оказался тот же, что в первый раз»¹.

Общее, в целом, представление о действиях штрафников дает в своей повести «Люди в кирасах» И. Толстой. «После прорыва обороны немцев батальон был выведен из боя, — пишет он. — На его долю еще оставалось немало черной работы. Зная ударную силу панцирников, командование бросало батальон туда, где обязательно надо было что-нибудь «рвать» или «штопать». Тяжелые бои сменялись стремительными маршами, марши снова боями. Скоро фигуры бойцов с серо-зелеными щитами на груди были известны чуть ли не всей армии. Там, где они появлялись, окружающие оказывали им почтительное уважение. Самим панцирникам некогда было разобраться в том, хорошо или плохо они воюют... Пленные рассказывали о том страхе, который испытывали, когда узнавали, что против них действуют «панцерменшен»². Далее Толстой повествует о том, как действовали «панцерменши»: «... Едва только они успели выскочить из машин, как раздалась команда, и роты бегом двинулись на высоту. Конечно, никто из них тогда и не предполагал, насколько эта именовавшаяся на картах «высота 208,3» была важна для командования. Никто не думал о том, что для многих из них она будет последним испытанием... Батальон решительной контратакой восстановил положение, но понес немалые потери...»³.

¹ Цит. по: Гавриленко А. Остаться в живых // Военно-промышленный курьер. № 17 (183). 2007. 9—15 мая.

² Цит. по: Штрафники: Сборник. — М.: Патриот, 1990. С. 414.

³ Там же. С. 417.

В книге М.Г. Орешета «Осиротевшие берега» рассказывается о штурме хребта Муста-Тунтури на Кольском полуострове. Хребет — это гранитные горы с крутыми уступами, поднимающимися у губы Волоковой до высоты 262 м от уровня воды и понижающиеся затем до высоты 93 м. Заканчиваются они примерно на середине перешейка между полуостровом Средним и материком. Противник создал здесь заблаговременно сильно укрепленную оборону, применяя передовую технологию строительства. Штабы, казармы, лазареты прятали в катакомбах, специально вырытых в скалах. «Исходя из наличия укреплений, огневых средств и находившихся там сил, взять Муста-Тунтури в атаке было невозможно, — отмечал генерал-лейтенант артиллерии Яков Дмитриевич Скробов. — Планируя наступление, мы бросили в прорыв штрафбат, и основные силы пошли в атаку на второстепенных участках с целью выхода в тыл противника. Но и этот замысел можно было осуществить, лишь пролив много крови. Что помогло? Однозначно — наступление наших войск со стороны Мурманска. Немцы стали спешно отходить, спасая свои шкуры, и на хребте оставили только сильные группы прикрытия. И еще здорово помогли атакующим штрафники».

Командир 614-й отдельной штрафной роты Н.И. Рябцовский, которая участвовала в штурме хребта Муста-Тунтури, вспоминал: «Накануне атаки мы вышли к Муста-Тунтури, и такими вдруг букашками себя почувствовали перед этой громадиной. Даже про немцев не думалось — страшно было от одной мысли, что предстоит идти по таким кручам. Вдарили мы, значит, по ущелью. Бежим с полной выкладкой. дух запирает, ноги ватные, сердце в глотке. Метров за сто перевалили, когда фашисты стали гранатами угощать. Одновременно на минное поле попали. Тут и

сил-то нет, поиссякли, да куда денешься в узком каменном мешке? Ребята падали, как ржаные колоски. Штурмуем дальше. Впереди скала, а за ней пологий подъем метров в сто по совершенно лысому камню. Как нас враг там расстреливал! Со вкусом. Тела так и скатывались вниз, а команда: «Вперед! Вперед!» Перед атакой было нас 750 человек. Сколько солдат добежало до линии немецкой обороны, сказать не могу. Погибших наспех прикрыли камушками и тут же давай писать дурацкие отчеты, кто да как себя проявил в кровавой атаке. Вот думаю: а была ли она нужна?»

Е.А. Гольбрайх: «Ни мы, ни немцы не ходили в атаку толпами, как в кино. Потери бы были слишком велики. Двигается довольно редкая цепь, где бегом, а где и ползком. В атаке стараешься удержать боковым зрением товарища»¹.

А.В. Сорока: «Сопки кругом. Мы внизу, а немцы наверху. Обстреливали каждую ночь. Пошли мы в «вылазку». Идем, стреляем, я спортсмен — впереди всех. Потом назад. А утром наградили меня медалью «За отвагу». Следующее утро — снова «Вперед!». Немцы подпустили нас поближе и стали поливать из миномета. Вокруг летели головы, руки, ноги, куски тел...»²

А вот как описывает В.Л. Кондратьев в повести «Встречи на Сретенке» наступление штрафников на одну из деревень: «Поле было в серой предрассветной дымке... Немецкие ракеты все реже и реже взлетали в небо, уже бессильные пробить своим светом предутренний туман. Батальон полз, полз быстро; умело хорясь за трупами, и Володьке думалось, что метров

¹ Цит. по: Их заменить было некому. Воспоминания фронтовика Ефима Абелевича Гольбрайха // Крымская правда. 2006. 23 августа.

² Цит. по: Вишневская С. Начал войну в штрафной роте, а закончил — настоящим художником... // Мисто. 2007. 9 июля.

на двести, если не больше, они продвинулись. Деревня все яснее и яснее вырисовывалась острыми крышами изб... Скоро, скоро надо будет подниматься в атаку... Рядом полз Генка, с другой стороны Вадим, подполковник приотстал — возраст.

— Ну, значит, в последний, решительный? — прошептал Генка, криво усмехнувшись.

И сразу же после его слов с левого фланга немецких позиций застрочил трассирующий пулемет. Красные нити заматались над людьми — надо подниматься. Без всякой команды, как один, поднялись с земли и побежали... Поначалу бежали молча, потом кто-то выматерился, а за ним и другие...

Немцы усилили огонь. Вся немецкая передовая расцвятилась огоньками выстрелов, но рев матерных вскриков, густо нависший над полем и перекрывающий, пересиливающий пулеметный бред, дал понять немцам, какое подразделение прет на них, и огонь начал угасать, а мины, перелетая, рвались уже позади батальона. Володька видел, как немцы стали покидать свои позиции — оружие, с разодранными ртами и налитыми кровью глазами штрафники приближались к их окопам.

Володька бежал, запыхавшийся от быстрого, безостановочного бега, но внутренне почему-то очень спокойный, почти уверенный, что его сегодня не убьют... Соскочив в немецкий окоп, он наткнулся на здорового фрица, бросившегося к нему с винтовкой, нацеленной штыком в живот. Вот когда впервые за всю войну пригодилось Володьке фехтование на штыках, которым с увлечением занимался в дальневосточном полку, он отбил вниз винтовку немца, и ее штык только чуть скользнул по ноге. Ударом приклада по виску свалил его, а потом выстрелил в упор. Из всего этого

оставалось в памяти лишь одно — аккуратная заплатка на брюках немца, которую увидел, когда распахнулась шинель. Выскочив из окопа, он побежал дальше, догонять других, уже забрасывающих гранатами избы деревни...

Немцы выбегали полураздетые, отстреливались, но штрафников уже не остановить — минут через двадцать деревня, за которую положили столько жизней, была взята!

Несколько десятков человек в запале боя бросились преследовать немцев уже за деревней, но их остановили. Подоспевший к тому времени станковый пулемет расстреливал бегущих в спину, пока не добежали они до небольшого леса и не скрылись в нем... Все было кончено. Была победа!»

Штрафные части и подразделения стойко и отважно сражались и в оборонительных боях. Полковник юстиции А. Кузнецов приводит описание боя одной из штрафных рот 51-й армии, приданной 91-й стрелковой дивизии. В конце августа 1942 г. эта рота в оборонительном бою отбила атаку противника, поддерживаемую десятью танками. 29 августа, будучи отрезанной от своих войск, рота с боями вышла из окружения¹.

В ходе Курской битвы 12 июля 1943 г. в три часа дня, пишет Г.А. Олейников, «до батальона grenадеров и роты автоматчиков 680-го мотополка СС при поддержке 18 танков, в том числе нескольких «Тигров», атаковали подразделения 290-го гвардейского стрелкового полка в направлении хутора Веселый. В ходе почти двухчасового боя противнику удалось взять в полукольцо 1-й и 3-й стрелковые батальоны и 108-ю

¹ См.: Кузнецов А. Штрафник // Дуэль. 2005. № 3.

штрафную роту. Но, потеряв шесть танков, из них один Т-VI, они отошли к лесу северо-западнее хутора Ключи»¹.

Штрафные формирования использовались и для ведения боевых действий в качестве передового отряда. Об этом, в частности, говорится в воспоминаниях А.В. Пыльцына. Во время подготовки к Рогачевско-Жлобинской операции (21—26 февраля 1944 г.) 8-й отдельный штрафной батальон в ночь на 18 февраля 1944 г. был поднят по тревоге и выдвинут к линии фронта. Батальон, усиленный группой саперов и взводом огнеметчиков, был включен в состав 3-й армии генерал-лейтенанта А.В. Горбатова. На него возлагалась задача в ночь на 19 февраля 1944 г. незаметно для противника перейти линию фронта и, избегая боевого соприкосновения с ним, смелым броском выйти ему в тыл, дойти до западной окраины Рогачева и во взаимодействии с лыжным батальоном захватить город и удерживать его до подхода основных сил 3-й армии². В случае неудачи с захватом Рогачева или отмены этого задания батальону предстояло действовать в тактической глубине противника (до 20 км), нарушать вражеские коммуникации, связь, взрывать мосты, громить штабы.

Батальону удалось незаметно для противника выйти к первой траншее его обороны и захватить ее. После этого его подразделения открыли огонь по врагу, захватили деревню Мадора и к рассвету 20 февраля подошли с северо-запада к Рогачеву, перерезав развилку шоссе на Бобруйск и Жлобин. По пути следования

¹ Подробнее см.: Олейников Г.А. Прохоровское сражение (июль 1943). Что действительно произошло под Прохоровкой (военно-исторический очерк). — СПб.: Нестор, 1998.

² Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. С. 32.

личный состав батальона уничтожал технику противника, поджигал продовольственные склады и склады боеприпасов, уничтожал подходящие резервы и перерезал линии связи. После этого батальон соединился с перешедшими в наступление частями 3-й армии.

Штрафные части и подразделения принимали участие в форсировании водных преград, захвате и удержании плацдармов.

В повести Н. Колбасова «Штрафники» подробно рассказывается о действиях сводного штрафного батальона майора Терехина во время битвы за Ленинград. Воспользуемся этой повестью и познакомим читателя с задачей, которую предстояло решать батальону. «Планируемый захват плацдарма в районе Московской Дубровки преследует двоякую цель, — говорил майор Орлов, заместитель начальника штаба дивизии. — Первая — отвлечь на себя часть вражеских сил, противодействующих нашей ударной группировке в районе Ивановского, прорвать здесь оборону противника и выйти к Синявино, чтобы соединиться с войсками Волховского фронта... Вторая цель — сорвать подготавливаемый гитлеровским командованием решающий, как они говорят, штурм Ленинграда... Ваши роты должны будут форсировать Неву и захватить на ее левом берегу плацдарм, вот тут, — майор ткнул концом указки в черный квадратик на противоположном берегу Невы. — Раньше здесь находился небольшой рыбацкий и дачный поселок — Московская Дубровка... Командование дивизии верит, что ваш сводный батальон не уронит славу героических защитников Невского пятачка»¹.

В ночь на 26 сентября 1942 г. три штрафные роты под командованием майора Терехина заняли исход-

¹ Цит. по: Штрафники: Сборник. — М.: Патриот, 1990. С. 131—133.

ный рубеж вдоль правого берега Невы. На рассвете они переправились через реку. «Штрафники вместе с саперами на одном дыхании преодолели прибрежную кручу, с ревом влетели на верхнюю террасу и... не встретили никакого сопротивления, — пишет Колбасов. — Немцев в первой траншее не оказалось. Лишь тут и там валялись полужасыпанные землей, искромсанные, обгоревшие трупы. За траншеей тянулась изрытая воронками полоса минного заграждения, но разгоряченный взвод бросился на нее с ходу, не дожидаясь саперов... Вражеская артиллерия свирепела все больше, но пока вела огонь по реке и исходным позициям десанта, все еще не решаясь перенести его на этот берег. Растянувшись в цепь, штрафники бежали, перепрыгивая через опутанные колючей проволокой столбы и обрывки проволоочной спирали. Впереди бушевал огневой вал... Высадка десанта в районе Московской Дубровки явилась для гитлеровского командования полнейшей неожиданностью... Застигнутый врасплох противник спешно подтягивал с других участков подкрепление. Обстрел Невы в районе переправы нарастал с каждой минутой. Спешащие к плацдарму суда получали пробоины, теряли ход и управление, тонули... На подступах ко второй траншее продвижение двадцать седьмой роты застопорилось. Тут и там оживали уцелевшие стрелковые ячейки и пулеметы. Прижатые огнем к земле штрафники дважды поднимались в атаку и кидались вперед. Трудно было разобраться, занимается уже утро или нет. На истерзанном клочке земли, усеянном воронками, становилось все светлее от вспышек ракет, слепящих струй огнеметов и разноцветных пунктиров трассирующих пуль... Взвод Колобова наступал в центре порядков роты. Вырвавшись вперед и оказавшись без фланговой поддержки, он нес ощутимые потери. Когда до траншеи

оставалось уже не больше сотни метров, отделения за-
легли под плотным пулеметным и автоматным огнем...
Продвижение вперед застопорилось, и роты несли все
более ощутимые потери. Хуже всего обстановка скла-
дывалась на правом фланге. Командир двадцать шес-
той роты Лепилин погиб, взводами командовали от-
деленные, а противник, не считаясь с потерями, бес-
прерывно контратаковал... Из всего батальона только
взводу Колобова удалось отчаянным рывком ворвать-
ся во вторую траншею и после короткой жестокой ру-
копашной схватки овладеть ее небольшим участком.
Спустя какие-то секунды после того, как остатки взвода
зацепились за траншею, шквальный огонь крупнокали-
берных пулеметов наглухо отрезал их от залегшей где-
то позади роты... К двум часам дня двадцать седьмая
рота овладела последней траншеей в первой позиции
вражеской обороны. Дальше, метрах в ста двадцати,
виднелась шоссейная дорога Ленинград—Шлиссель-
бург, за ней — изрезанное сетью окопов и стрелковых
ячеек небольшое поле и песчаный карьер с примыкав-
шей к нему узкоколейкой. А вдали тянулась одетая в
золотисто-красный наряд осенняя роща. Последняя
атака дорого обошлась штрафной роте, но первым
поднявшийся колобовский взвод потерял только шес-
терых бойцов»¹.

В романе В.П. Астафьева «Плацдарм» о применении
штрафных подразделений при форсировании Днепра
осенью 1943 г. говорится следующее: «Еще только-
только прах земной и дым успели приосесть, после
первой волны бомбардировщиков на полоске берега,
по речке Черевинке и по оврагам рассредоточилась,
потопталась, пошебуршилась и мешковато пошла в

¹ Цит. по: Штрафники: Сборник. — М.: Патриот, 1990. С. 141—155.

атаку штрафная рота. Без криков «ура», без понуканий, подстегивая себя и ближнего товарища лишь визгливой матерщиной, сперва вроде бы и слаженно, кучно, но постепенно отсоединяясь ото всего на свете. Оставшись наедине со смертью, издавая совершенно никому, и самому атакующему тоже, не ведомый, во чреве раньше него самого зародившийся крик, орали, выливали, себя не слыша и не понимая, куда идут, и чего орут, и сколько им еще идти — до края этой земли или до какого-то другого конца, — ведь всему на свете должен быть конец, даже Богом проклятым, людьми отверженным существам, не вечно же идти с ревом в огонь. Они запинались, падали, хотели и не могли за чем-либо спрятаться, свернуться в маняще разъявленной темной пастью воронке. По «шурикам» встречно лупили вражеские окопы. Стоило им подзадержаться, залечь — сзади подстегивали пулеметы заградотряда. Вперед, только вперед, на жерла пулеметных огней, на харкающие минометы, вперед, в геенну огненную, в ад — нету им места на самой-то земле — обвальный, гибельный их путь только туда, вон, к рыжеющим бровкам свежевырытых окопов...»

Г.Г. Высоцкий: «В междуречье Вислы, Буга и Нарева части 38-й стрелковой дивизии пошли на захват плацдарма. С ходу рота вошла в прорыв первой линии обороны немцев. Одна контратака фашистов следовала за другой. Земля дрожала от взрывов. Слева и справа перли танки и самоходки, бомбила авиация, гремела артиллерия, строчили автоматчики и бухали минометы. Редкие часы затишья сменялись более жестокими атаками противника»¹. Рота удержала плацдарм, с которого советские войска форсировали Вислу по на-

¹ Цит. по: Гордиенко А. Каждый его орден — память о роте // Восточно-Сибирская правда. № 24248. 2002. 20 июня.

правлению к Варшаве. И когда на смену пришли дивизии 49-й армии, рота Высоцкого вышла из боя. По его словам, только четверо остались живыми: связист, еще два солдата и он, командир роты. Лейтенант Г.Г. Высоцкий был тогда награжден орденом Александра Невского.

Осенью 1944 г. 8-й отдельный штрафной батальон в составе 65-й армии вел боевые действия за расширение Наревского плацдарма. При этом батальон понес большие потери. А.В. Пыльцын, вспоминая об этом, отмечал: «После войны авторы некоторых публикаций стремились показать, что штрафники заранее были обречены быть смертниками, что штрафбаты, как и армейские штрафные роты, были подразделениями, обреченными на гибель. Да, за все то время, что мне довелось прожить в штрафном батальоне, этот наревский период был почти единственным, который мог бы подтвердить эти суждения. И сами штрафники вправе были думать так же»¹.

14 января 1945 г. 123-я отдельная штрафная рота 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта под командованием З.М. Буниятова «одной из первых в армии форсировала р. Пилица (на территории Польши. — *Сост.*), захватила мост и удерживала его до подхода подкрепления в районе населенного пункта Пальчев (9 км юго-западнее г. Варка). Рота уничтожила свыше 100 и взяла в плен 45 вражеских солдат и офицеров, захватила 5 шестиствольных минометов, 3 орудия»². 27 февраля 1945 г. З.М. Буниятову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Штрафные части и подразделения использовались

¹ Цит. по: Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. С. 146—147.

² См.: Золотые Звезды Азербайджана. — Баку, 1975. С. 66—67.

также и для ведения разведки. Наиболее часто они применялись для захвата «языка» и проведения разведки боем.

И.И. Рощин: «Штрафникам в разведку ходить не разрешалось. А нашей дивизионной разведке никак не удавалось взять языка. Моряки загорелись этой идеей — да мы вам его притянем — и не одного! В течение нескольких дней они изучали расположение противника, распорядок дня педантичных немцев... А потом просто «нокаутировали» их, напали умело и очень неожиданно. Многих перебили, а пятерых — кляп во рту — доставили в расположение роты. Пленных сразу же забрали разведчики, дивизия получила благодарность, а штрафная рота.... Она и есть штрафная. Хорошо, хоть моряков вскоре удалось отпустить»¹.

В.И. Голубев: «Кличут добровольцев на разведку боем... Вызвалось человек двадцать. Ушли. Вернулись четверо. И задачу не выполнили. Опять набирают. И всегда в таких случаях обещают, что если задача будет выполнена, то штраф снимут. Давайте! Мы с Лешкой все-таки решились пойти. Задача — взять боевое охранение. Был полдень, двенадцать дня. Расстояние между траншеями небольшое, они нас совсем не ждали. Человек тридцать нас ушло. Получилось быстро, удачно. От ярости мужики, честно говоря, разгромили боевое охранение. Успели одного словить, с собой привели. Но из штрафной никто не ушел: нас сняли с передней линии, сделали связными, распихали кого куда, даже в хозвзвод направили...»²

Н.И. Смирнов: «Штрафникам поставили задачу взять «языка». Саперы сняли мины, и после пятиими-

¹ Цит. по: Некрасова М. Искупить кровью // Гвардия России. 2004. Май. № 6 (21).

² Цит. по: Швед Е. Штрафбат // Родина. 1991. № 6—7. С. 62, 63.

нужной артподготовки мы пошли в бой. Страху, конечно, я натерпелся, но взял себя в руки и повел своих в атаку. Ворвались в окопы, давай бить немца, потом скрутили одного ефрейтора и, как планировали, — назад. Когда немцы немного опомнились, начали нас «поливать» со всех сторон, окружать. Пришлось идти напролом. Из двухсот бойцов в живых тогда осталось около сорока человек, и то калеченных да раненых. Мне просто повезло — до сих пор вот думаю, как можно было из такой бойни выйти живым и невредимым»¹.

С 31 октября по 11 декабря 1943 г. войсками Северо-Кавказского фронта (с 20 ноября — Отдельная Приморская армия) под командованием генерал-полковника И.Е. Петрова при содействии сил Черноморского флота и Азовской военной флотилии была проведена Керченско-Эльтигенская десантная операция в целях овладения восточной частью Керченского полуострова и создания условий для его полного освобождения. За десять дней до начала операции была проведена разведка боем, которая завершилась неудачей. В ночь на 21 октября противнику удалось в районе Ново-Ивановки захватить 20 пленных красноармейцев. Вот что отмечалось по их показаниям в разведывательной сводке штаба 5-го армейского корпуса противника от 30 октября 1943 г.: «...Допрос захваченных там 20 пленных показывает следующее. 20.10.43 г. в 17.00 из Анапы вышло два быстроходных катера. На одном из них было вооружение: два зенитных пулемета и две 45-мм пушки, а также 25 красноармейцев 2-й роты 3-го штрафного батальона. На втором, меньшем, катере было три зенитных пулемета и одна 45-мм пушка, а также 12 человек 11-ой разведроты. На обоих

¹ Цит. по: Кулешов В. Штрафбатя // Алтайская правда. 2004. 17 сентября.

катерах старшими были лейтенанты. Общее руководство осуществлял старший лейтенант. Солдаты были вооружены пулеметами и автоматами... Задача десанта: разведка берега и позиций, захват пленных, уничтожение артпозиций. В случае выполнения задачи всем штрафникам обещали снять судимость... Под прикрытием огня катера подошли к берегу на 100 м, и оттуда солдаты должны были идти по воде. Впереди шли штрафники, чтобы снять мины. В это время по ним с берега открыли огонь два немецких пулемета. Один из лейтенантов бросил против этих пулеметов боевые группы. Противнику удалось создать плацдарм шириной 600 м и глубиной до 300 м южнее Ново-Ивановки. Оба немецких пулемета перенесли к доту, который находился в 300 м от берега. На горе Дюрмен находилась наша артиллерия, но огонь трех батарей был все же неэффективен. Во время огневого боя между охраной побережья и высадившейся командой, который длился почти всю ночь, большая часть штрафников использовала темноту для того, чтобы спрятаться. Катера ждали солдат почти до утра, а потом, пользуясь темнотой, отошли. До 23.10.43 г. было захвачено 14 штрафников и шесть разведчиков. Один солдат упорно сопротивлялся и был убит. Получается, что 2/3 десантников не возвратились к своим. Пленные утверждают, что ожидается высадка морского и воздушного десантов на Керченском полуострове»¹.

О действиях штрафного батальона в конце декабря 1943 г. на участке 14-го стрелкового корпуса 59-й армии Волховского фронта можно узнать из воспоминаний М.И. Сукнева. Он пишет: «Шестеро разведчиков с командиром Крестьяниновым в маскхалатах, бро-

¹ Цит. по: Литвин Г.А., Смирнов Е.И. Освобождение Крыма (ноябрь 1943 г. — май 1944 г.). — М.: Агентство «Кречет», 1994. С. 29.

сками, где по-пластунски, где юзом, где согнувшись, бегом, миновали лед Волхова и успели залечь вокруг окопа — пулеметной засады немцев. Темнота сгустилась. С той стороны — тишина. Немцы повесили по нескольку ракет. И вдруг слышим глуховатый взрыв гранаты «Ф-1». Еще через несколько минут появились разведчики, неся на руках немецкого унтер-офицера, легко раненного в бедро»¹.

А.В. Пыльцын приводит пример удачных действий 8-го отдельного штрафного батальона. При подготовке летом 1944 г. к операции «Багратион» разведывательная рота 38-й стрелковой дивизии не сумела захватить «языка». Поэтому командир дивизии генерал М.Г. Соловьев поставил эту задачу перед 8-м отдельным штрафным батальоном. «По замыслу комбата (А.А. Осипов. — *Сост.*), наша 1-я рота и подразделения роты ПТР (противотанковое ружье. — *Сост.*), которой тогда командовал капитан Василий Цигичко, — пишет Пыльцын, — на участке, где оборонялся мой взвод, должны были создать шумовую «видимость» (если можно так определить задуманное) строительства моста или переправы через реку... С этой целью на берег притащили несколько бревен... и малыми саперными лопатками стали по ним стучать, имитируя то ли обтесывание бревен, то ли их сколачивание. А на противоположном берегу в прибрежных кустах, прямо напротив этого места, организовали мощную засаду, хорошо замаскированную.

В первую ночь «улова» не было. Зато во вторую, выдавшуюся светлой, наши наблюдатели заметили группу немцев, ползком пробиравшихся по болотистому

¹ Цит. по: Сукнев М.И. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941—1945. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 160—161.

берегу к месту «строительства». Тихо, без шума, накрыла их наша засада. Закололи штык-ножами от «СВТ» (самозарядные винтовки Токарева) гитлеровцев, сопротивлявшихся и пытавшихся подать сигнал своим. А троих с кляпами во рту, связанными доставили на этот берег, а потом, после беглого допроса, который провел мой писарь-переводчик Виноградов, отправили дальше — в штаб батальона. Сразу три языка, и один из них офицер! И пошел на 8 штрафников, участвовавших в засаде, материал на полную досрочную реабилитацию (и тоже без «искупления кровью») и на награждение, пусть не орденами, а только медалями»¹.

В мае — июне 1944 г. группа штрафников (141 человек) 9-го отдельного штрафного батальона 1-го Украинского фронта, под командованием командира батальона гвардии подполковника Лысенко, действовала в интересах 410-го стрелкового полка 81-й стрелковой дивизии 3-й гвардейской армии. Группа провела четыре ночных поиска, захватила два «языка», уничтожила две группы противника общей численностью в 140 человек, потеряв 22 убитых и 34 раненых².

В июле 1944 г. одна из рот (27 человек) 9-го отдельного штрафного батальона под командованием гвардии капитана И.А. Полуэктова поддерживала действия 168-го стрелкового полка 24-й Самаро-Ульяновской Железной стрелковой дивизии. В боевой характеристике, утвержденной командиром дивизии генерал-майором Ф.А. Прохоровым, отмечалось: «Получив боевой приказ на силовую разведку боем, в ночь на 7.07.44 г.,

¹ Цит. по: Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. С. 73.

² См.: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. С. 178.

выдвинувшись на исходный рубеж, рота начала действовать боем при поддержке артиллерийско-пулеметного огня с задачей продвинуться вперед на 400—600 метров. Боем заняли выгодный рубеж и по приказанию командования закрепились. В итоге уничтожено до взвода пехоты противника, взят, уничтожено огнем и гранатами два ручных пулемета противника. Офицерский и рядовой состав действовали мужественно, проявляя отвагу»¹.

В краткой сводке обобщенного боевого опыта оперативного отдела штаба 8-й гвардейской армии о боевых действиях в Берлинской операции от 10 мая 1945 г. отмечалось: «За два дня до начала Берлинской операции с целью уточнения системы огня, характера обороны и истинного начертания переднего края главной полосы обороны противника была проведена разведка боем силами двух стрелковых батальонов и двух штрафных рот на различных участках прорыва.

Каждый стрелковый батальон был усилен батареями «СУ-76», батареями «СУ-152», ротой саперов и поддерживался одним минометным полком, артополком дивизии, от которого действовали (без гаубичных батарей), всеми минометами дивизии, 76 и 45-мм орудиями, стоявшими на прямой наводке на рубеже атаки батальонов, и одним дивизионным залпом РС.

Штрафные роты, действовавшие на флангах, были усилены (каждая) батареями «СУ-76», взводом саперов и поддерживались одним минометным полком, артополком дивизии, на участке которого действовали (без гаубичных батарей), всеми минометами дивизии, 45 и 76-мм орудиями, стоявшими на прямой наводке, и дивизионным залпом РС...

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. С. 178.

Атаке предшествовал 10-минутный огневой налет, причем в начале огневого налета было произведено по одному дивизионному залпу РС, М-13 (на батальон, штрафную роту), а сопровождение атаки — одинарным огнем валом 82-мм минометов, в период атаки армейские артиллерийские подгруппы вели борьбу с активно действующими батареями противника...

В результате хорошо спланированной, подготовленной и проведенной разведки задача была выполнена, что способствовало выявлению системы обороны противника, а захватом первой линии траншей и опорных пунктов на переднем крае были улучшены исходные позиции для предстоящего прорыва»¹.

Вышеприведенные примеры опровергают мнение С. Глезерова, который утверждает: «На штрафные части возлагались только вспомогательные задачи, при этом они не могли вести разведывательную и диверсионную деятельность в тылу врага. Во-первых, у них не было достаточного опыта, во-вторых, им просто не доверяли, а в-третьих, самое главное, они не для этого предназначались...»²

В ходе предыдущего повествования уже отмечалось, что штрафные части и подразделения при выполнении боевых задач несли значительные потери. Приведем для иллюстрации примеры из опубликованной литературы и воспоминаний участников войны.

В начале января 1943 г. 57-я армия в составе ударной группировки Донского фронта (командующий генерал-

¹ Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии): Т. 15 (4—5). — М.: ТЕРРА, 1995. С. 463—464.

² Цит. по: Глезеров С. Штрафные роты и батальоны в битве за Ленинград // Вести. 2006. 1 декабря.

лейтенант, с 15 января генерал-полковник К.К. Рокоссовский) участвовала в окружении, блокировании и разгроме вражеских войск под Сталинградом. В составе армии действовали 60-я (бывшая 1-я) и 61-я (бывшая 2-я) отдельные штрафные роты. В ходе штурмовых атак погибли командиры взводов 60-й отдельной штрафной роты лейтенанты А.Н. Шипунов, П.А. Жук, А.Г. Безуглович. В тот же день погибли и получили ранения 122 штрафника. Особенно тяжелые бои велись в период с 23 по 30 января, когда потери роты составили ранеными и погибшими 139 человек¹.

С 28 августа 1943 г. 60-я отдельная штрафная рота под командованием старшего лейтенанта Д. Белима в составе 68-й армии участвовала в Ельнинско-Дорогобужской наступательной операции. Только за один день, 7 сентября, 60-я отдельная штрафная рота, наступая в районе сел Суглица и Юшково, потеряла 42 человека убитыми (в том числе командир роты Д. Белим) и ранеными².

С. Глезеров приводит следующие данные о потерях 160-й и 267-й отдельных штрафных рот 67-й армии. 5 октября 1943 г. они предприняли наступление без предварительной артиллерийской подготовки. Наступление успеха не имело, а обе роты потеряли 131 человека убитыми и ранеными³.

В начале 1944 г. 5-я армия, которой командовал генерал-лейтенант Н.И. Крылов, в составе Западного фронта вела наступательные бои на богушевском

¹ См.: Мороз А. Штрафная рота // Красная Звезда. 2007. 11 апреля.

² Там же.

³ См.: Глезеров С. Штрафные роты и батальоны в битве за Ленинград // Вести. 2006. 1 декабря.

направлении. В боевых действиях участвовала и 128-я (бывшая 60-я) отдельная штрафная рота под командованием старшего лейтенанта А. Королева. Об ожесточенности этих боев свидетельствует тот факт, что только в боях 10 января и с 4 по 10 февраля 128-я отдельная штрафная рота потеряла убитыми 89 и ранеными 288 человек¹.

А. Бабченко в статье «Мошенник из штрафбата» отмечает, что одна из штрафных рот насчитывала 142 человека. Почти все они погибли 22 февраля 1944 г. «В графе «причина освобождения» командир штрафной роты, лейтенант (по старательному ученическому почерку видно, что еще совсем мальчишка), напротив первой фамилии написал «Убит в бою. Вину испустил кровью», — отмечает Бабченко. — Чтобы не повторяться, напротив остальных фамилий он поставил прочерк. 22 февраля 44-го пережили лишь несколько бойцов сто сорок какой-то штрафной роты. Человек тридцать. Все они погибли через два дня. В следующей атаке»².

А.В. Беляев: «Потери, насколько мне помнится, были большие. Примерно 50 — 70 процентов»³.

Н.Г. Гудошников: «Нашей роты хватало на один-два, редко на три серьезных боя. Практически никто во время наступательных боев более месяца в строю не держался»⁴.

¹ См.: Мороз А. Штрафная рота // Красная Звезда. 2007. 11 апреля.

² Цит. по: Бабченко А. Мошенник из штрафбата // Новая газета. 2005. 26 сентября.

³ Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

⁴ Там же.

Е.П. Баздырев отмечал, что после боя 22 июня 1944 г. сообщил командиру батальону, что из 225 человек убиты и умерли от ран — 51 человек, ранены — 63¹.

Н.П. Шелепугин рассказывал, что при форсировании р. Сож 357-я отдельная армейская штрафная рота захватила небольшой плацдарм. Три дня и три ночи она удерживала клочок земли, отбивая многочисленные атаки противника. В боях за плацдарм рота потеряла убитыми свыше ста человек и ранеными — около трехсот².

И.И. Коржик: «К середине марта из 1200 бывших офицеров нас осталось в батальоне сорок восемь человек. Были штрафники смертниками? Я считаю — да! Когда из 1200 человек в батальоне осталось в строю 48 — это мало? А вот еще факт. При одной из атак мы попали под сильный огонь шестиствольных минометов, и часть солдат попыталась отойти и спрятаться в лесу. Они были задержаны заградотрядом и расстреляны. Выжить штрафнику было большим счастьем»³.

И. Пичугин: «О том, как воевали, можно судить хотя бы по одному бою 275-й роты. При прорыве обороны фашистов в районе города Рогачева в Белоруссии в июле 1944 года из 350 «штрафников» осталось в живых лишь 27. Из командного состава — только я, раненный. Меня наградили орденом Красного Знамени»⁴.

¹ См.: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. С. 184.

² Там же. С. 185.

³ Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

⁴ Цит. по: Пичугин И. «В прорыв идут штрафные батальоны» // Крымские известия. № 109 (3583). 2006. 17 июня.

З.М. Бунятов: «Мне было поручено чрезвычайно опасное дело: преодолеть тройную линию обороны противника и выйти глубоко в тыл. Мы должны были взять заминированный мост длиной 80 метров через реку Пилица, при этом сохранить мост невредимым, так как по нему должна была пройти бсевая техника. И мы выполнили эту задачу, но какой ценой! В этом бою из 670 бойцов в живых остались 47. Сколько я похоронил тогда, сколько писем написал их близким! Всех оставшихся в живых наградили боевыми орденами»¹.

Г.М. Дубинин: «Пошли цепью, друг от друга шагах в 8—10, тихо, без криков. Немец огня не вел. Сколько прошли — не знаю. Вдруг разрыв мины. Цепь залегла. Стоны, крики подорвавшихся, проклятия в адрес наших саперов, что не все сделали, как надо, снимая мины. А тут немцы начали артобстрел, и, конечно, новые потери. Получилось, назад нельзя — свои убьют, вперед тоже нет возможности... По памяти скажу, после этого дня половину личного состава списали (около 70 человек)»².

В.Е. Копылов: «Как-то комдив вызвал меня и приказал взять любой ценой деревушку. В атаку поднялись 180 человек. Приказ выполнили, но после боя в батальоне насчитывалось не более 60. И, слава Богу, что на этом участке у фашистов не было ни артиллерии, ни минометов. Большинство моих подчиненных отделались ранениями. А для них это значило все»³.

¹ Цит. по: Николаев В. По минному полю // Новые известия. 2005. 6 мая.

² Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

³ Цит. по: Награды, политые кровью (Рассказ ветерана) // Военные знания. 1996. № 7 (июль). С. 4.

М.Г. Ключко: «Я не знал, сколько личного состава вошло в бой и сколько из него вышло. Бои шли непрерывно. За первой полосой фронта шла вторая. Пока одна восполняет потери, другая продолжает сражение. И так постоянно. Рубеж за рубежом. Я отчетливо помню бои под Брестом. Брали высоты. Так там из роты почти никого не осталось в живых. Я был ранен и контужен. Родители получили извещение о моей гибели»¹.

По данным А. Мороза, с августа 1942 по октябрь 1945 г. через 1, 60, 128-ю отдельную штрафную роту прошли 3348 штрафников, из которых 796 погибли, 1939 получили ранения, 117 были освобождены по истечении установленного приказом срока, а 457 — досрочно, а около 1% штрафников отстали на маршах, дезертировали, попали в плен к противнику и пропали без вести. Всего в роте в разное время служили 62 офицера, из них 16 погибли, 17 получили ранения (трое из раненых позднее были убиты)². В ходе боев на Курской дуге 8-й отдельный штрафной батальон Центрального фронта потерял 143 человека убитыми и 375 ранеными³.

О больших потерях штрафных частей и подразделений пишут и авторы труда «Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование». Только в 1944 г. общие потери личного состава (убитые, умершие, раненые и заболевшие) всех штрафных частей

¹ Цит. по: Савчин Д. Штрафники не кричали «Ура!» // Зеркало недели. № 20 (293). 2000. 20—26 мая.

² См.: Мороз А. Штрафная рота // Красная Звезда. 2007. 11 апреля.

³ Мороз А. Искупление кровью. Как 8-й отдельный штрафной батальон прошел с боями от Волги до Одера // Красная Звезда. 2006. 16 июня.

составили 170 298 человек постоянного состава и штрафников. Среднемесячные потери постоянного и переменного состава достигали 14 191 человека, или 52% от среднемесячной их численности (27 326 человек)¹. Это было в 3—6 раз больше, чем среднемесячные потери личного состава в обычных войсках в тех же наступательных операциях 1944 г.

Штрафники, как мы убедились, действовали в основном отважно при выполнении боевых задач. Но были и случаи трусости, малодушия, которые жестоко карались командованием штрафных частей и подразделений. Об этом пишет М.И. Сукнев, вспоминая оборонительные действия своего батальона у населенного пункта Слутка в ноябре 1943 г. Тогда два «басмача-штрафника», совершившие самострелы, были расстреляны по приказу командира батальона².

П.Д. Бараболя поведал о том, как два штрафника убили в селе Кильяковка пожилую пару, а их 12-летнюю внучку изнасиловали. Выездная сессия военного трибунала приговорила обоих штрафников к расстрелу. «В свои двадцать три года я успел насмотреться смерти в лицо, видел, как погибают люди, — отмечает Бараболя. — Сколько раз сердце сжималось при этом! Но публичный расстрел двух бандитов не вызвал ни малейшего сострадания»³.

И.Н. Третьяков: «Грубые нарушения были. Помню два случая ухода к противнику. Один удался, во вто-

¹ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 441.

² См.: Сукнев М. И. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941—1945. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 157—158.

³ Цит. по: Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 т. Т. 1. С. 357—358.

ром случае перебежчика ликвидировали. Были случаи ухода в тыл. Посылали в розыск из числа штрафников же. Если находили, то ребята разбирались с дезертирами сами и, как говорится, без применения оружия»¹.

В ходе боевых действий некоторые штрафники под видом «ранения» пытались уклониться от боя и получить реабилитацию. Например, командир роты 9-го отдельного штурмового батальона 1-го Украинского фронта капитан Баздырев 20 сентября 1944 г. докладывал: «Н.В. Семененко ушел в госпиталь, бросив пулемет и никому не доложив, по болезни, не искупив вины. Блужштейн Яков Аронович, Вальчук Карп Павлович обманным путем, под видом: первый — контуженного, а второй с легким касательным ранением ушли с поля боя»².

А.В. Пыльцын в своей книге «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина» приводит пример того, как во время артиллерийского налета противника среди штрафников стали появляться легко раненные осколками в мягкие ткани, как правило, в ягодицы. Это заинтересовало сотрудников Особого отдела. «Оказывается, во время артналета, под грохот разрывов снарядов «изобретатели» этого способа бросали в какой-нибудь деревянный сарайчик ручную гранату, — пишет Пыльцын, — а затем из его стен выковыривали ее осколки. После этого из автоматного патрона вынимали и выбрасывали пулю, отсыпали половину пороха и вместо пули вставляли подходящего размера осколок. А дальше — дело техники. В очередной артналет из этого автомата выстреливали в какое-нибудь мягкое место — и получали «легкое ранение»,

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. — М.: Вече, 2007. С. 135.

² Там же. С. 139—140.

а значит, вожделенную свободу. Правда, когда эту хитрость раскусили, почти всех «хитрецов» выловили в войсках и вновь судили, теперь уже за умышленное членовредительство и фактическое дезертирство из штрафбата. Не все «умники» возвращались в ШБ. Некоторых, с учетом их прежних «заслуг», приговаривали к высшей мере и расстреливали. Основная масса свидетелей этих расстрелов одобрительно встречала приговоры. Вообще к трусам и подобным «изобретателям» в офицерском штрафном батальоне относились, мягко говоря, негативно»¹.

В Положениях о штрафных батальонах и ротах отмечалось, что «по отбытии назначенного срока штрафники представляются командованием батальона (роты) военному совету фронта (армии) на предмет освобождения». Кроме того, «за боевое отличие штрафник может быть освобожден досрочно», а «за особо выдающееся боевое отличие штрафник, кроме того, представляется к правительственной награде». Положения также определяли, что «штрафники, получившие ранение в бою, считаются отбывшими наказание». Посмотрим, как же на практике осуществлялись эти положения.

А.В. Пыльцын: «На всех штрафников мы, командиры взводов, срочно писали характеристики-реляции, на основании которых шло и освобождение штрафников, и их награждение. А комбат наш Осипов представлял к наградам офицеров батальона. В деле награждения многое, если не все, зависело от командования. Вот генерал Горбатов освободил всех штрафников, побывавших в тылу у немцев, независимо от того, иску-

¹ Цит. по: Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. С. 64—65.

пили кровью они свою вину или не были ранены, а просто честно и смело воевали.

Я об этом говорю здесь потому, что были другие командующие армиями, в составе которых батальону приходилось выполнять разные по сложности и опасности боевые задачи. Однако реакция многих из них на награждение весьма отличалась от горбатовской. Так, командующий 65-й армией генерал Батов Павел Иванович при любом успешном действии батальона принимал решение об оправдании только тех штрафников, которые погибали или по ранению выходили из строя...

Возвращаясь ко времени написания нами боевых характеристик на штрафников, скажу, что эти документы после подписи командиров рот сдавались в штаб батальона. Там уже составляли списки подлежащих освобождению. Путь этих бумаг лежал дальше через штаб армии в армейский или фронтовой трибунал, а оттуда — в штаб фронта. Приказы о восстановлении в офицерском звании подписывались лично командующим фронтом»¹.

А.В. Пыльцын далее пишет, что в батальон приезжало несколько групп представителей от армейских и фронтовых трибуналов и штаба фронта, которые рассматривали в присутствии командиров взводов или рот характеристики, снимали официально судимость, восстанавливали в воинских званиях. Наряду с этим выносились постановления о возвращении наград и выдавались соответствующие документы. После всего этого восстановленных во всех правах офицеров направляли, как правило, в их же части,

¹ Цит. по: Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. С. 30.

а бывших «окруженцев» — в полк резерва офицерского состава.

Н.Г. Гудошников: «После одного из боев меня вызвал ротный и велел составить на всех штрафников так называемую арматурную ведомость, — вспоминал он, — в которой против каждой фамилии проставляется вся амуниция солдата. «Идем реабилитировать ребят и передадим на пополнение соседнего полка, — объяснил мне ротный. — Воевали они хорошо. Некоторые задержались у нас дольше, чем положено. Считай — вину все искупили. Объясни им это». — «А мы куда?» — поинтересовался я. «Мы на формировку. В запасном полку нас уже ждет новая рота». Всех в одно место не соберешь, не построишь, и я где несколькими сразу, где по одному объявил о реабилитации. К удивлению своему, ни вздоха облегчения, ни радостного возгласа, никаких других эмоций не увидел и не услышал. Некоторые из моего взвода даже сожалели, что нам придется расстаться... Затем в наше расположение пришли командиры из соседнего полка, и мы им передали солдат прямо на боевых позициях»¹.

Ю.В. Рубцов в своей книге «Штрафники Великой Отечественной: в жизни и на экране» рассказывает о судьбе В.П. Щенникова, бывшего командира стрелкового батальона 1052-го стрелкового полка 301-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии 4-го Украинского фронта. Он служил в 9-м отдельном штрафном батальоне 1-го Украинского фронта. В характеристике на Щенникова командир взвода гвардии лейтенант Балачан писал: «При наступлении на сильно укрепленную полосу обороны противника 8 июля 1944 года,

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

будучи первым номером ручного пулемета, он подавил огневую точку противника, чем дал возможность продвинуться остальным. Когда вышел из строя его второй номер, он взял диски и продолжал продвигаться в боевых порядках... Во время выхода с поля боя он вынес 2 ручных пулемета, 2 винтовки, 4 автомата и одного раненого командира отделения. Достоин представления к правительственной награде»¹. На характеристике резолюция командира роты гвардии капитана Полуэктова: «Тов. Щенников достоин досрочной реабилитации».

А.В. Беляев: «Шла реабилитация только тех штрафников, которые искупили свою вину непосредственно в бою. Насколько я помню, у нас не было ни одного случая, чтобы реабилитировали тех, кто не участвовал в боях»².

И.Н. Третьяков: «Досрочно могли реабилитировать не только раненого. По приказу нашего командарма был введен такой порядок. В наступлении ставилась определенная боевая задача. При выполнении ее, как только выходили из боя, вызывали из армии военный трибунал, он снимал судимость и вручал справку об этом. Вот насчет наград при отбытии срока — этого у нас не было. Мы пытались представлять к ним, но нам ответили: «Штрафник искупает свою вину, за что же его награждать»³.

Н. Тарасенко: «По ходу боя я и двое моих сотоварищей оказались на левом фланге цепи батальона и сво-

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. С. 196.

² Цит. по: Рубцов Ю.В. Кому отбывать срок до ордена, ну а кому — до «вышки» // Независимое военное обозрение. 2006. 28 апреля.

³ Там же.

им интенсивным огнем обеспечили успешную атаку. Бой для нас был закончен, успех батальона был подхвачен и развит пехотными частями. Меня и двоих моих товарищей отозвали в штаб батальона и объявили амнистию. В сумятице фронтовых дорог я нашел свой полк. Он понес большие потери. Пришло пополнение, и приказали формировать взвод. Начались тяжелые, с большими потерями бои в предполье Кенигсберга. В боях получил контузию, ранение. От госпитализации отказался. День Победы встретил в эшелоне. 9 августа 1945 г. объявлена война Японии, и полк перешел границу Маньчжурии. Хубей, Бамянтунь, Муданьдзян, Харбин — этапы этой молниеносной войны. По окончании боев я был отозван. За проявленные стойкость, героизм в боях в Восточной Пруссии и в войне с Японией решением трибунала полностью освободили от отбытия наказания со снятием судимости»¹.

Е.А. Гольбрайх: «Штраф снимался по первому ранению. Или гораздо реже — по отбытию срока. Бывало, вслед раненому на имя военного прокурора посылалось ходатайство о снятии судимости. Это касалось главным образом разжалованных офицеров, но за проявленное мужество и героизм иногда писали и на уголовников. Очень редко и, как правило, если после ранения штрафник не покидал поле боя или совершал подвиг, его представляли к награде. О результатах своих ходатайств мы не знали, обратной связи не было»².

Г.Г. Высоцкий: «Осужденные военным трибуналом солдаты и разжалованные офицеры, бывшие заклю-

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. С. 148.

² Цит. по: Их заменить было некому. Воспоминания фронтовика Ефима Абелевича Гольбрайха // Крымская правда. 2006. 23 августа.

ценные искупали личную вину перед государством своею кровью, многие за проявленное мужество награждались орденами и медалями, становились в строй воинских частей»¹.

Д. Дебольский: «Большинство воевали до первого ранения или через два месяца уходили в другие части по предписанию командира роты за проявленную храбрость. А за бой под Березовцем со всех штрафников роты была снята судимость, большинство были награждены орденами и медалями, а я получил редкий орден Александра Невского»².

Штрафники, заслужившие реабилитации, получали соответствующий документ. Например, С.Л. Ария в военном трибунале 151-й стрелковой дивизии вручили следующую справку: «Выдана старшему сержанту Ария Семену Львовичу в том, что с него за проявленное мужество и отвагу в борьбе с фашизмом определением военного трибунала 151 сд от 17 марта 1943 г. снята судимость. Председатель военного трибунала 151 сд военный юрист 3 ранга Сорокин»³.

А. Мороз пишет: «Реабилитация часто, но не всегда обставлялась определенной торжественностью. Объявлялся перед строем приказ войскам, представители штаба и политуправления фронта возвращали восставленным в правах ордена и медали, а позднее вручали и полевые погоны с прежними знаками отличия. Выдавались на руки предписания: одним — убыть в

¹ Гордиенко А. Каждый его орден — память о роте // Восточно-Сибирская правда. № 24 248. 2002. 20 июня.

² Цит. по: Баканов В. Правда и небылицы. О штрафниках и смертниках Великой Отечественной войны // Магнитогорский металл. 2004. 29 апреля.

³ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. С. 149.

свою часть, другим — в отдельный полк резерва офицерского состава, третьим (по особому указанию) — в отдел кадров округа»¹.

В книге Ю.В. Рубцова «Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране» приводится пример досрочного освобождения целого подразделения за боевые отличия. В июле 1944 г., когда войска 1-го Украинского фронта (командующий маршал Советского Союза И.С. Конев) проводили Львовско-Сандомирскую наступательную операцию, отличилась одна из рот 9-го отдельного штрафного батальона. Она, насчитывая 245 человек, под командованием гвардии капитана И.А. Полуэктова в течение десяти дней поддерживала действия одного из стрелковых полков 24-й Самаро-Ульяновской Железной стрелковой дивизии. Была успешно проведена разведка боем, захвачен выгодный в тактическом отношении рубеж, уничтожено много живой силы противника, подавлено несколько огневых точек. По результатам боя штрафников командир дивизии генерал-майор Ф.А. Прохоров сделал следующий вывод: «Весь личный состав подлежит выводу из боевых порядков части для полной реабилитации и восстановления во всех правах чина офицера Красной Армии»². 11 человек, кроме того, были признаны достойными государственных наград.

Приказом Военного совета 31-й армии весь личный состав отдельной штрафной роты 116-й стрелковой дивизии за отличное выполнение боевого задания был досрочно отчислен из штрафной роты и переве-

¹ Цит. по: Мороз А. Искушение кровью. Как 8-й отдельный штрафной батальон прошел с боями от Волги до Одера // Красная Звезда. 2006. 16 июня.

² Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. — М.: Вече, 2007. С. 144—145.

ден в линейные стрелковые части, а рота расформирована¹.

А вот что говорилось в приказе командующего войсками 1-го Белорусского фронта генерала армии К.К. Рокоссовского № 0988 от 11 июня 1944 г.: «Бывший командир пулкрыты 4-го стрелкового полка 10-й запасной стрелковой бригады капитан Хохлов Михаил Сергеевич, 1913 года рождения, уроженец Башкирской АССР, г. Уфа, ул. Таботская, д. 41. Русский, служащий, беспартийный, образование: общее — 8 классов, военное — пехотное училище в 1938 году, в Красной армии с 1934 года. В батальон (речь идет о 8-м отдельном штрафном батальоне. — *Сост.*) прибыл 7.4.1944 г. сроком на 2 месяца по приговору военного трибунала 10-й зсбр, осужден по ст. 193-3 (за самовольное оставление поля сражения во время боя. — *Сост.*) сроком на 8 лет ИТЛ. За время пребывания в батальоне показал себя смелым и решительным бойцом. 13.6.1944 г., участвуя в разведке, действовал энергично и смело. Получил слепое ранение в область поясницы с повреждением правой почечной капсулы, госпитализирован»². Всего этим приказом были реабилитированы 20 штрафников-офицеров.

Приказом командующего войсками 1-го Белорусского фронта маршала Советского Союза Г.К. Жукова № 0394 от 7 мая 1945 г. весь переменный состав 8-го отдельного штрафного батальона был восстановлен в правах офицерского состава и воинских званиях. Несмотря на это, в батальон до 20 июля прибывали те из

¹ См.: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. — М.: Вече, 2007. С. 145.

² Цит. по: Мороз А. Искушение кровью. Как 8-й отдельный штрафной батальон прошел с боями от Волги до Одера // Красная Звезда. 2006. 16 июня.

провинившихся, кого конец войны застал в пути в отдельный штрафной батальон. Их отчисляли после подготовки соответствующих документов на основании приказа командующего войсками фронта № 0467 от 10 июня¹.

После завершения Ельнинско-Дорогобужской наступательной операции, в которой участвовала 60-я отдельная штрафная рота 68-й армии, 10 человек, проявивших мужество в бою у села Юшково, были досрочно откомандированы в 159-ю стрелковую дивизию, а двое — в 3-ю инженерно-саперную бригаду².

В 1-й ударной армии (командующий генерал-майор Г.П. Коротков) процесс освобождения от наказания штрафников осуществлялся следующим образом. «В марте месяце вместе с пополнением в 53-ю и 7-ю гвардейские стрелковые дивизии 1-й ударной армии прибыло 1720 штрафников, — пишет Ю.В. Рубцов. — В 53-ю гвардейскую сд прибыло 1200 штрафников, из которых было сформировано три роты. 1-я рота была придана 161-му гвардейскому стрелковому полку. Полку была поставлена задача освободить деревни Веревино и Козлово. Эту задачу полк выполнил, штрафники первыми ворвались в деревню. Один из штрафников первым вышел на горку и водрузил там красный флаг, но тут же был ранен. Штрафники дрались самоотверженно и мужественно. Среди штрафников были большие потери убитыми и ранеными — около 60% личного состава. Генерал-майор Клешнин и командир штрафной роты капитан Белозерцев дали хорошую

¹ Мороз А. Искупление кровью. Как 8-й отдельный штрафной батальон прошел с боями от Волги до Одера // Красная Звезда. 2006. 17 июня.

² См.: Мороз А. Штрафная рота // Красная Звезда. 2007. 11 апреля.

оценку бойцам-штрафникам. Сразу же после боя 50 человек получили гвардейские значки. С 19 по 22 марта было удовлетворено 40 ходатайств командования об освобождении от наказания. В 53-ю армейскую штрафную роту в первых числах марта прибыло 520 штрафников. С 9 по 20 марта 1943 г. рота участвовала в боях за овладение деревней Борок и деревней Семушкина Горушка. За время боев ранено 369, убито 100. Из числа штрафников было осуждено всего 3 человека. В первые дни боев представлено к наградам 3 военнослужащих штрафной роты. К 22 марта поступило 100 ходатайств об освобождении от наказания, еще 3 красноармейца штрафной роты были представлены к наградам. Кроме того, в ближайшее время поступит еще 60 ходатайств¹.

П.Н. Токарев: «Один из штрафников за уничтожение вражеских пулеметов вскоре был представлен к награждению медалью «За отвагу», с него сняли судимость, он был освобожден от штрафной роты. Правда, бывший штрафник просил командиров оставить его с боевыми друзьями, к которым привык. Но его перевели в стрелковую роту этой же дивизии»².

М. С. Бровко участвовал в Белоруссии в боях на р. Проня. Тогда из 118 штрафников в живых остались лишь 32. Михаил Степанович получил три ранения, был награжден медалью «За боевые заслуги», с него сняли судимость³.

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. С. 145—146.

² Цит. по: Есть такая профессия — Родину защищать // Ил Тумэн. № 5 (476). 2007. 13 июля.

³ См.: Ермашина Л. В гостях у... // Приазовский рабочий. № 64. 2007. 4 июля.

Среди награжденных бывших штрафников: И.И. Коржик — орден Красной Звезды, Н.И. Сапрыгин — орден Славы 3-й степени, Г.М. Дубинин — медаль «За отвагу». В штрафных частях 64-й армии в период боев под Сталинградом из 1023 человек, освобожденных от наказания за мужество, были награждены: орденом Ленина — 1, Отечественной войны 2-й степени — 1, Красной Звезды — 17, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» — 134 человека¹.

А. Мороз также приводит выписку из приказа о реабилитации штрафников-женщин, действовавших в составе 8-го отдельного штрафного батальона Центрального фронта. «В период наступательных боев в районе деревни Соковинка (ныне Конышевского района Курской области. — *Примечание А. Мороза*), — подчеркивалось в приказе командующего фронтом генерал-полковника К.К. Рокоссовского, — бывший боец переменного состава Лукьянчикова Пелагея Ивановна, исполняя должность санитары стрелковой роты, самопожертвенно презирая смерть, оказывала помощь раненым непосредственно на поле боя. В период боев с 15 по 24 июля (1943 г. — *Сост.*) ею вынесено 47 раненых бойцов с их оружием. Отмечая героизм, изъятый товарищем Лукьянчиковой, объявляю ей благодарность и представляю к правительственной награде»².

В ходе Рогачевско-Жлобинской операции 1944 г. отличился 8-й отдельный штрафной батальон, который по приказу командования 3-й армии действовал

¹ См.: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. С. 202.

² Цит. по: Мороз А. Искупление кровью. Как 8-й отдельный штрафной батальон прошел с боями от Волги до Одера // Красная Звезда. 2006. 16 июня.

в тылу противника. «За успешное выполнение боевой задачи, — пишет А.В. Пыльцын, — как и обещал командующий армией, весь переменный состав (штрафники) был, как сказали бы теперь, реабилитирован, многим были вручены боевые награды: ордена Славы III степени, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги»¹.

А. Мороз в статье «Штрафная рота» отмечает, что в 1-й (60-я, затем 128-я) отдельной штрафной роте 43 красноармейца и сержанта переменного состава были удостоены правительственных наград, в том числе орденов Красной Звезды, Славы 3-й ст., медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги»².

Однако не всегда штрафники получали правительственные награды.

П.Д. Бараболя: «Трудные и страшные были те бои, но ни один командир нашей роты, кроме капитана Матвеева, не был награжден ни одним орденом. Лишь в 1944 году за участие в Сталинградской битве я был удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени»³.

Е.А. Гольбрайх: «Офицеров постоянного состава штрафных подразделений наградами баловали не особо щедро... В наградных листах на них писали — «командир ударного батальона» (или роты), избегая слово «штрафной». Если в пехоте комбата, прорвавшего укрепленную оборону противника, могли сразу представить к высокой награде, вплоть до высшего звания, то

¹ Цит. по: Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. С. 43.

² См.: Мороз А. Штрафная рота // Красная Звезда. 2007. 11 апреля.

³ Цит. по: Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 т. Т. 1. С. 364.

на нас смотрели как на «специалистов по прорывам». Мол, это ваша повседневная работа и фронтовая доля. Чего вы еще хотите?»¹

Штрафники получали не только ордена и медали. Например, 19-летний В.И. Ермак, воевавший в составе отдельного штрафного батальона, был удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно). В официальных изданиях он числится стрелком 14-го отдельного стрелкового батальона 67-й армии Ленинградского фронта. 19 июля 1943 г. во время разведки боем в районе Синявинских высот (под Ленинградом) Владимир Иванович закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота, чем обеспечил группе разведчиков выполнение боевого задания. Звание Героя Советского Союза было присвоено 21 февраля 1944 г. посмертно². Увековечен в мемориале «Синявинские высоты».

В.В. Карпов был удостоен звания Герой Советского Союза 4 июня 1944 г. за то, что «в августе — сентябре 1943 в период боев в Духовщинском районе Смоленской области более 30 раз с группой разведчиков проникал во вражеский тыл, участвовал в захвате 35 пленных»³.

М.И. Кикош стал Героем Советского Союза 30 октября 1943 г. По некоторым сведениям, он в это время командовал 3-й штрафной ротой 65-й армии. Официально же «командир роты 120-го стрелкового полка (69-я стрелковая дивизия 65-й армии Центрального фронта) старший лейтенант Кикош с ротой 15 октября

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране / Ю.В. Рубцов. С. 203—204.

² См.: Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. В. 2 т. Т. 1. — М., 1987. С. 483.

³ См.: Воробьев М.В., Храпченков А.К. В боях на Смоленской земле. — М., 1975. С. 185—187.

1943 г. в числе первых преодолел Днепр у пгт Радуль (Репкинский район Черниговской области), захватил и удерживал плацдарм, обеспечивая переправу подразделений полка»¹.

Если верить воспоминаниям участников войны, то некоторых штрафников освобождали и в нарушение Положения о штрафных батальонах и ротах.

И. Суман: «...Пока штрафная рота была в какой-то деревушке, немец разбомбил тамошнюю электростанцию. Она была маленькой такой, но на село ее хватало. Я понял: это мой единственный шанс. Я же руками все что хочешь сделать могу. Пришел к командиру роты и говорю: — Я могу починить станцию. — Сделаешь — отправлю тебя обратно в часть. Так вот, в штрафной роте я пробыл три недели и ни разу за это время не выстрелил»².

Однако не всегда штрафники дожидались своей реабилитации. Например, в конце августа 1942 г. немецкие войска натолкнулись на яростное сопротивление частей Красной армии в районе озера Сапра. В этих боях особенно отличился штрафной батальон, приданный 91-й стрелковой дивизии. Политуправление Сталинградского фронта ходатайствовало перед А.С. Щербаковым: «Солдаты искупили свою вину героизмом и должны быть реабилитированы. Их следует вернуть в те подразделения, в которых они служили раньше»³. Но прежде чем это было сделано, почти

¹ См.: Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. В. 2 т. Т. 1. — М., 1987. С. 647.

² Цит. по: Воынец А. Разные лица войны // Невское время № 154 (1557). 1997. 28 августа.

³ Цит. по: Бивор Э. Сталинград / Пер. с англ. А. Жеребилова, А. Коноплева, А. Марченко, А. Фельдшера; художник П. Трофимов. — Смоленск: Русич, 1999. С. 133.

весь переменный состав этого батальон погиб в последующих боях.

После победы над Германией заместитель наркома обороны Н.А. Булганин подписал 18 июля 1945 г. приказ № 41, в котором объявил для руководства Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией»¹. Амнистия распространялась на военнослужащих, осужденных с отсрочкой исполнения приговора в порядке примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей Уголовных кодексов других союзных республик; лиц, осужденных за воинские преступления по статьям 193-2, 193-5, 193-6, 193-7, 193-9, 193-10, 193-10а, 193-14, 193-15 и 193-16 УК РСФСР и соответствующим статьям Уголовных кодексов других союзных республик. Эта амнистия распространялась и на штрафников.

О том, как формировались и использовались штрафные батальоны и роты, весьма подробно говорят воспоминания и свидетельства участников Великой Отечественной войны, в основном тех, кто непосредственно служил в штрафных формированиях.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). — Т. 13(2—3). — М.: ТЕРРА, 1997. С. 389.2

ИСКУПЛЕНИЕ КРОВЬЮ

...Штрафные батальоны и роты прошли через всю войну. Больше того, сегодня очень и очень немногие знают, что при подготовке на Дальнем Востоке войны с Японией предусматривалось создание и штрафных частей. На Забайкальском фронте, к примеру, постоянный состав штрафбата был сформирован из офицеров 26-й окружной школы снайперов, а начальник этой школы майор Марченко Федор Степанович стал командиром батальона. Впрочем, 3-й отдельный штрафбат Забайкальского фронта (раньше под этим номером воевал ОШБ Калининского (1-го Прибалтийского) фронта) из-за скоротечности войны в Маньчжурии укомплектовать переменным составом не успели. Тактические возможности штрафных батальонов и рот были скромны, роль в ходе боевых действий невелика. Это ведь обычные стрелковые подразделения с необычным составом. В их арсенале лишь легкое оружие да жертвенность. И не были упразднены штрафные части на пути к победе главным образом потому, что многим помогли отстоять доброе имя и честь, избежать или избавиться от судимости, вернуться с войны домой незапятнанным. А если погибнуть, то смертью храбрых.

В этих заметках на основе архивных материалов, к которым редко обращались, хочется рассказать об ис-

тории 8-го отдельного штрафного батальона Сталинградского (Донского, Центрального, Белорусского, 1-го Белорусского) фронта. Этому ОШБ выпал особенно длинный и трудный боевой путь — от Сталинграда, Волги до Одера и Берлина. Сразу же после объявления приказа № 227 в августе 1942 г. на Сталинградском фронте приступили к формированию по временным штатам двух штрафных батальонов: 1-го и 2-го. Номера тоже были временными, для внутрифронтового использования. К концу сентября стало ясно, что два штрафбата фронт, теперь уже Донской, укомплектовать не сможет. Приказом по войскам № 09/0125 от 30 сентября 1942 г. 2-й ОШБ был расформирован, а его командный и политический состав в количестве 33 человек направлен на доукомплектование 1-го.

Историю 1-го штрафного батальона, который позднее станет 8-м, открывает приказ, которым гвардии майор Григорьев Яков Федорович объявлял о вступлении в должность комбата. Военкомом батальона был назначен батальонный комиссар Лавренюк Павел Прохорович, начальником штаба — капитан Лобань Григорий Иванович. За батальоном закреплялся оперуполномоченный особого отдела НКВД фронта лейтенант госбезопасности Ефимов Павел Тимофеевич. Постоянное ядро ОШБ, кроме командира и комиссара, состояло из заместителя комбата (по строевой части), офицеров штаба и политаппарата, командиров и политруков трех стрелковых рот и роты противотанковых ружей, командиров взводов, нескольких интендантов, военврача и военфельдшера. Помимо офицеров, в ротах на постоянной основе служили шесть сержантов и красноармейцев (писарь-каптенармус, санинструктор и четыре санитар-носильщика). Только из нештрафников состоял взвод снабжения и предусмотренный штатом позднее комендантский взвод. На 15 августа 1942 г. в

1-м ШБ Сталинградского фронта числились 95 военнослужащих постоянного состава (из них 29 сверх шта-та до особого распоряжения).

Это были проверенные боями люди. Командира и военного комиссара ОШБ подбирал и утверждал Военный совет фронта. Комбату и штабу разрешалось подыскивать подходящих командиров рот и взводов в Отдельном полку резерва офицерского состава (ОПРОС) и отчислять тех, кто надежд не оправдывал. Командир 8-го ОШБ этим правом пользовался. «За попытку уклонения от командировки к передовой линии фронта, — читаем в одном из приказов, — командира стрелковой роты капитана Юхту Ивана Даниловича от занимаемой должности отстраняю, направляю в отдел кадров фронта и ходатайствую перед Военным советом о снижении его в звании до лейтенанта». Было откомандировано и несколько командиров взводов. Трудности службы в ОШБ, необходимость разделять все опасности со штрафниками офицерам постоянного состава компенсировали возможностью получить звание на ступень выше штатной категории и льготной выслугой: сутки числили за шесть.

С первых дней августа в батальон, формировавшийся в селе Самофаловка (ныне Дубовского района Волгоградской области. — *Примечание А. Мороза*), начали поступать бойцы-переменники, то есть разжалованные в рядовые вчерашние офицеры. Из них последовательно — до заполнения — комплектовались стрелковые роты и рота ПТР. Батальон между тем, покинув Самофаловку, перемещался по хуторам Терновка, Попов, Ширяевский. За всю войну он, как и другие штрафные части, ни разу в крупном населенном пункте не размещался. И ни одного крупного населенного пункта не освобождал, всякий раз решая вспомогательные задачи, хотя и самые опасные.

Документация штрафбата велась образцово. 19 авгу-

ста 1942 г. был отправлен в госпиталь раненым первый боец-переменник, старший лейтенант. В тот же день при налете немецкой авиации на станцию Котлубань осколок сразил командира 1-й стрелковой роты капитана Спиридона Черного. Его похоронили в Самофаловке на сельском кладбище. Первое взыскание, строгий арест гвардии майор Григорьев, пользовавшийся дисциплинарной властью командира дивизии, объявил двум бойцам-переменникам (старшим лейтенантам) за то, что для обустройства батальона те похитили в соседнем колхозе стройматериалы. Первой в батальоне удостоилась благодарности начальник санитарной службы военврач 3-го ранга Родина (инициалы установить не удалось). Под обстрелом противника она оказала первую помощь раненому начфину и вынесла его вместе с батальонными ценностями.

Первую боевую задачу комбат Григорьев и военком Лавренюк получили из штаба фронта 2 октября 1942 г.: сформировать маршевую роту численностью 116 человек, передать ей батальонный обоз — 6 лошадей и 3 повозки, вооружить 2 станковыми и 12 ручными пулеметами, 36 автоматами ППШ и 60 винтовками и отправить по маршруту Терновка—Ширяевский—Б. Ивановка—Лозное в распоряжение командующего 24-й армией генерал-майора И.В. Галанина. К исходу 3 октября сосредоточиться в селе Садки. Деталими хочется передать дух боевых распоряжений фронтового времени, их конкретику. Первые серьезные потери ОШБ понес в районе высоты 108,4, что у села Котлубань. Там, как сказано в приказе, проявив отвагу и мужество, погибли смертью храбрых 19 бойцов-переменников и один командир взвода, 28 бойцов-переменников получили ранения. Все погибшие были захоронены на южных скатах той же высоты. 3 ноября 1942 г. гвардии майора Григорьева на посту командира 1-го ОШБ сменил гвардии майор Бурков Дмитрий Ермолаевич. Чем объ-

яснялась смена? Штрафбат использовался, как тогда выражались, «дробно» и боевые задачи полным составом решал редко. От него в распоряжение армий, корпусов и дивизий обычно выделялись роты. Командиры рот и взводов получали хорошую боевую практику, тактически росли. Комбат же со штабом и политаппаратом больше занимался обучением и воспитанием, подготовкой маршевых подразделений, контролем за их использованием и как организатор боя мог деградировать. Этим и обуславливалась периодическая смена.

25 ноября 1942 г. распоряжением начальника Главного оргштатного управления Главного упрформа Красной армии № орг. /2/78950 штрафным батальонам всех фронтов были присвоены номера. 1-й ОШБ Донского фронта получил номер 8 и под ним воевал до победы. Что же представлял собой переменный состав штрафбата? С 1 августа по 30 декабря 1942 г. в ОШБ Сталинградского (Донского) фронта с петлицами рядовых воевали бывший начальник штаба дивизии, начальник штаба танковой бригады, начальник политотдела стрелковой бригады, военные комиссары дивизии, танковой и стрелковой бригад, 12 командиров полков и 5 командиров батальонов, 40 командиров рот и батарей, 26 политруков, 81 командир взвода. Через 1-й (8-й) ОШБ за пять месяцев прошли начальник госпиталя, начальник склада НКО СССР вместе с военкомом этого же склада, райвоенком, начальник военторга, ответственный секретарь бюро ВЛКСМ, начальник клуба, секретарь военного трибунала, оперуполномоченный особого отдела НКВД, военфельдшер.

Пришлось стоять в обороне, ходить в атаки в рядах штрафников 4 командирам авиазвеньев, 2 штурманам эскадрильи, 8 авиатехникам, 2 бортмеханикам. Справедливости ради следует отметить, что некоторые из штрафников-офицеров имели в петлицах «угольники».

Комбат своим приказом производил их в сержанты и назначал командирами отделений.

Как жилось штрафникам под Сталинградом? Как и всей армии в те дни, неимоверно тяжело. Распорядком дня, утвержденным еще гвардии майором Григорьевым, предусматривалось 10 часов занятий, а вот ужин в распорядке не значился. Горячую пищу с 15 августа по 27 ноября готовили только на завтрак и обед. И что за пищу! Военврач 3-го ранга Родина доносила по команде: половина муки непригодна для выпечки хлеба, соли нет, картофеля последние двадцать дней — тоже. Из овощей в наличии лишь соленые огурцы и помидоры. Витаминные продукты не поступали со дня основания батальона. 30 и 31 декабря 1942 г. все блюда на завтрак и обед готовились из пшеничной муки. А ведь дни были предновогодними, вроде праздничными, да и противник, вспомним, к тому времени уже находился в капкане. Читаешь полное горечи донесение батальонного врача и еще полнее ощущаешь величие подвига наших соотечественников под Сталинградом. До трети бойцов и офицеров оставались в строю больными, вели бои, как сказано в документе, с проявлениями туляремии, болями в желудке, метеоризмом (вздутием живота), с высокой температурой. Они вынесли все. Выстояли и победили.

Под Сталинградом было много реабилитированных досрочно — за мужество в бою. Но и восстановленных в званиях посмертно — тоже. С 1 августа по 30 декабря 1942 г. в 8-м ОШБ из 177 человек, направленных туда по приказу «о трусости» и 154 — по суду, 71 был убит и 138 получили ранения. Реабилитация часто, но не всегда обставлялась определенной торжественностью. Объявлялся перед строем приказ войскам, представители штаба и политуправления фронта возвращали восстановленным в правах ордена и медали, а позднее вручали и полевые погоны с прежними знаками различия.

Выдавались на руки предписания: одним — убыть в свою часть, другим — в отдельный полк резерва офицерского состава, третьим (по особому указанию) — в отдел кадров округа.

Справка. Приказы о восстановлении в правах офицерского состава и воинских званиях составлялись отдельно по погибшим, раненым, освобождаемым досрочно за подвиги на поля боя, полностью отбывшим срок. Приказы были развернутыми, с биографическими данными офицеров и их краткой характеристикой. Вот для примера выписка из приказа № 0988 по войскам 1-го Белорусского фронта от 11 июня 1944 г.: «Бывший командир пулэроты 4-го стрелкового полка 10-й запасной стрелковой бригады капитан Хохлов Михаил Сергеевич, 1913 года рождения, уроженец Башкирской АССР, г. Уфа, ул. Таботская, д. 41. Русский, служащий, беспартийный, образование: общее — 8 классов, военное — пехотное училище в 1938 году, в Красной армии с 1934 года. В батальон прибыл 7.4.44 г. сроком на 2 месяца по приговору военного трибунала 10-й эсбр, осужден по ст. 193-3 (за самовольное оставление поля сражения во время боя. — А.М.) сроком на 8 лет ИТЛ. За время пребывания в батальоне показал себя смелым и решительным бойцом. 13.6.1944 г., участвуя в разведке, действовал энергично и смело. Получил слепое ранение в область поясицы с повреждением правой почечной капсулы, госпитализирован».

Всего этим приказом были реабилитированы 20 штрафников-офицеров. В летописи 8-го ОШБ зафиксирован случай, когда только что реабилитированного офицера — старшего лейтенанта Николая Буравникова — по его просьбе оставили командиром взвода во 2-й роте штрафбата. 10 мая 1943 г., когда 8-й ОШБ был уже далеко от волжских берегов, гвардии майор Бурков передал полномочия командира батальона подполковнику Осипову Аркадию Александровичу. На Курской

дуге батальон понес очень большие потери. В разных боях — оборонительных и наступательных — в общей сложности погибли 143 человека и 375 получили ранения. За каждой из этих цифр конкретное имя, реабилитационный материал, судьба. Однажды в 8-м ОШБ крупно ошиблись: донесли, что в роте, которая действовала в отрыве от батальона, четыре бойца-переменника погибли и захоронены в братской могиле, а один пропал без вести. Спустя три месяца выяснилось, что все они попали в плен, сумели бежать и вернулись из-за линии фронта. В делах батальона по этому поводу вшит приказ по фронту, отпечатанный типографским способом: за ослабление контроля, предоставление непроверенных данных начштаба 8-го ОШБ майор Носач В.А. переводился адъютантом старшим обычного стрелкового батальона в 240-й стрелковый полк, а подполковнику Осипову А.А. объявлялось предупреждение. Приказ, согласитесь, более-менее щадящий: ведь фронтом командовал К.К. Рокоссовский. Вскоре он присвоил Осипову звание полковника.

Где-то приходилось читать, что в штрафники, к счастью, не направляли женщин. В действительности не миловали и их. Вот выписка из приказа: «В период наступательных боев в районе деревни Соковнинка (ныне Конышевского района Курской области. — А.М.) бывший боец переменного состава Лукьянчикова Пелагея Ивановна, исполняя должность санитары стрелковой роты, самопожертвенно презирая смерть, оказывала помощь раненым непосредственно на поле боя. В период боев с 15 по 24 июля ею вынесено 47 раненых бойцов с их оружием. Отмечая героизм, изъятый товарищем Лукьянчиковой, объявляю ей благодарность и представляю к правительственной награде». Получила ли Пелагея Ивановна заслуженную награду, и какую именно, неизвестно. У штрафников особенно ценилась медаль «За отвагу». Слова на серебряном

кружке вызывающе противостояли приказу «о трусости». (Медики, надо отметить, в 8-м ОШБ всегда были геройскими. В марте 1944 г. в 1-й роте батальона бойцом-переменником воевал разжалованный в рядовые военврач Степан Бузун. Был ранен, представлен к ордену. А весной сорок пятого, уже на германской земле, кавалер ордена Красной Звезды капитан медицинской службы Бузун вернулся в батальон врачом. Степана Петровича, своего доктора, в ОШБ уважали и за стойкость, умение достойно переносить невзгоды, от которых на фронте никто не застрахован.)

Приказом НКО СССР № 413 от 21 августа 1943 г. командирам полков действующей армии и командирам дивизий в военных округах и на недействующих фронтах разрешалось своей властью направлять в штрафные роты солдат и сержантов за самовольные отлучки, дезертирство, неисполнение приказа и некоторые другие воинские преступления, если обычных мер дисциплинарного воздействия было недостаточно. Офицерского состава этот приказ не касался. Офицера по-прежнему мог направлять в штрафбат командир дивизии, равный или более высокий начальник только за нарушение дисциплины по трусости или неустойчивости. То есть за преступное поведение (действие или бездействие) на поле боя. При всех других преступлениях судьбу виновного определял военный трибунал. Если суд выносил приговор с отсрочкой его исполнения до окончания боевых действий и направлением осужденного для искупления вины на передовую линию фронта, те же командиры своими приказами и направляли лишенного звания офицера в ОШБ на срок от одного до трех месяцев.

По мере очищения от врага оккупированных территорий набирал силу новый источник пополнения штрафных частей. Это были военнопленные, оставшиеся в живых и освобожденные, а также окруженцы,

отставшие ранее от войск. Отношение к этим людям определялось приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 г. Если приказ № 227 «Ни шагу назад» был эмоциональным, суровым, жестким, но продиктованным необходимостью, обстановкой, духовно мобилизующим, то более ранний приказ № 270 — жестоким и во многом несправедливым. Но приказы в армии не обсуждают, не хвалят и не осуждают, их исполняют. Всех побывавших в плену и в окружении противника проверяла комиссия Военного совета фронта. На 1-м Белорусском она состояла из председательствующего — представителя политуправления фронта и двух членов — старшего оперуполномоченного контрразведки Смерш при 29-м Отдельном полку резерва офицерского состава и заместителя командира этого полка по политчасти. Выводы комиссия излагала в протоколе. После утверждения протокола на титульном листе командующим фронтом и членом Военного совета он обретал силу приказа. Так, например, по протоколу № 61 от 16 мая 1944 г. в 8-й ОШБ были направлены 52 человека. Многие в списке вызывают сочувствие. Читаем: «Жданов Петр Григорьевич — воентехник, начальник оружейной мастерской 77-го стрелкового полка 10-й дивизии НКВД, 1911 года рождения, уроженец города Быхов Могилевской области, белорус, рабочий, кандидат в члены ВКП(б) с 1939 года, красноармейскую книжку уничтожил, образование: общее — 10 классов, военное — курсы оружейных техников в 1938 году. В Красной армии с 1933-го по 1934-й, и с 1939 года, имеет 2 ранения. 3.08.1941 года попал в окружение с группой из 30 человек в районе деревни Подвысокое и был ранен. Дойдя до Первомайска, затем до Николаева, повернул назад в свой город. В Быхов прибыл 20.10.41 года и жил до 4.10.43, занимаясь сельским хозяйством. 4.10.43 года вступил в партизанский отряд № 152 11-й

бригады, где был командиром взвода до соединения с частями Красной армии 24.02.44 г., после чего направлен в 58-й армейский запасный стрелковый полк. Никаких документов, подтверждающих правдивость изложенного, нет. Жданова П.Г. направить в штрафной батальон сроком на 1 месяц». В окружение попадают не по своей воле. Если и есть у дважды раненного воентехника Жданова, у партизана Жданова вина, то он, несомненно, мог искупить ее на передовой в составе обычной, не штрафной части. Как и многие другие из его побратимов по трагической судьбе.

Полковник Аркадий Осипов был из тех командиров, кого за глаза называют «батей». В том числе в штрафбате. Об этом есть литературные свидетельства. Уже в Белоруссии в состав батальона отобрали в ОПРОС (Отдельный полк резерва офицерского состава. — *Сост.*) выпускника Дальневосточного пехотного училища лейтенанта Александра Пыльцына. Позднее он стал командиром роты, майором, кавалером трех орденов. При форсировании Одера был тяжело ранен, а спустя годы и годы издал в Санкт-Петербурге (хотя живет на Украине) небольшим тиражом книгу «Штрафной удар». В этих воспоминаниях Осипову посвящено немало теплых слов. Приводится, в частности, такой эпизод. Когда 8-й ОШБ находился в распоряжении командующего 3-й армией генерал-лейтенанта А.В. Горбатова, Осипов предложил командарму вместо разведки боем, дела весьма кровавого, добыть «языка». Горбатов согласился. Ночью комбат переправил за реку к противнику группу штрафников, которые искусно замаскировались у самой кромки воды. Сам же развернул на своем берегу «строительство»: одни почти на виду тесали бревна топорами, другие в глубине леса стучали по стволам деревьев пехотными лопатами. Противник не выдержал, выслал в следующую ночь разведку. Ее уб-

рали без выстрелов, ножами, а офицера и двух солдат приволокли мокрыми в штаб 3-й армии.

При освобождении Рогачева, родного для Осипова города, комбат по приказу командарма только одному ему известными тропами вывел ОШБ в тыл противника, организовал засады и развернул дерзкие диверсии на коммуникациях. Тогда огнем из засады уничтожили даже генерала. Александр Пыльцын не преувеличивает: я видел в донесении батальона об итогах боя, пленных и трофеях колонку «генералы» с горделивой единичкой. 1 августа 1944 г. полковник Осипов сдал 8-й ОШБ подполковнику Батурину Николаю Никитовичу. С ним штрафники пошли дальше на запад, за пределы своего Отечества. Батальон, которому под Сталинградом полагались два грузовичка «ГАЗ-АА» и шесть обозных лошадей с тремя повозками, стал уже довольно оснащенным хозяйством. Заместитель начальника отдела кадров 1-го Белорусского фронта гвардии полковник А. Евдокимов однажды потребовал срочно донести, откуда в батальоне легковой «додж 3/4», 8 грузовых автомобилей и 4 верховые лошади. Подполковник Батурин с достоинством ответил: грузовики получены в 106-м автобате на основании решения Военного совета фронта, легковушкой ОШБ одарил генерал-лейтенант К.Ф. Телегин, а лошадей ровно столько, сколько предусмотрено штатом, — 49. Почему обозные подменены верховыми, комбат деликатно умолчал: он начинал службу в кавалерии, носил, нарушая форму, кубанку и был непревзойденным наездником. Между прочим, в 8-м ОШБ с апреля по ноябрь 1943 г. состоял на вооружении легкий танк «Т-60». Штрафники-танкисты обнаружили его подбитым где-то под Севском, вернули к жизни и использовали для разведки. Хотя Батурина недолюбливали — сыпал взысканиями направо и налево, — батальон и при нем решал боевые задачи успешно. Многие из командиров рот и взводов были награж-

дены, в том числе орденами Красного Знамени, Александра Невского, Богдана Хмельницкого III степени.

За Одером ОШБ размещали только в деревнях: Штайнвер, Нойенхаген, Рульдсдорф, Левенберг, Вустерхаузен, а более-менее обосновался он в Брюхенмюле. Приказом командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Советского Союза Г.К. Жукова № 0394 от 7 мая 1945 г. весь переменный состав 8-го ОШБ был восстановлен в правах офицерского состава и воинских званиях. Вчерашние штрафники группами разъезжались по своим частям, найти которые было непросто. А в батальон вплоть до 20 июля 1945 г. прибывали те из проштрафившихся, кого конец войны застал на пути в ОШБ. Их, подготовив соответствующие документы, из батальона тут же отчисляли в соответствии с приказом командующего фронтом № 0467 от 10 июня 1945 г. Последний приказ по 8-му отдельному штрафному батальону Группы советских оккупационных войск в Германии датирован 7 августа 1945 г. Вот он: «Я, командир ОШБ подполковник Батурин Николай Никитович, с сего числа убываю в распоряжение ОК ГСОВГ для дальнейшего прохождения службы, а для сдачи в архив дел оставляю начальника штаба майора Киселева Филиппа Андреевича. Основание: отношение ОК ГСОВГ № 02255 от 27 июля 1945 г.» Филипп Андреевич Киселев дела в архив сдал. После войны он стал генералом и долгие годы трудился в Главном управлении кадров заместителем начальника одного из управлений. Его, как и большинства из упомянутых в этих заметках, среди живых уже нет.

Пусть в нашей армии никогда больше не будет штрафных батальонов. Знать же правду о них нелишнее. Прошлое многому учит на расстоянии. И без крови.

Красная Звезда. 2006 г. 15, 16, 17 июня.

ШТРАФНАЯ РОТА

Напомним, что приказом НКО СССР № 227 от 28 июля 1942 г. предусматривалось формирование двух видов штрафных частей: штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлялись средние и старшие командиры и соответствующие политработники, провинившиеся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда за те же провинности направлялись рядовые бойцы и младшие командиры. При направлении в штрафбат офицеры, а в штрафную роту — сержанты подлежали разжалованию в рядовые.

Штрафбаты были частями фронтового подчинения (от одного до трех в составе фронта), а штрафные роты — армейского (от пяти до десяти на армию в зависимости от обстановки).

Формирование штрафных батальонов и рот началось уже в августе 1942 г. 28 сентября этого года приказом НКО СССР № 298, подписанным Г.К. Жуковым, были объявлены положения о штрафном батальоне и штрафной роте.

Что же предусмотрено Положением о штрафной роте? Сказано, что организация, численный и боевой состав, а также оклады содержания постоянному составу штрафных рот определяются особым штатом. Штрафная

рота распоряжением Военного совета армии придается стрелковому полку либо дивизии, бригаде, на участок которых поставлена.

В постоянный состав рот приказом по армии направлялись волевые и наиболее отличившиеся в боях командиры и политработники. Командир и военный комиссар штрафной роты по отношению к штрафникам пользовались властью командира и военкома дивизии. Срок выслуги в званиях для офицеров штрафной роты сокращался вдвое, а денежное содержание вдвое увеличивалось. При назначении пенсии месяц службы в штрафной роте засчитывался за шесть.

Никогда за всю войну — подчеркнем это с самого начала — не было и не могло быть случая, чтобы штрафной ротой либо взводом в ее составе командовал штрафник.

Штрафники назывались переменным составом роты, и из них Положение разрешало назначать только командиров отделений с присвоением звания ефрейтора, младшего сержанта и сержанта.

Штрафные части — не наше изобретение, о чем справедливо сказано в приказе НКО СССР № 227. Немцы бросали штрафные формирования в бой уже в первые недели войны на советско-германском фронте. Причем для штрафников срок пребывания в батальоне заранее не устанавливался, хотя возможность реабилитации тоже не исключалась. В дневнике небезызвестного Франца Гальдера штрафники упоминаются уже 9 июля 1941 г. Начальник организационного отдела ОКХ генерал-майор Вальтер Буле в тот день назвал организацию штрафных частей очень хорошей и полезной идеей. Одни штрафные батальоны немцы в 1941 г. применяли в боях на Востоке, другие — в работах по разминированию на Западе. В сентябре 1941 г., когда 16-я немецкая армия в районе Ладожского озера по-

терпела неудачу и 8-я танковая дивизия была с потерями отброшена, гитлеровцы направили в бой все, чем располагали, а на самом опасном участке — штрафной батальон. Об этом тоже сказано в дневнике Гальдера.

На войне, видимо, мысль о штрафных формированиях подсказывает сама жизнь. Стоит ли совершившего уголовное либо воинское преступление изымать из боевых порядков, чтобы отправить с приговором в более безопасные места? В штрафной же роте вину можно искупить без судимости, без потери чести.

Итак, 8 августа 1942 г., еще до получения приказа с положением, в 57-й армии начали формировать штрафную роту. Сначала только одну — 1-ю. Приказом Военного совета № 0398 ее командиром был назначен лейтенант П.П. Назаревич, имевший полугодовой опыт участия в боях. Его заместителем был назначен младший лейтенант Н.М. Батурин, тоже испытанный огнем. Штатом роты, кроме командира и его заместителя, предусматривались должности трех командиров взводов, трех их заместителей по строевой части, заведующего делопроизводством — казначея и фельдшера в офицерском звании.

Предусматривался и внушительный состав политработников: военный комиссар, агитатор роты и три взводных политрука. Политработники начали поступать в 1-ю отдельную штрафную роту в октябре, после восстановления в Красной армии единоначалия — уже не военными комиссарами и политруками, а заместителями командиров по политчасти. Первый замполит роты Григорий Бочаров имел еще старое звание политрук (вскоре он убыл в 90-ю отдельную танковую бригаду капитаном). Все заместители командиров взводов по политчасти были лейтенантами: А. Степин, И. Корюкин и Н. Сафронов. Лейтенанта М. Милорадовича назначили агитатором роты.

Фельдшером роты с 25 октября 1942 г. стал Василий Ключев, которому почему-то долго пришлось носить уже отмененное звание военфельдшера.

Как видим, постоянный состав роты включал 15 офицеров. Шестнадцатый был прикомандированным, хотя и состоял в ней на всех видах довольствия. Сначала это был уполномоченный особого отдела НКВД, а с апреля 1943 г. — оперуполномоченный отдела контрразведки Смерш — структуры Наркомата обороны.

В ходе войны офицерский состав штрафной роты сократился до 8 человек. Из политработников остался один агитатор.

В 1-й штрафной роте, как и в любой другой, было и небольшое постоянное ядро из рядовых и младших командиров: старшина роты, писарь — каптенармус, санитар-инструктор и три взводных санитаря, водитель грузовика «ГАЗ-АА», два конюха (ездовых) и два повара. Они относились скорее к численному, чем к боевому составу, хотя и выносили с поля боя раненых, доставляли на позиции питание и боеприпасы. Если все офицеры роты были молодыми, без довоенного опыта командной службы, то красноармейцы и младшие командиры постоянного состава представляли старший возраст мобилизованных. Скажем, старшина роты Дмитрий Евдокимов, кавалер ордена Красной Звезды, во время войны отметил свое 50-летие.

Но вернемся в 1942 г. 57-я армия с 6 августа вела тяжелые оборонительные бои в составе Юго-Восточного (с 30 сентября Сталинградского) фронта, срывая попытки противника прорваться к Сталинграду с юга. Боевое крещение 1-я штрафная рота, еще не полностью укомплектованная постоянным составом, приняла 9 октября 1942 г. в 23.00. Командир 15-й гвардейской стрелковой дивизии, в распоряжении которого находилась рота, приказал ей после артиллерийско-

минометной подготовки сбить посты боевого охранения противника на высоте 146,0, левее ее — в трех окопах и выйти к пруду, на южной окраине которого располагался ангар, и там круговой обороной удерживать рубеж до подхода главных сил.

В ротах боевые приказы отдают устно. Но свой первый приказ на бой лейтенант П. Назаревич оформил письменно. Рота делилась на три штурмовые группы. Впрочем, углубляться в тактику не станем. Отметим, что свою первую боевую задачу штрафрота решила. В том бою погибли два штрафника: командир отделения сержант В.С. Федякин и красноармеец Я.Т. Таночка. Смертью героя пал и командир взвода, возглавлявший штурмовую группу, нацеленную на высоту 146,0, лейтенант Николай Харин. Погибших похоронили у того самого ангара, который до боя числился за противником. 15 человек получили в первом бою ранения.

Рота между тем пополнялась как штрафниками, так и постоянным составом. Лейтенант Назаревич принимал не всех. Направленную в роту санинструктором красноармейца Марию Гречаную он вернул в 44-й гвардейский стрелковый полк как не подходящую под штат штрафной роты. Позже, уже в 1943 г., другой командир роты не принял на должность фельдшера лейтенанта медслужбы А.А. Виноградову, а в конце войны в армейский запасной полк без объяснения причин вернули девушку-повара, предпочтя прежних поваров-мужчин. А вот в штрафных батальонах и в постоянном, и в переменном составе женщины все же встречались.

На оборонительном этапе Сталинградской битвы рота несла относительно небольшие потери. Этому, видимо, есть объяснение: в оборону штрафников ставили редко, приберегали для активных действий — наступления, разведки боем. 1 ноября 1942 г. из 1-й штрафной в обычные части была отправлена первая группа

штрафников, полностью отбывших в роте предписанный приказом срок, из семи человек. Причем Н.Ф. Виноградов и Е.Н. Коновалов были восстановлены в званиях сержантов.

Тем временем в 57-й армии была сформирована еще одна штрафная рота — 2-я отдельная. Роты, можно сказать, держали между собой связь: иногда обменивались, пополняя перед боем друг друга, переменным составом, выручали при передислокации гужевым транспортом.

19 ноября 1942 г. наши войска перешли под Сталинградом в контрнаступление. Но 57-я армия в это время участвовала в окружении и блокировании вражеских войск в самом Сталинграде, а их ликвидация началась позже. 1-я штрафная рота, располагавшаяся в районе Татьяна, Шпалзавод, какое-то время переменного состава не имела. 21 ноября ей присвоили новый номер — 60-я (2-я штрафрота 57-й армии стала 61-й) и в сжатые сроки довели до боевого состава. Только из 54-й штрафной роты, дислоцированной в далеком от фронта Ташкенте, прислали сразу 156 человек, из Уфы — 80, с пересыльного пункта армии — 20. Рота по составу даже вышла за обычные для нее численные рамки.

Разгоревшиеся в развалинах Сталинграда бои были кровопролитными. 10 января 1943 г. в штурмовых атаках погибли командиры взводов лейтенанты А.Н. Шипунов, П.А. Жук, А.Г. Безуглович, получили ранения командир роты старший лейтенант П.П. Назаревич, агитатор роты лейтенант М.Н. Милорадович, заместители командиров взводов младшие лейтенанты З.А. Тимошенко, И.А. Леонтьев. В тот же день погибли или получили ранения, искупив вину жизнью и кровью, 122 штрафника.

Старшего лейтенанта Назаревича, эвакуированного через дивизионный медсанбат в госпиталь, на коман-

дирском посту заменил его заместитель по политчасти лейтенант Иван Смелов. Он исполнял командирские обязанности до окончания боев в городе. Очень тяжелых боев — с 23 по 30 января 1943 г. рота потеряла ранеными и погибшими еще 139 человек.

Штрафные роты почти никогда не располагались в населенных пунктах. Если в приказе по роте указано место дислокации, значит, штрафников в ней нет, лишь постоянный состав. По окончании Сталинградской битвы 60-я штрафная уже только постоянным составом дислоцировалась в с. Татьяна, затем в д. Заплавное.

А вот приказ от 20 мая 1943 г. привязан уже к весьма удаленному от Сталинграда Ржеву. Дело в том, что в феврале 1943 г. 57-ю армию вывели в резерв Ставки ВГК, ее войска передали другим армиям, а полевое управление переименовали в полевое управление 68-й армии. Частичкой этого управления и стал переброшенный в Ржев постоянный, вплоть до поваров, состав 60-й штрафной роты. Тут лейтенант И.Т. Смелов вернулся к исполнению обязанностей заместителя командира роты по политчасти, а командиром стал лейтенант Михаил Дьяков.

Наверное, кому-то из читателей перечисление стольких имен покажется лишним. Но не пожалеем для них газетной строки. Ведь тех, кто командовал штрафными частями, постоянно служил в их составе, в дни войны, да и после Победы по известным причинам упоминали в печати редко. Между тем они осознанно и без всякой вины разделяли со штрафниками все опасности и риски особого положения. Больше того. Штрафник, получив даже легкое ранение, отправлялся как искупивший вину в прежнюю, более спокойную часть. Офицеров же постоянного состава это не касалось: излечившись после ранения, они возвращались в роту на прежнюю должность и, бывало, через месяц-другой погибали.

Именно так было с командирами взводов лейтенантами Михаилом Комковым, Иваном Данилиным, старшим лейтенантом Семеном Иванушкиным. Судьба их горька: ранение — госпиталь — возвращение в роту и гибель в очередном бою.

В Ржеве 60-я отдельная штрафная рота не имела переменного состава с 20 мая по 14 июня 1943 г. 15 июня с пересыльного пункта армии прибыли 5 первых штрафников. Затем небольшими группами стали поступать проштрафившиеся из 159, 192, 199-й стрелковых дивизий, из 3-й штурмовой инженерно-саперной бригады, 968-го отдельного батальона связи и других частей армии.

26 августа 1943 г. старшего лейтенанта М. Дьякова на посту командира 60-й штрафной роты сменил старший лейтенант Денис Белим. Роту использовали для боя в последний день Ельнинско-Дорогобужской наступательной операции 7 сентября. Наступая в районе сел Суглица и Юшково, рота потеряла убитыми и ранеными 42 человека. Пал в бою и только что назначенный командиром старший лейтенант Белим. 10 человек, проявивших у Юшкова особое мужество, были досрочно откомандированы в 159-ю стрелковую дивизию, а двое — в 3-ю инженерно-саперную бригаду.

7 сентября, в день того памятного боя, роту принял капитан Иван Дедаев. Уже под его командованием штрафники освобождали от врага деревню Боброво, потеряв убитыми еще 28 и ранеными 78 человек.

В начале ноября 1943 г. 68-ю армию расформировали, и 60-я штрафная рота была передана в состав прославившейся еще при обороне Москвы 5-й армии. При сохранении прежнего постоянного ядра ее переформировали в 128-ю отдельную армейскую штрафную роту.

Перед новым, 1943, годом, 31 декабря, капитан И.М. Дедаев передал роту старшему лейтенанту Алек-

сандру Королеву. В новогоднюю ночь едва успевшего осмотреться ротного ждала неприятность: пост заградотряда 5-й армии, с которым штрафники столкнулись впервые, задержал вне расположения роты 9 красноармейцев переменного состава и, как поступал всегда, сопроводил их для разбирательства в 203-й армейский запасный стрелковый полк.

Почти во всех фильмах, посвященных штрафникам, авторы сценариев и режиссеры на каком-то этапе сводят их с заградотрядом. Причем заградотрядчики красуются чуть ли не в парадной форме, в фуражках другого ведомства с синим верхом, с новенькими ППШ и непременно со станковым пулеметом. Они демонстративно занимают позицию за спинами штрафников, чтобы огнем не допустить их отступления в случае неудачной атаки. Это вымысел.

Еще до приказа НКО СССР № 227, в первые месяцы войны командиры и политработники по своей инициативе начали создавать подразделения, призванные и способные своей решительностью, а то и участием в том же бою остановить отступающих, образумить, вновь сплотить в команду, организованную и управляемую группу. Они, эти подразделения, узаконенные еще в сентябре 1941 г. Верховным Командованием, и стали прообразом заградительных отрядов.

Позднее, когда в армиях по приказу № 227 сформировали заградотряды как отдельные воинские части, подчиненные Военному совету, похожие по задачам подразделения в дивизиях стали называть заградительными батальонами. Они в зависимости от обстановки на фронтах то упразднялись, то возрождались. Если переданная в состав дивизии штрафная рота, дрогнув в бою, и могла столкнуться при отступлении, бегстве с каким-то заграждением, то именно с этим батальоном. Синих фуражек в нем никто не имел и не

носил. Те же ушанки, ватники, те же пилотки, что у штрафников.

Ни один красноармеец переменного состава 1, 60, 128-й штрафной роты от огня своих не погиб. И над его головой никто никогда для острастки не стрелял. Заградотрядчики как представители внутриармейской структуры сами были изрядно обожены огнем и знали: в бою случается всякое, человек есть человек, и перед лицом смертельной опасности его важно поддержать примером хладнокровия и стойкости. Потери в заградотрядах любой принадлежности тоже были серьезными.

10 января 1944 г., спустя чуть больше недели после назначения командиром роты, старший лейтенант Королев и командир взвода лейтенант А.Х. Тетяник были ранены в бою. Вместе с ними получили ранения 93 штрафника, 35 погибли.

Уже который по счету командир роты лейтенант Александр Миронов был ранен через две недели. В февральских боях под Гжатском — с 4 по 10-е — 128-я штрафная рота потеряла практически весь переменный состав: 54 человека погибли, 193 попали в медсанбаты и госпиталь с ранениями. В те дни роту принял старший лейтенант Василий Буссов. Раненого 28 февраля Буссова сменил старший лейтенант И.Я. Корнеев. Получив ранение 20 марта, он уступил командирский пост старшему лейтенанту В.А. Агееву. Агеева увезли в медсанбат дивизии 10 апреля. В тот же день роту возглавил старший лейтенант К.П. Соловьев...

Только перечень имен. А разве за ним не ощущается напряжение боев? Разве не рождает он мыслей о том, что штрафникам действительно поручали самые трудные и самые опасные задачи, как это и предписывалось приказом НКО СССР № 227?

Перед Смоленской наступательной операцией отдел кадров армии отозвал старшего лейтенанта Конс-

тантина Соловьева в свое распоряжение. 128-ю штрафную роту принял гвардии капитан Иван Матета. Под его командованием штрафники вели бои у сел Поднижье, Старина, Обухово. Потери были сравнительно небольшими. А вот уже в Литве, в районе Каунаса, где рота в числе многих других частей прорывала оборону противника, успех был оплачен кровью в полной мере: 29 павших и 54 раненых. Спустя пять дней в бою за Запашки и Сервиды рота понесла новые потери: 20 убитых, 24 раненых.

18 августа 1944 г. 128-я штрафная рота с определенной торжественностью отправила в 346-й стрелковый полк сразу 97 красноармейцев и сержантов, отбывших срок наказания. И приняла из 203-го АЗСП (армейский запасный стрелковый полк. — *Сост.*) уже без торжеств ровно 100 новых штрафников.

Пожалуй, самое время сказать: а кто же они, штрафники? Те, кто проявил трусость, неустойчивость в бою, уже составляли их меньшую часть. Приказом НКО СССР № 413 от 21 августа 1943 г. командирам полков действующей армии и командирам дивизий в военных округах и на недействующих фронтах было разрешено своей властью направлять в штрафные роты самовольщиков, дезертиров, тех, кто проявлял неисполнительность, промотал имущество, грубо нарушил правила караульной службы.

На три месяца в 128-ю штрафную роту угодил, к примеру, курсант военной авиационной школы летчиков, проучившийся уже более года и все это время обворовывавший подразделение и сослуживцев. В приказе начальника школы сказано, что он, как показало дознание, похищал часы, утепленные куртки, шинели, гимнастерки, продавал все это, а вырученные деньги проигрывал в карты.

Неиссякаемым потоком в штрафные роты направ-

лялись те, кто при отступлении Красной армии в первые недели и месяцы войны дезертировал и осел на оккупированной противником территории, а также частично — освобожденные из вражеского плена.

Если отставший от армии при сомнительных обстоятельствах не предпринимал попыток выхода к своим, но и с оккупационными властями не сотрудничал, то он направлялся в штрафную роту на один месяц. Служившие при немцах старостами, полицаями получали два месяца. А служившие в немецкой армии или в так называемой Российской освободительной армии (РОА), у предателя Власова — три. Судьбу их определяли в армейском запасном стрелковом полку в соответствии с приказом НКО.

Был случай, когда после соответствующей проверки в 128-ю отдельную штрафную роту направили сразу 94 бывших власовца. Отвоевали они, как и все иные категории проштрафившихся: кто-то искупил вину кровью, кто-то — смертью, а кому повезло — полным отбывтием срока. Освобожденные досрочно из такого контингента мне не встречались.

Крайне редко в штрафные роты попадали осужденные из мест лишения свободы. 128-я рота принимала таких лишь однажды — 17 человек, присланных через дальневосточные военкоматы. Удивляться этому не приходится. Еще в 1941 г. указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля, 10 августа и 24 ноября из мест лишения свободы в войска были направлены более 750 тысяч человек, совершивших перед войной нетяжкие преступления и годных к службе. В начале 1942 г. были освобождены для армии еще 157 тысяч человек. Все они воевали в составе обычных частей, штрафных еще не было. И если какая-то доля этих людей, как убеждают архивы, позднее в штрафники попала, то уже за деяния на фронте.

Совершивших тяжкие преступления, и в их числе так называемые контрреволюционные, направлять в армию запрещалось. К ним нельзя было применять предусмотренную УК РСФСР от 1926 г. отсрочку исполнения приговора до окончания боевых действий.

Видимо, в единичных случаях, в результате каких-то судебных ошибок отдельные лица, осужденные за бандитизм, разбой, грабежи, воры-рецидивисты в штрафные роты все же попадали. Иначе чем объяснить приказ № 004/0073/006/23 от 26 января 1944 г., подписанный заместителем наркома обороны СССР А.М. Василевским, наркомом внутренних дел СССР Л.П. Берией, наркомом юстиции СССР Н.М. Рычковым и прокурором СССР К.П. Горшениным, который обязывал судебные органы и органы формирования и укомплектования войск такие случаи полностью исключить.

Никто из осужденных, разумеется, не мог быть направлен в штрафную часть в добровольном порядке.

Конечно, некоторые красноармейцы, угодившие в штрафники, вызывают сочувствие. В 128-й штрафной роте, к примеру, отбывал месячное наказание молодой уже боец, во время дежурства которого пропала пара обозных лошадей. Недоглядел...

Случались в весьма динамичной жизни роты и казусы, затрагивающие судьбы людей. В 203-м АЗСП по ошибке включили в одну из групп штрафников красноармейца Бабаева Курбандурды, за которым никаких проступков не числилось. Направили влогонку предписание с разъяснением. Командир роты решил все же оставить бойца в роте, переведя его в постоянный состав на вакантное место санитаря.

Как-то ошиблись и в самой роте, представив Военному совету армии к досрочному освобождению одного из штрафников как получившего ранение. А в полку уполномоченный ОКР Смерш этого ранения не обна-

ружил и через командира вернул бойца отбывать положенное до конца.

В штрафной роте взаимоотношения регламентировались общевоинскими уставами Красной армии. Рядовые бойцы переменного состава обращались к непосредственному начальнику — командиру отделения, такому же штрафнику, со словом «товарищ» и в случае нерадивости могли получить от него взыскание. Товарищем, а не «гражданином», как это показано в одном из телефильмов, называли они и командира — офицера.

Командир штрафной роты в полном объеме использовал дисциплинарные права комдива. Бывало, наказывал провинившихся взводных домашним арестом. Не забывал поощрять за старание. Старшине роты, к примеру, в связи с его пятидесятилетием в самый разгар боев был предоставлен отпуск с выездом на родину сроком на 45 суток. С волнением воспринимаются первомайские приказы по роте, в которых усердие многих штрафников отмечалось благодарностью.

Штрафная рота, как часть армейского подчинения, подчас лучше линейных рот оснащалась оружием, обеспечивалась продовольствием и фуражом.

Войну с фашистской Германией 128-я штрафная рота завершала в Восточной Пруссии. Бои там были ожесточенными. В одном из них — за местечко Плиссен — одной пулеметной очередью были сражены командир роты майор Рамазан Темиров, уроженец Северо-Осетинской АССР, и агитатор роты капитан Павел Смирнягин, единственный на тот момент ротный политработник, призванный из Новосибирской области. Они с воинскими почестями были погребены юго-западнее Плиссена на местном кладбище.

Последние потери в Прибалтике рота понесла 14 апреля 1945 г. у д. Кобнайтен: 8 погибших и 56 раненых.

А дальше 5-я армия под командованием Н.И. Кры-

лова, будущего маршала Советского Союза, и в ее составе 128-я штрафная рота отправились на Дальний Восток — бить японцев. Никаких потерь в Харбинско-Гиринской наступательной операции рота не понесла, если не считать заболевшего еще в пути и оставленного на станции Милино Красноярской железной дороги трофейного мерина по кличке Орлик. В Приморье штрафрота располагалась в окрестностях райцентра Черниговка, затем — в Гродекове Спасского района. Там ротой командовал старший лейтенант С.А. Кудрявцев, потом — старший лейтенант В.И. Брыков.

О том, что в штрафных частях народец собирался лихой, непредсказуемый в поведении, склонный к эксцессам, свидетельствует такой факт: уже немногочисленные, завершающие пребывание в 128-й штрафной роте бойцы-переменники успели-таки учинить какой-то дебош в Гродекове. Четверо были задержаны местной милицией и попали под следствие. Старший лейтенант В. Брыков был вынужден одним из своих последних приказов исключить их из списков роты и снять со всех видов довольствия. Вот в этой связи и думаешь: если вина подсудимых будет установлена, искупить ее по-фронтовому, без судимости уже не удастся. Штрафные роты как искупительный институт уходили в историю.

Василию Ивановичу Брыкову и было суждено на основании директивы штаба 5-й армии за № 0238 от 28 октября 1945 г. роту расформировать. Последними ее оставили уже упоминавшийся в этих заметках старший лейтенант медицинской службы Василий Ключев (только он, фельдшер, ветеран части, к тому времени имел право называть себя сталинградцем) и завделопроизводством — казначей старший лейтенант интендантской службы Филипп Нестеров. Архив и ротную печать у Нестерова, между прочим, приняли лишь

после того, как он из собственного кармана возместил стоимость каким-то образом утерянной фуражной тары.

Если же говорить о серьезном, то с августа 1942 г. по октябрь 1945 г. через 1, 60, 128-ю штрафную роту, документация которой составляет одно архивное дело, прошли 3348 штрафников. 796 из них погибли за Родину, 1929 получили ранения, 117 были освобождены по истечении установленного приказом срока, а 457 — досрочно. И только совсем небольшая часть, около 1 процента, отстала на маршах, дезертировала, попала к противнику в плен, пропала без вести.

Всего в роте в разное время служили 62 офицера. Из них 16 погибли, 17 получили ранения (трое из раненых были позднее убиты). Многие удостоились наград. Орденом Отечественной войны I степени были отмечены капитан И. Матета, старший лейтенант Л. Любченко, лейтенанты Т. Болдырев, А. Лобов, А. Макарьев; Отечественной войны II степени — старший лейтенант И. Данилин, лейтенанты А. Макарьев, И. Морозов; Красной Звезды — старший лейтенант И. Данилин, капитан И. Лев, старшие лейтенанты Л. Любченко, П. Ананьев (оперуполномоченный ОКР Смерш при 128-й роте), младший лейтенант И. Морозов, капитаны Р. Темиров и П. Смирнягин. Как видим, некоторые офицеры награждались орденами не раз.

Орден Красной Звезды, Славы III степени, медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги» удостоились также 43 красноармейца и сержанта переменного состава. Награждали штрафников не очень щедро, но все же награждали.

В числе тех немногих, кто вернулся в родной полк из штрафной роты с наградой, были красноармейцы Петр Земкин (или Зенкин), Виктор Рогуленко, Артем Таджуманов, Михаил Галуза, Илья Дранишев. Посмерт-

но были удостоены орденов пулеметчик Петр Логванев, автоматчик Василий Сердюк.

И последнее. Штрафные роты представляли собой отдельные воинские части со всеми присущими им атрибутами, обособленные войсковые хозяйства. Благодаря этому статусу все они вошли в Перечень № 33 стрелковых частей и подразделений (отдельных батальонов, рот и отрядов) действующей армии, составленный Генеральным штабом после войны. Рота, о которой речь, числится в нем многократно: как 1-я отдельная штрафная рота 57-й армии (1942 г.), как 60-я отдельная штрафная рота (1942—1943 гг.) и, наконец, как 128-я отдельная штрафная рота 5-й армии (1943—1945 гг.). В действительности это была одна и та же рота. Менялись лишь номер, печать, подчиненность и полевой адрес.

Таким вот сложился основанный на документах рассказ об одной из штрафных рот, которая мало чем отличалась от других штрафных частей, созданных в соответствии с памятным всем фронтовикам приказом наркома обороны СССР № 227 «Ни шагу назад!». Может, не для каждого читателя он интересен, но любому, думается, позволит мысленно сравнить прочитанное с тем, что в художественной форме ему предлагали принять на веру вызвавшие в обществе дискуссии телесериалы.

Красная Звезда. 2007. 11—17 апреля.

МОШЕННИК ИЗ ШТРАФБАТА

Штрафной батальон. Штрафбат. Даже по своему звучанию — страшное слово. Их всегда кидали в самое пекло... Сейчас их осталось очень немного. И у каждого о своем штрафбате остались свои воспоминания. У кого — трофейный штык, у кого — справка об освобождении, у кого — страшный синюшный шрам под лопаткой. У Ивана Петровича Горина — офицерская шинель, которую он, вопреки уставу, сшил на заказ у польского портного в Познани и за которую несколько раз отсидел на «губе». Но так и не обменял ее, фартовую, идеально подогнанную, на простую солдатскую.

Нет, фамилия Мошеннику досталась, конечно, неправильная. Ну какой он Горин? Скорее — Счастливец. Сколько раз ему представлялась возможность загнуться, но каждый раз везло. Пережить голодуху тридцатых, сталинские лагеря и штрафную роту — на это нужен особый талант. Талант везения. И он у него, несомненно, был.

Впрочем, был у него и другой талант. Мошенник умел рисовать. Когда не надо было думать о жратве, садился где-нибудь с обрывком бумаги и часами чертил портреты своих детдомовских голоштанников. Или шел в поле и писал пейзажи. В такие минуты он забывал обо всем, и ничто его уже не тревожило. И клику-

ха-то поначалу у него была — Художник. Мошенником-то он уже потом стал.

Вот этот-то талант в нем и заметил однажды Учитель. Подошел на рынке, где Мошенник пытался толкнуть свои репродукции с шишкинских «медведей» (они почему-то особенно хорошо шли), постоял, посмотрел. Да и взял к себе в мастерскую.

Этот поворотный момент был, пожалуй, главным везением в его жизни. Не будь Учителя, плюнул бы когда-нибудь Мошенник на искусство, связался бы с блатарями окончательно, да и сгинул бы в лагерях. Но Учитель вытащил его из стаи, принял как сына. Стал обучать. Показал, как накладывать краски, подчеркнуть игру света и тени, чтобы плоское лицо вдруг ожило на холсте, чтобы проступили в нем глубина и содержание, чтобы характер стал понятен людям. Мошенник старался. Работал как черт.

И образовалась вдруг вроде как семья у Мошенника. Вдвоем с Учителем — уже не бродяжка, в семье, при ком-то.

Какое-то время жили вместе. Писали иконы, репродукции — все тех же «Медведей» и «Охотников». Тем и кормились. Люди покупали, и стало уже казаться Мошеннику, что устроился он в жизни окончательно. Нашел свое место.

А потом вдруг началась война. Учителя забрали на фронт. Вернулся он через полгода с простреленным легким и чахоточным румянцем. Он и до войны-то особым здоровьем не отличался, а тут совсем доходягой стал. Открылось кровохарканье, которое никак не проходило с голодухи. Тогда-то Мошенник и начал подделывать хлебные карточки и менять их на еду. На хлеб. Если в день удавалось заработать полбуханки — хорошо.

Вот с этими-то карточками зимой 44-го его и повязали. Как выследили — непонятно. Тетки на базаре уж

как его карточки в руках ни крутили, чуть ли не на зуб пробовали — ни разу никто в подлинности не усомнился. А вот нате, пожалуйста, пришли вечером двое, постучали в окошко: «Пошли». И пошли. Просто, буднично, обычно, как на прогулке — двое энкавэдэшников и он посередине. Как пацан со старшими братьями...

Пробыл Мошенник в СИЗО недолго. Быстрое следствие, суд, приговор. Впаяли ему за эти карточки с учетом прошлой, оставшейся еще от бесшабашной детдомовской юности судимости пять лет лагерей. Опять повезло. Статья уголовная, пять лет по тем временам — и не срок вовсе (запросто могли бы к стенке поставить по закону военного времени), а самое главное — во враги народа не записали.

— В Ковровской пересылке я попросил заменить мне срок штрафным батальоном, — вспоминает сейчас Иван Петрович. — Политическим оружия не давали — не доверяли, но я шел за мошенничество, и мне заменили. И из Владимира отвезли в леса под городом. Там, за трехколючим рядом проволок, располагался запасной штрафной батальон. Довольно большой. И вот из всей моей штрафной биографии этот запасной штрафбат под Владимиром был самым страшным...

Шел 44-й год, война близилась к концу, а ему надо было еще успеть погасить судимость. И стал он проситься на фронт.

— Долго не хотели отпускать, потом я уже стал настаивать — собственно, так и война кончится, и мне придется ехать в эти лагеря и отсиживать там пять лет?! С какой, спрашивается, стати? В конце концов отпустили. В то, что меня убьют, я не верил. А оправдание у меня было очень простое — я тогда был еще совсем мальчик. Я, прошу прощения, не попробовал еще ни одной девочки. Поэтому меня не должны были убить. Ранить только. Но ранить уж обязательно.

Весной 44-го осужденный Горин был зачислен в штат 62-й отдельной штрафной роты и убыл на фронт искупать вину кровью...

Вся штрафная война свелась для Мошенника к одной-единственной атаке, когда его рота вошла в прорыв, в гибельный мешок, с задачей расширить коридор между двумя немецкими частями.

— Привезли нас на передовую. Было часов пять утра. Впервые накормили досыта. Рванину сменили новыми полушубками, выдали по полному вещмешку патронов. Даже водки налили. Оружия только не дали. Артиллерию и авиацию применять не разрешили. Приказ был — брать живой силой. Хотели сохранить подземные заводы, которых там у немцев много было понастроено.

Перед самой атакой вооружили «живую силу», брошенную на укрепрайон, карабинами. Ни пулеметов, ни автоматов не дали. И — вперед. Без огневой поддержки, без артподготовки, на «ура».

— Вошли мы в этот прорыв. Ну это, доложу я вам... Тебя поливают огнем и справа, и слева, и сверху, и спереди. А назад — останавливают свои, заградотряд. Меня часто спрашивают — боялись их? А не думали. Просто не думали. Потому что не собирались отступать. И меня всегда удивляло: штрафники, уголовники — и хоть бы кто удрал! Не было этого. Не было.

За два часа рота прошла расстояние «довольно большое, где-то метров сто — двести». Потом огонь усилился до невозможности. Укрепрайон немцы обороняли совместно с власовцами, а тем сдаваться было нельзя, и они дрались до последнего.

Смерть, казавшаяся наиболее логичным завершением той гиблой атаки, обошла Мошенника стороной, оставив в числе тех, кто выжил. Тех, кто искупил. Один из десяти. Тридцать два из трехсот шестидесяти. Все раненые. Не раненых — никого. Роты больше не было.

В тыл Мошеннику пришлось добираться самому. Дошел до единственного уцелевшего дома, который стоял прямо посреди поля. Оказалось — медсанбат.

— Захожу, а места в доме уже нет. И сплошь лежат одни мертвецы. Ну и меня положили среди мертвых, куда ж деваться-то.

Живых в этом доме было всего несколько человек — группа артиллеристов, которые пили в подвале трофейный спирт. Они-то и позвали к себе раненого парнишку.

— Спустился к ним. Напились, и я заснул. Утром, чуть только начался рассвет, типичный такой звук снаряда на излете. И-и! И пробивает стену этого дома, разрывается на полу. Разбросало всех раненых, поубивало, покалечило. А за ночь много ребятишек на этот дом выползли. Я из подвала выхожу — а в доме фарш. Артиллеристы остались целы. И я с ними. Обратно повезло.

Как добрался до полевого госпиталя, Иван Петрович уже не помнит. К тому моменту он уже умирал. От потери крови постоянно проваливался в беспамятство. Хирург вытащил его карточку первой, выкрикнул имя. Он услышал, захрипел: «Я-я-я»... Если бы в очереди на операцию он оказался хотя бы вторым, уже не дотянул бы.

Свою вину перед Родиной Горин искупил дважды. Буквально через несколько секунд после того, как в тело над левой лопаткой вошел осколок, руку разорвало пулей. Рука срослась, а пробитое легкое могло свободно дышать только на даче, где нет городского смога.

Мы сидели на террасе. На коленях у Ивана Петровича была старая, прожженная, дырявая шинель, которую он латал защитного цвета нитками. На столе — трубка. Несмотря на ранение, курить он так и не бросил.

— Небо-то, смотрите, какое красивое, — говорил Иван Петрович. Затем продолжил: — Подельник мой, Колька Rogozin, с которым вместе шли по делу и вместе оказались в штрафбате, погиб в первые же секунды

боя. Только сделали первый шаг, пуля угодила ему прямо посередке лба. Он даже и почувствовать ничего не успел. И вот я жалею, что знаю, где он погиб, как погиб, а матери его не сообщил...

Когда я уже уходил, меня остановил зять Ивана Петровича:

— Он ничего вам не сказал о своем втором ранении? Он проговорился об этом один-единственный раз. Вторая пуля, которая попала ему в руку, — она прилетела сзади, со спины. Он уверен, что ребята специально его подстрелили. Они считали, что Мошенник обязательно должен был выжить. Потому что он был не такой, как все. Стихи им читал, Шекспира. Чистый мальчик был, светлый. Ребята знали, что он хотел стать художником.

Он стал не просто художником. Жизнь он прожил так, словно выплачивал кредит своим ребятам-штрафникам за этот выстрел. Заслуженному деятелю искусств, кандидату искусствоведения Ивану Петровичу Горину удалось создать уникальный институт — НИИ реставрации, бессменным руководителем которого он проработал до 1993 года. Реставрировал Бородинскую панораму и знаменитую «Даная». Работал в Болгарии, Чехии, Беларуси, Камбодже, Вьетнаме. Последняя работа — реставрация памятника Минину и Пожарскому. Его картины выставлены в Русском музее, Дрезденской галерее, Музее современного искусства Амстердама, частных коллекциях Франции, Германии, Англии, США, Мексики, Индии.

Он был бесребреником и вольнодумцем. Укрывал фонд Солженицына. За связи с диссидентами заработал 20 выговоров по партийной линии, но так и не был смещен с должности — заменить его было попросту некем...

ВЫСОТА ЗАОЗЕРНАЯ

...Полк Н.Н. Балынина (469-й стрелковый полк. — *Сост.*) занимал участок вдоль северной части озера, там, где Ученое суживалось, превращаясь в короткую и неширокую протоку, соединявшую его с озером Хвойно. На другой стороне вдоль протоки возвышалась довольно крутая, поросшая кустарником и редким лесом высота с отметкой 228,4. Господствуя над окружающей местностью, она представляла огромную тактическую ценность.

— Наши называют ее высотой Заозерной, не любит народ приметные места безымянными оставлять, — говорил Балынин. — Укреплена она здорово. Видите, три ряда траншей.

Мы находились на батальонном наблюдательном пункте, хорошо замаскированном, имеющем широкий обзор. Припав к стереотрубе, я просматривал лесистый, сильно укрепленный врагом склон.

— Обзор оттуда в нашу сторону километров на десять, — продолжал Балынин. — Немцы, говорят, называют ее «высота Глаз». Чувствуют они себя здесь очень спокойно. Считают, видимо, позицию свою неприступной. Активности не проявляют. Вчера за весь день ни одного выстрела не сделали.

Я смотрел на возвышенность и не мог оторвать от нее глаз: до чего же хорошая позиция! Захватить ее — и

мы будем контролировать местность, простирающуюся далеко на запад. Но осуществимо ли это? И если осуществимо, то какой ценой? Не окажется ли победа пирровой? Единственно, на что мы могли делать ставку, — это на внезапность. Словом, обо всем этом надо было крепко подумать. И не одному, а сообща. Тут же я обратился к командиру полка:

— Товарищ Балынин, прошу вас поразмыслить над возможностью захвата Заозерной. Поработайте вместе с Коротенко. Денька через два доложите мне свои соображения.

В блокноте пометил: «Сегодня вечером дать задание начальнику разведки дивизии майору Коротенко, чтобы он подготовил необходимые разведданные».

Следующие дни и я, и офицеры штаба находились в полках. С утра до вечера в перелесках звучали команды, гремели выстрелы и взрывы гранат. Подразделения учились всем видам боя. Специальные тренировки проводились по преодолению вброд мелких водных преград. С наступлением темноты отрабатывались боевые действия в ночных условиях. Занятия планировались так, чтобы не переутомлять бойцов, дать им выспаться, отдохнуть.

Через два дня Балынин доложил мне свой план штурма Заозерной. На третий день я приказал офицерам штаба дивизии, командирам полков и дивизионов собраться, чтобы на местности оценить возможности захвата высоты. Ранним утром 12 июня небольшими группами мы двинулись по заросшей, чуть заметной тропинке. Солнечные лучи почти не пробивали смыкавшуюся над нами листву. Открытые участки обходили или перебежали, прячась за кусты. По-видимому, маскировка была достаточно тщательной. Во всяком случае, неприятель не заметил нашего передвижения.

Тропинка привела нас к траншее. По ней мы добра-

лись до укрытия, из которого хорошо были видны восточные скаты Заозерной. В бинокли начали разглядывать высоту.

Когда все подтянулись, я сказал Коротенко:

— Докладывайте.

— С этой точки виден передний край противника от протоки до опушки леса, — начал Иван Константинович. — Оборона здесь создавалась в течение двух—двух с половиной месяцев. Сейчас она состоит из двух позиций, а каждая позиция — из двух-трех траншей. Траншеи соединены между собой ходами сообщения. Ходы тянутся за высоту, в тыл. В некоторых местах имеются проволочные заграждения. Вон там минные поля. Особенно сильно укреплены подступы к высоте перед протокой. — Открыв планшетку и заглянув в карту, Коротенко продолжал: — Ширина водной преграды — от двадцати пяти до пятидесяти метров. Глубина — полтора-два метра. Все это пространство простреливается фланговым пулеметным огнем из поселка Хвойно. Кроме того, подходы к воде пристреляны артиллерией. На западных скатах, по данным нашей разведки, сосредоточено до двух артдивизионов. Занимают высоту части пятнадцатой латышской дивизии СС. С нее фашисты просматривают расположение наших войск на восемь километров в глубину, а в некоторых местах — на двенадцать. Участок этот самый спокойный. Неприятель здесь не предпринимал даже разведывательных вылазок. Видимо, считает, что и с нашей стороны невозможны какие-либо действия. Однако на ночь траншеи занимаются полностью. Перед ними выставляется сильное боевое охранение и секреты. В восемь утра подразделения отводятся на отдых в укрытия по западному склону. На месте остаются только дежурные пулеметчики и наблюдатели. С восьми до девяти — завтрак. Потом отдых. Часть солдат загорает. Ме-

жду двенадцатью и тринадцатью — смена наблюдателей и пулеметчиков. В пятнадцать — обед. Наиболее удобное для атаки время — девять утра, — закончил доклад Коротенко.

Было ясно, что в принципе атака высоты может иметь успех, если к ней хорошо подготовиться и провести внезапно.

Обменявшись мнениями, мы решили, что для овладения высотой достаточно стрелкового батальона, танкового взвода, батареи орудий сопровождения и батареи для прикрытия переправы. На поддержку требовалось два артиллерийских дивизиона и дивизион «катюш». Еще два стрелковых батальона следовало выделить для закрепления на высоте и развития успеха.

Время на подготовку я распределил так: два дня — на рекогносцировку и изучение противника; три — на тренировку подразделений и один — на мытье в бане и отдых. Траншеи приказал приблизить к берегу, чтобы атака была стремительнее и неожиданнее для неприятеля. В ночь перед боем стрелковые роты, станковые пулеметы и орудия прямой наводки должны были занять положение в первой и второй траншеях.

Начало движения стрелковых рот намечалось на 9 часов, одновременно с открытием артиллерийского огня. Оставалось лишь выбрать день. Ориентировались мы на 22 июня. Ориентировались — потому, что все наши намерения могли обрести силу лишь после утверждения их командованием корпуса. Ведь то, что нами затевалось, выходило за рамки мелкой боевой стычки и не должно было идти вразрез с более широкими и общими планами вышестоящего командования.

К вечеру я вернулся в штаб. Там меня поджидал Офштейн. Он подготовил расписание тренировок. Место для них было выбрано у высоты 218,2, там, где река

Великая с юга вытекает из озера Ученое. Место подходящее: все там точь-в-точь как у Заозерной.

Выслушав нашего главного штабиста — должность начальника штаба все еще не была занята, — я принялся звонить командиру корпуса. Переверткин сказал, что сам прибудет в дивизию, чтобы детальнее познакомиться с замыслом намечаемой вылазки, на месте изучить обстановку.

Он приехал к нам на следующее утро. Побывав у высоты и выслушав мой доклад, Семен Никифорович утвердил наш план.

Началась подготовка подразделений к штурму высоты. Переверткин пообещал придать нам танки и выделить две штрафные роты для форсирования протоки и начала штурма высоты. И верно, через двое суток в штаб дивизии позвонили, что обе роты направляются к нам. Взяв нескольких сопровождающих, я отправился их встретить.

Когда мы спешили на лужайке, там уже были выстроены обе роты. Их командиры — капитан Николай Зиновьевич Королев и старший лейтенант Григорий Сергеевич Решетняк — представились. Оба выглядели молодцами. Да это и естественно. Командовать штрафными ротами посылали, как правило, лучших офицеров. Каждому из них вверялось по 250 человек, осужденных военными трибуналами. Задачи перед штрафниками ставились самые трудные. Воевали там «до первой крови». Но часто первое ранение оказывалось и последним.

Я поздоровался с бойцами, назвал им себя, выразил уверенность, что и в штрафной роте они остались советскими людьми, заслуживающими доверия. Когда строй был распущен, солдаты окружили меня. Начался непринужденный разговор. Внимание мое обратил на себя молодой, стройный боец с умным, интеллигент-

ным лицом. Выделялся он и той выправкой, подтянутостью, которая отличает человека, не случайного на военной службе.

— Как ваша фамилия? — поинтересовался я.

— Рядовой Мельников.

— Кем был до штрафной?

— Курсантом авиационного училища. Осужден за два месяца до выпуска.

— За что?

Он помялся. Потом негромко произнес:

— За незаконное хранение фотоаппарата...

Я не стал вдаваться в подробности — бывает и такое. А командиру роты сказал:

— Вот подходящая кандидатура на должность командира взвода.

— Так точно, — согласился тот, — я его имею в виду.

20 июня у нас состоялась генеральная репетиция предстоящего боя. Все получилось хорошо. Саперы подготовили переносные рогатки — ежи, противотанковые и противопехотные мины, удлиненные заряды — специальные подрывные приспособления для проделывания проходов в проволочных заграждениях, сборный мост для переправы через протоку, маскировочные заборы, которые ставились по берегу озера Хвойно, прикрывая нас от вражеских глаз с северо-западного направления. На следующий день бойцам был предоставлен отдых.

Утро 22 июня занялось бледно-розовой зарей, в разноголосом гомоне и щебетанье птиц. Бойцы, с вечера занявшие исходное положение для атаки, встретили рассвет в траншеях. Одни, свернувшись калачиком на теплой земле, дремали; другие, может быть, последний раз в своей жизни, о чем-то беседовали.

Я ночевал на наблюдательном пункте. Он размещался в блиндажах, отрытых на мысочке, вдававшемся

в Хвойно. Отсюда в бинокль хорошо были видны наши траншеи, протока и обращенный к нам склон Заозерной.

На НП находилась вся наша оперативная группа: полковник Н.Е. Воронин, подполковник И.А. Офштейн, майор И.К. Коротенко, командующий артиллерией полковник А.В. Максимов и другие офицеры штаба дивизии.

Солнце вставало быстро, сдергивая с озер легкий полог тумана. Тишина не нарушалась ничем. Противник, судя по всему, не раскрыл наших приготовлений.

Томительно тянулось время, приближаясь к назначенному сроку. Я мысленно проверял себя: не забыл ли отдать какое-нибудь распоряжение? Неожиданно раздался телефонный звонок. Командир штрафной роты старший лейтенант Решетняк доложил, что неприятельские солдаты ушли на обратный склон высоты отдыхать. В первой траншее остались только наблюдатели и кое-где дежурные пулеметчики. Все шло по плану. Это меня радовало и лишний раз убеждало, что время для атаки выбрано правильно. Позвонил командир другой роты — капитан Королев. Он сообщил о том же.

Когда маленькая жирная стрелка часов добралась до цифры «9», а тонкая и длинная уткнулась в «12», тишина раскололась грохотом и воем. Дымными языками пламени черкнули небо «катюши». Обращенный к нам склон Заозерной весь покрылся фонтанами земли, клубами пыли и дыма.

Встав на ступеньку, сделанную под амбразурой, я прильнул к стереотрубе. Было видно, как наши бойцы готовятся к броску вперед. Шквал артиллерийского огня не утихал. Под его прикрытием саперы начали разминировать минное поле, продельвать, подрывая удлиненные заряды, широкие проходы в проволочных заграждениях.

Вскоре дивизионный инженер майор Иван Федорович Орехов позвонил: проходы готовы.

Через несколько минут «катюши» дали второй залп, а над нашим НП взвилась стая красных сигнальных ракет. Из траншеи чуть слышно донеслось:

— В атаку!

— Вперед, за мной!

— За Родину, за Сталина!

Обе роты поднялись одновременно. Бойцы проскочили протоку вброд без остановки. Артиллерия перенесла огонь на вторую неприятельскую траншею. Орудия прямой наводки били по флангам, в промежутки между боевыми порядками врага, по ожившим огневым точкам.

Довольно густая цепь солдат бежала вверх по полному склону. Вот бойцы стали бросать гранаты. Вспыхивает дружное «ура», и фигурки в защитных гимнастерках исчезают в траншее. «Молодцы!» — мысленно восхищаюсь я. Ведь с момента сигнала прошло всего одиннадцать минут. Разгорается рукопашный бой. Гитлеровцы не выдерживают, бегут. Наши солдаты устремляются в глубь вражеской обороны.

В стереотрубу мне видна рослая фигура Мельникова, во главе взвода преследующего фашистов. Это тот самый бывший курсант, на которого я обратил внимание, когда знакомился со штрафниками. Запомнился он мне и еще по одной встрече. Вчера вечером я, находясь в нашей первой траншее, наблюдал за тем, как роты занимают исходное положение для атаки. Был там и Мельников, уже в роли взводного.

Я невольно залюбовался молодым командиром. Спокойный, сдержанный, он толково поставил перед бойцами задачу, разъяснил им, как будет осуществляться взаимодействие внутри взвода и с соседями, распорядился о маскировке. Говорил он так, будто не раз во-

дил людей в бой. Его круглое, с пухлыми мальчишескими губами лицо было сосредоточенно и строго. Уверенность взводного передавалась солдатам, они охотно подчинялись ему. «Прирожденный командир», — подумалось мне.

Сегодня, как только в небо взвилась серия красных ракет, Мельников первым выскочил из окопа и преодолел брод, первым бежит теперь ко второй неприятельской траншее. Я слежу за ним, и мне хочется, чтобы он уцелел, остался жив.

Вот Мельников сорвал с пояса гранату, на ходу вставил в нее запал и, почти не пригибаясь, швырнул. Следом полетели гранаты бойцов взвода. «Ур-р-р-а-а!» — подразделение ворвалось в траншею. Я видел, как Мельников первым спрыгнул в нее. Потом потерял его из виду.

Бой шел по всему склону. Противник, застигнутый врасплох, не оказывал пока серьезного сопротивления. Небольшая наша группа вырвалась на гребень Заозерной с правого фланга. Оттуда застучал пулемет, и несколько человек упали. Враг начинал приходить в себя и кое-где давать отпор. Его сопротивление постепенно усиливалось. Однако атакующие продолжали довольно быстро продвигаться вперед. За стрелками следовали саперы. Они ставили рогатки, ежи, мины, прикрывая ими фланги. Особенно сильно укреплялся правый фланг, откуда ожидалась контратака фашистов.

Мне то и дело приходилось давать распоряжения Александру Васильевичу Максимову о переносе артиллерийского и минометного огня по тем участкам, где сопротивление гитлеровцев становилось особенно упорным.

— Вас к телефону, — передал мне трубку адъютант Анатолий Курбатов.

Из нее раздался бас:

— Докладывает капитан Королев. Захватил семнадцать человек пленных. Все из пятнадцатой дивизии СС. Что с ними делать?

— Направьте ко мне.

— Слушаюсь! Рота перевалила через гребень. Ведем бой на обратном скате. Противник вводит в бой мелкие подразделения с танками.

— Постарайтесь опрокинуть их.

Вскоре позвонил старший лейтенант Решетняк. Он тоже сообщил, что продвигается успешно, но уже имеет дело с организованным отпором. Я понимал, что гитлеровцы, оправившись от неожиданности, начинают вводить в бой главные силы, чтобы сначала остановить наступление, а потом перейти в контратаку и отбросить нас на исходный рубеж. Что ж, надеяться на это противник имел все основания. На его стороне были и выгодная позиция, и превосходство в численности. Ведь в наших стрелковых дивизиях при полном комплекте насчитывалось около 7 тысяч человек. У немцев же количество людей достигало 12 тысяч. Надо было срочно закрепиться. Только тогда у нас сохранялась перспектива удержать высоту 228,4.

Я распорядился всеми силами артиллерии и минометов подавить фланкирующие пулеметы и орудия прямой наводки, обработать огнем безымянные высоты, что расположились в полукилометре к западу и югу от Заозерной, не допустить контратак с правого фланга, ввести в бой 3-й батальон 674-го полка. А из-за Заозерной доносился все усиливающийся грохот боя.

Командир 674-го полка Алексей Иванович Пинчук и комбат Николай Федорович Брыльков были у меня на наблюдательном пункте. Я поставил им задачу, показал на местности ориентиры. Они сделали пометки у себя на картах, сверили свои часы с моими. Все было уточнено и согласовано. Попрощавшись, офицеры ушли.

Через два часа мы начали артиллерийский налет. Сотни снарядов летели над головами сражавшихся людей и тех, кто готовился вступить в сражение. Из укрытий выползли наши танки. Головная машина, подойдя к воде, замерла, потом медленно спустилась в протоку и рывком выскочила на противоположный берег. За ней, уже смелее, двинулись остальные. Набирая скорость, они устремлялись за высоту.

Следом за ними бросилась пехота. Бойцы повзводно перебежали сборный мост, наведенный саперами, и прижимались к танкам, стараясь не отстать от них. Начала поорудийно переправляться и артиллерия.

Только теперь, словно бы опомнившись, противник открыл огонь по занятым нами позициям на Заозерной, по переправе. Но было уже поздно. К этому моменту рота Решетняка атаковала вражеские подразделения, расположившиеся в лесу за высотой, а рота Королева прочно закрепилась на западных склонах Заозерной.

Вскоре гитлеровцы пошли в контратаку. Заговорили наши орудия прямой наводки, застучали пулеметы. Волна вражеской пехоты, будто натолкнувшись на стену, застыла на месте, потом отхлынула назад, оставив на поле боя множество убитых и раненых.

Наступило короткое затишье. Но ни у кого не оставалось сомнений насчет намерений врага: наверняка он не отдаст так легко Заозерную и еще предпримет не одну яростную контратаку. И люди готовились к отражению этих ударов. В ротах находилась большая часть офицеров политотдела — об этом позаботился Воронин. В такие вот, как сейчас, моменты политработники беспокоились о том, чтобы всем бойцам была ясна очередная задача, чтобы они знали общую обстановку. Агитаторы готовили листовки о подвигах своих товарищей. Буквально через несколько минут вся рота уже

знала имена тех, кто первым ворвался в траншею или первым перевалил через гребень высоты.

Телефонный звонок. Беру трубку.

— У телефона «Сто первый», — называю свой позывной.

— Доложите, как идут дела, — слышится голос Семена Никифоровича Переверткина.

— Высота полностью наша. Закрепляем фланги. Взяли около девяноста пленных. Противник контратаковал силами от роты до батальона с танками. У нас введен в бой батальон с танками и артиллерией. Контратаку отбили. Ожидаем атаку силой до полка с танками. Ночью хочу ввести еще один батальон для расширения плацдарма.

— Согласен. Надо получше укрепить фланги и подготавливать артиллерийский огонь.

— У меня все готово.

— Артиллерия корпуса обеспечит правый фланг. Прошу уточнить ваш передний край.

— Докладываю: брод, семьсот метров восточнее высоты двести одиннадцать, безымянная высота.

На Заозерной рвались редкие снаряды. Где-то на флангах вспыхивала и гасла перестрелка, — вероятно, там действовали ребята из разведроты капитана Тарасенко. Позади нашего НП слышались шаги и приглушенные голоса. Это шли к высоте батальоны 469-го стрелкового полка. Через протоку переправлялись орудия, предназначенные для установки на прямую наводку.

Я знал, что в это же время выводятся в резерв уцелевшие остатки рот Королева и Решетняка, что на флангах, особенно на правом, саперы ставят мины. Дивизия не спала. Она готовилась к дневному бою.

И он грянул, едва наступило утро. Сорок минут неприятельские снаряды и мины сыпались на Заозерную

и на переправу. Потом немцы нанесли удары по флангам с целью отрезать нас от протоки и уничтожить. На правый фланг с запада двигалось до двух полков, на левый с юго-запада — до батальона. Под прикрытием артиллерийского огня за танками, пригнувшись, шли солдаты. К встрече их все было готово.

Местность теперь была нашим союзником. На правом фланге стойко держался подошедший сюда ночью батальон майора Колтунова — тот самый, что успешно действовал на показательном учении.

На противника обрушили огонь орудия прямой наводки и пулеметы. Артиллеристы стреляли в таком темпе, что на стволах запекалась краска. Задымилось несколько танков. Первая цепь гитлеровцев была сметена. Вторая и третья — дрогнули, остановились и начали откатываться назад. Тут появились наши «тридцатьчетверки». Они били по вражеским танкам из пушек, давили фашистов гусеницами.

Жуткое зрелище представляло в этом месте поле. Еще недавно зеленое, теперь оно было словно вспаханное, буро-черным, с красными пятнами тут и там. Повсюду валялись трупы, кричали раненые.

Стоя на ступеньке перед амбразурой и глядя в стереотрубу на тот небольшой видимый отсюда участок, где только что отгремел бой, я вдруг услышал стон за своей спиной. Что за наваждение, уж не галлюцинация ли? Я обернулся назад и удивился. В блиндаже стоял, держась за сердце, незнакомый полковник.

— Сын, Женя, — невнятно произнес он. Человеку было плохо. Я немного успокоил его и спросил:

— Кто вы и как здесь оказались?

— Полковник Мельников, заместитель командующего по бронетанковым войскам сорок шестой армии Третьего Украинского фронта, — представился он. — Сын мой вчера погиб здесь. До этого старший — Вита-

лий, сгорел в воздухе. Он был летчиком. А теперь вот и младший, последний. Вы его не могли знать. Штрафником он был.

— Нет, почему же, я знал Мельникова из штрафной. Высокий, круглолицый, из училища. Он? Ну, вот видите, знал я вашего сына. Взводным предложил его назначить. Вчера видел в бою. Прекрасно держался. Как настоящий воин и командир. Взвод первым достиг гребня. А он все время был впереди взвода. Потом я потерял его из виду. Вы точно знаете, что он убит?

— Да, смотрел список потерь в вашем штабе. Спасибо за добрые слова о сыне. Он не был преступником. Дурацкий случай...

— Помнится, он говорил о каком-то фотоаппарате.

— Лучше не напоминайте. Это трофей. Я послал его домой для Жени. Из дому аппарат переслали в училище. Там эту штуку приказали сдать — рядовому не положено иметь при себе такие вещи. А он заупрямился: «Не сдам, это подарок отца». И вот не успел я оправиться после гибели Виталия, как получаю письмо из дому: Евгений в штрафной, воинская часть такая-то. Я выяснил, где это, и вылетел самолетом в штаб вашей армии. Сегодня утром добрался до вас, узнал, что рота в бою, и попросил список потерь. В нем нашел и имя Евгения...

— Чем могу вам помочь?

— Да чем же теперь... Впрочем, если можно... Я хотел бы взять на память что-нибудь из Жениных вещей...

— Конечно, конечно!

Я подозвал своего адъютанта и сделал нужные распоряжения. Мы простились с полковником Мельниковым.

Уже при свете фонаря мы принялись подводить итоги минувших боевых действий. Противник понес ощутимые потери. До двух тысяч солдат и около пятидесяти танков остались на поле боя. Количество плен-

ных приближалось к четырем сотням. И у нас полегло немало народу. Особенно велик был урон в штрафных ротах — из их состава мало кто уцелел. И все же общее число убитых и раненых у нас было раза в два-три меньше.

Дивизия овладела важными позициями. Теперь она «видела» дальше на 10—15 километров, могла более выгодно расположить артиллерию и особенно орудия прямой наводки, получила прекрасные исходные рубежи для наступления армии, которое вот-вот должно было начаться.

Шатилов В.М. Знамя над рейхстагом.

Издание 3-е, исправленное и дополненное.

М.: Воениздат, 1975. С. 24—41.

Я ЗНАЛ, ЧТО НУЖЕН

ЕСТЬ ДОЛГ!

Г.К. — Как война ворвалась в Ваш дом?

Е.Г. — Я родился в 1921 году в городе Витебске. Мой отец до революции был членом боевой организации партии эсеров-революционеров. После 1917 года он отошел от какой-либо политической деятельности, трудился простым служащим. Осенью 1937 года отца арестовали, и уже через неделю, после второго допроса, он был приговорен Особым Совещанием к расстрелу. Приговор привели в исполнение в январе 1938 года. Об этом я узнал совсем недавно. А тогда получили уведомление со стандартной фразой на бланке: «Осужден на 10 лет без права переписки». Так в одночасье из комсомольца-патриота я превратился в изгоя с клеймом: сын «врага народа».

Чтобы вы представили, насколько велики были масштабы репрессий, приведу простой пример. Из тридцати моих одноклассников у восьми был арестован один из родителей, а у Вани Сухова посадили и мать, и отца. Хорошо, что хоть нашу семью не выслали и меня даже не исключили из школы.

Окончил десятилетку и работал инструктором технической школы при Дворце пионеров. Пришел срок

призыва в армию, но меня не призвали, лишь зачислили в запас второй категории. Это означало, что даже в военное время мне нельзя давать в руки оружие. Я еще не осознал тогда полностью, что Советская власть мне не доверяет, и по своей наивности даже подал документы на поступление в Высшее Военно-Морское училище. Помню только, как военком грустно покачал головой, не говоря ни слова, принимая мое заявление. Одним словом, к началу войны все мои друзья служили в кадровой армии, а я работал и учился на первом курсе физмата Витебского пединститута. Когда объявили о начале войны, сразу явился в военкомат. Сказали: «Жди повестки, о тебе не забудем». Из студентов института сформировали истребительный батальон, вооружили старыми бельгийскими винтовками без штыков и послали на патрулирование улиц. Уже через неделю приказали сдать оружие, и наш батальон расформировали.

3 июля 1941 года услышали обращение Сталина к советскому народу, знаменитое: «Братья и сестры! Победа будет за нами!», — и впервые поняли всю серьезность нашего положения, почувствовали, что война будет долгой и тяжелой. Через город шли беженцы. Но никто не отдавал распоряжение об эвакуации. 8 июля привел на вокзал мать с маленькой сестренкой и братанвалида. На перроне стоял пассажирский поезд, оцепленный вооруженными красноармейцами, а в привокзальном сквере ожидали посадки на поезд семьи командиров Красной армии. Все эти семьи посадили в вагоны, никого другого к поезду не подпустили. Появился немолодой, незнакомый майор, взял наши вещи и сказал: «Идите за мной». Провел мимо охраны, открыл дверь тамбура и буквально затолкал моих родных внутрь. Последнее что он сказал: «Не покидайте поезд ни при каких обстоятельствах». Я не знаю имени этого благо-

родного человека, но ему моя семья обязана жизнью, он спас моих родных от неминуемой смерти. Мать до конца жизни каждый день молила Бога за этого человека.

Вернулся с вокзала, пошел платить за квартиру и электричество, сдал книги в библиотеку. Собрал дома какие-то пожитки и вновь пришел в военкомат. А там никого, все работники уже сбежали. Висит на стене сиротливо картина «Ворошилов и Горький в тире ЦДКА», да ветер гоняет ворохи бумаг. Пошел в штаб 27-й Омской Краснознаменной дивизии, стоявшей в Витебске. Пусто. А на следующий день немцы несколько раз бомбили город. Тогда я впервые увидел убитых женщин и детей, лежавших на городской мостовой. По всему городу полыхало зарево пожаров, а на другом берегу Двины через виадук входили немецкие танки. Гремели взрывы, подорвали мост и электростанцию. На центральных улицах зияли разбитые витрины продовольственных магазинов. Вдруг услышал цокот копыт. На бричках на городскую площадь въезжал крестьянский обоз. Мародеры. В своем большинстве женщины. На лицах смесь смущения и азарта.

Никакой обороны города не было. Только на одном из городских перекрестков я увидел пулемет «максим» и старшего лейтенанта, преподавателя военного дела в нашем институте. Он кричал: «Ничего! Сейчас мы этим гадам покажем!» Рядом с ним стоял молоденький красноармеец в необмявшемся еще новеньком обмундировании и смотрел на лейтенанта умоляющими глазами. С пулеметом против танков. До войны в Витебске проживало почти сто восемьдесят тысяч человек, а когда наши войска в 1944 году освободили город, в нем было совсем мало людей.

Г.К. — Как начинался Ваш армейский путь?

Е.Г. — Призвали меня 2-го мая 1942 года. Как я только переступил порог комнаты, где заседала при-

зывная комиссия, председатель, узрев в моем лице семитские черты, сразу начал спрашивать: «Студент? Какой факультет? Куда хочешь, в танки или в артиллерию?» В народе бытовало «мнение», что все евреи, как минимум, с десятилетним или высшим образованием. Не дожидаясь моих ответов, председатель комиссии вынес «вердикт»: «Пойдешь в танкисты!» С военкоматов требовали отправлять в части, где боевая деятельность связана с применением техники, только образованных людей. А их в то время в стране было не так уж и много. Например, в стрелковых полках крайне редко можно было встретить среди солдат и офицеров человека, окончившего ВУЗ до войны. Разве что полковой врач-еврей да инженер полка.

Отправили меня в Казань, в 24-й учебный запасной танковый полк. Готовили из меня стрелка-радиста. Занимались мы подготовкой к боевым действиям на танках «Валентайн». Все танки были выкрашены в грязно-желтый цвет, видимо, предназначались для боевых действий в пустыне. До сих пор с ненавистью вспоминаю танковый пулемет конструкции Брена. Этот пулемет весил килограммов двадцать, и при тренировках по покиданию танка я был обязан хватать с собой эту «дубину» и бежать с ней дальше, имитируя атаку в пешем строю.

За неделю до отправки на фронт подошел ко мне комиссар полка и заявляет: «Решили выбрать тебя комсоргом, через два часа митинг. Готовься выступить с обращением к бойцам». Честно говорю ему: «Мой отец осужден как «враг народа». Лицо комиссара побелело, он молча развернулся и ушел. В тот же день меня вызвали в строевую часть, зачитали приказ об отчислении из полка и дали направление в запасной стрелковый полк, дислоцировавшийся в поселке Суслонгер Марийской АССР.

Многие вспоминали это место с тоской и злобой.

Десятки длинных землянок, каждая на целую роту, двухэтажные нары, вместо постелей настилали лапник. Кругом дремучий лес. Обилие злых кусачих комаров. Народ в полку почти поголовно дикий и полуграмотный, призван из лесной и таежной глубинки. Вся боевая подготовка заключалась в маршировке на плацу с деревянными палками в руках! Винтовок не было! В день давали 600 граммов клейкой массы под названием «хлеб». Бланду в обед нальют — было видно дно эмалированной миски, так что, не пользуясь ложками, пили бланду через край миски. Подошел ко мне командир батальона, пожилой человек из «запасников». Предложил остаться в батальоне штатным писарем, обещал, что до конца войны в тылу вместе «прокантуемся». Я отказался и уже на девятый день пребывания в Суслонгере ушел с маршевой ротой на фронт.

Г.К. — На какой фронт Вы попали? Где приняли боевое крещение?

Е.Г. — Попал я под Сталинград, в донские степи. Фильм «Они сражались за Родину» помните? Тяжелая пора для всей страны и для нашей армии. Наш 594-й стрелковый полк 207-й стрелковой дивизии занимал оборону северо-западнее Сталинграда. Бои были настолько кровопролитными, что после недели пребывания на передовой я не верил, что еще жив и даже не ранен! Сделал «головокружительную карьеру», уже на третий день командовал отделением, в котором осталось четыре бойца вместе со мной. Остальные семь бойцов моего отделения выбыли из строя уже в первых боях. А еще через пару недель принял взвод, уже в сержантском звании. Иногда было так тяжело, что смерть казалась избавлением. И это не пустые слова.

Бомбили нас почти круглосуточно. Люди сходили с ума, не выдерживая дикого напряжения. Бомбежка по площадям. Мне за войну пришлось десятки раз бывать

под бомбежкой. На так называемом «Миусском фронте», на Самборских высотах, Матвеевом Кургане, Саур-Могиле, в Дмитровке, по ожесточению и упорству боев названной «малым Сталинградом», и еще много где. Но то, что довелось испытать в донских степях! Хуже нет кассетного бомбометания. Двухметровый цилиндр раскрывается, и десятки мелких бомб идут косяком на цель. Неба не видно. Если нет надежного укрытия или под бомбежку в поле попался — пиши пропало. Та бомба, что над тобой отделилась от самолета, — эту пронесет. А вот та, что с недолетом, — твоя. Истощенный вой летящих бомб. Визг становится нестерпимым. Лежишь и молишься: «Господи, если убьют, только бы сразу, чтоб без мучений».

Расскажу просто об одном боевом дне лета 1942 года. Занимали оборону возле разъезда № 564. На путях стоял эшелон сгоревших танков «Т-34». Никто не знал, какая трагедия здесь разыгралась и как погиб этот эшелон. Утром пошли в атаку при поддержке танков и — просто фантастика для 1942 года — при поддержке огня «катюш». Отбросили немцев на километр, дело дошло до штыковой атаки. Мне осколок попал в лицо, а я, в горячке боя, долго не мог понять, почему капает кровь на ложе моей винтовки.

Остатки роты отвели назад, в резерв командира полка. Наш танк намотал на гусеницы провод, и 2-й батальон полка остался без связи. Послали двух связистов, никто не вернулся. Командир полка Худолей приказывает мне: «Комсомол, личным примером, вперед!» Фамилию мою многие не могли выговорить, так прозвали меня «Комсомол», поскольку к тому времени я уже был комсоргом роты. Пополз к подбитому танку. Смотрю, оба связиста убитые лежат. Работа немецкого снайпера. Чуть приподнялся — выстрел! Пуля снайпера попала в тело уже застреленного связиста. Лежу за

убитыми, двинуться не могу, снайпер сразу убьет. Зажал концы проводов зубами. Есть связь!

Мимо ползет комиссар полка Дынин, направляясь в батальон. Это был уже пожилой человек, который, будучи комиссаром медсанбата, сам напросился в стрелковый полк. Сердце патриота и совесть не позволили ему находиться в тылу. В атаку ходил наравне со всеми, с винтовкой в руках. Увидел меня, только рукой мне махнул, и в то же мгновение ему снайпер прямо в сердце попал. Понимаю, что долго здесь не пролежу, рано или поздно немец и меня угробит. Тут началась заварушка на передовой, обрывки провода скрепил и под «шумок» вскочил и добежал целым до наших окопов. Пришел на НП батальона, а комбат ухмыляется: «Прибыл к месту службы». По телефону уже передали приказ: «Сержант Гольбрайх назначается комиссаром батальона».

Попросил поесть. Дали мне в руки котелок, а в нем — невиданное богатство: макароны с тушенкой. Начался артиллерийско-минометный обстрел, я телом котелок закрыл, чтобы комья земли в еду не попали. Рядом окоп артиллерийских наблюдателей, кричат мне: «Ползи к нам!» Пару секунд я замешкался, а потом пополз, пытаюсь котелок поудачней пристроить, а в это время в окоп наблюдателей — прямое попадание. До ночи продержались. Отбили три атаки. Вечером был «праздник», принесли воду. Каждому наливали по половине котелка чая. Хочешь — пей, хочешь — руки от чужой крови отмывай. Страдали мы очень там от жажды.

Знаете, что больше всего запомнилось из событий того дня? Стоит наш подбитый танк, внутри что-то горит и взрывается. Солдат, судя по внешности, нацмен из Средней Азии, подходит к танку с котелком каши, подвешенным на штыке. С чисто восточной невозму-

тимостью он ставит котелок разогреть на догорающий танк. Жизнь продолжается. Обычный фронтовой сталинградский рядовой день августа 1942 года...

Г.К. — Вы были заместителем командира отдельной армейской штрафной роты 51-й армии в 1944—1945 годах. Расскажите о штрафных частях. Как Вы попали служить в штрафную роту? Какова была структурная организация Вашего подразделения?

Е.Г. — В штрафную роту я попросился сам. Солдат, как, впрочем, и офицер, на войне своей судьбы не выбирает: куда пошлют, туда и пойдешь. Но при назначении на должность в штрафную роту формально требовалось согласие. Штрафные роты были созданы по приказу Сталина № 227 от 28 июля 1942 года, известному как приказ «Ни шагу назад», после сдачи Ростова и Новочеркасска.

В каждой общевойсковой армии было три штрафных роты. Воздушные и танковые армии своих штрафных подразделений не имели и направляли своих штрафников в общевойсковые. На передовой находилось одномоментно две штрафных роты. В них из соседних полков ежедневно прибывало пополнение — один-два человека. Любой командир полка имел право отправить своим приказом в штрафную роту солдата или сержанта, но не офицера. Сопровождающий приносил выписку из приказа, получал «ропись в получении» — вот и все формальности. За что отправляли в штрафную роту? Невыполнение приказа, проявление трусости в бою, оскорбление старшего начальника, драка, воровство, мародерство, самоволка, а может, просто ППЖ комполка не понравился, и прочее и прочее. Организация штрафной роты следующая. Штат роты — восемь офицеров, четыре сержанта и двенадцать лошадей — находится при армейском запасном полку и в ожидании пополнения потихоньку пропивает трофеи.

Из тыла прибывает эшелон уголовников, человек четыреста и больше, и рота сразу становится батальоном, продолжая именоваться ротой. Сопровождают уголовников конвойные войска, которые сдают их нам по акту. Мы охрану не выставаем. Это производит дурное впечатление, тогда как проявленное доверие вызывает к нам некоторое расположение. Определенный риск есть. Но мы на это идем. Что за народ! Тут и бандиты, и уголовники-рецидивисты, и укрывающиеся от призыва, и дезертиры, и просто воры. Случалось, что из тыла прибывали и несправедливо пострадавшие. Опоздание на работу свыше двадцати минут считалось прогулом, за прогул судили, и срок могли заменить штрафной ротой. С одним из эшелонов прибыл подросток, почти мальчик, таким, по крайней мере, казался. В пути уголовники отбирали у него пайку, он настолько ослабел, что не мог самостоятельно выйти из вагона. Отправили его на кухню.

Срок заключения заменялся примерно в следующей пропорции: до 3—4 лет тюрьмы — месяц штрафной роты, до семи лет — два месяца, до десяти — выше этого срока не существовало — три месяца. В штрафные роты направлялись и офицеры, разжалованные по приговору Военного трибунала. Если этап большой и своих офицеров не хватало, именно из них назначались недостающие командиры взводов. И это были не худшие командиры. Желание реабилитироваться было у них велико, а погибнуть... Погибнуть и в обычной роте — дело нехитрое. После войны статистики подсчитали: средняя продолжительность жизни командира стрелкового взвода в наступлении — не больше недели.

Штраф снимался по первому ранению. Или, гораздо реже, по отбытию срока. Бывало, вслед раненому на имя военного прокурора посылалось ходатайство о снятии судимости. Это касалось, главным образом, разжа-

лованных офицеров, но за проявленное мужество и героизм иногда писали и на уголовников.

Очень редко и, как правило, если после ранения штрафник не покидал поле боя или совершал подвиг — представляли к награде. О результатах своих ходатайств мы не знали, обратной связи не было. В фильме «Гу-Га» есть эпизод, где старшина бьет, то есть «учит», штрафника, да еще по указанию командира роты. Совершенно невероятно, что такое могло произойти в действительности. Каждый офицер и сержант знают, что в бою они могут оказаться впереди обиженного. Штрафники — не агнцы божьи. И в руках у них не деревянные винтовки. Другое дело, что командир роты имел право добавить срок пребывания в роте, а за совершение тяжкого преступления — расстрелять. И такой случай в нашей роте был. Поймали дезертира сами штрафники, расстреляли перед строем и закопали поперек дороги, чтобы сама память о нем стерлась. Сейчас говорить об этом нелегко, но тогда было другое время и другое отношение к подобному.

Владимир Карпов, известный писатель, Герой Советского Союза, сам хлебнувший штрафной роты, пишет, что офицеры штрафных рот со своими штрафниками в атаку не ходили. И да, и нет. Если есть опытные командиры из штрафников, можно и не ходить. А если нет или «кончились», надо идти самим. Большей частью именно так и бывало. Вот один из многих тому примеров. Два заместителя командира роты, старший лейтенант Василий Демьяненко и я, повели роту в атаку. Когда задача была уже почти выполнена, меня ранило осколком в грудь. До сих пор помню свою первую мысль в этот момент: «Не упал! Значит, легко!» Ни мы, ни немцы не ходили в атаку толпами, как в кино. Потери бы были слишком велики. Двигается довольно редкая цепь, где бегом, а где и ползком. В атаке стара-

ешься удержать боковым зрением товарища. Демьяненко был в шагах тридцати от меня, увидел, что меня шатнуло, и я прыгнул в воронку. Подбежал: «Куда?» Молча показываю на дырку в полушубке. «Скидай!» Весь диалог — два слова. Он же меня перевязал. Осколок пришелся по карману гимнастерки, в котором лежала пачка писем и фотографий из тыла (учитывая наш возраст — не только от мамы). Это и спасло, иначе осколок прошел бы навывлет. В медсанбате ухватили этот осколок за выглядывающий из-под ребра кончик и выдернули. И я сразу вернулся в роту.

Как же я все-таки попал в штрафную роту?

При очередной переформировке я оказался в офицерском резерве 51-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Яков Григорьевич Крейзер — после войны генерал армии. Крейзер получил звание Героя Советского Союза в 1941 году, будучи командиром 1-й Московской Пролетарской дивизии. В армейском тылу я был впервые. Поразило огромное количество праздных офицеров всех рангов, с деловым видом сновывавших с папками и без. Неужели для них всех здесь есть работа?

Чем ближе к передовой, тем меньше народа. Сначала тыловые, хозяйственные и специальные подразделения, медсанбаты, артиллерия покрупнее, а потом помельче, ближе к передовой минометчики, подойдешь к переднему краю — охватывает сиротливое чувство, куда все подевались? На войне, как и в жизни, каждый знает, что он не должен делать. В офицерской столовой еду разносили в тарелках! Я был потрясен. По поселку парами прогуливались молодые женщины и девушки в госпитальных халатах. Не сразу сообразил, что меня в них озадачило — ни бинтов, ни костылей, ни руки на «каретке». Спросил у проходящего офицера: «Кто это?» В ответ услышал: «Ты что, лейте-

нант, дурной?! Это венерический госпиталь». Мужчин в тот период войны не лечили. Только если попал по ранению в госпиталь — попутно. Скучно. Ни я никого не знаю, ни меня никто. К концу недели услышал, что погиб заместитель командира армейской штрафной роты. И я пошел в управление кадров.

Не спешите записывать меня в герои. Я не храбрец. Скорей наоборот. Но я уже воевал в пехоте и знал, что большой разницы между обычными стрелковыми ротами и штрафными нет. Да, штрафные роты назначаются в разведку боем, на прорыв обороны противника или ставят на пути его наступления. А обычные стрелковые батальоны не назначаются? Именно в рядовом стрелковом батальоне обычного стрелкового полка, назначенном в разведку боем, я должен был погибнуть. И когда объятное черным отчаянием сознание угасало, меня спас мой товарищ Саша Кисличко, погибший в следующую минуту. И все эти годы я мучительно думаю: если бы он не полез меня спасать, остался бы Саша жить? Так что рисковал я немногим. Сыну «врага народа», кроме стрелкового батальона, ничего не светило. Зато преимуществ много. Первое. Штрафные роты, как правило, в обороне не стоят. Пехотные солдаты поймут меня и без подробностей. Полное наше наименование: отдельная армейская штрафная рота — ОАШР. Последние две буквы послужили основанием к тому, что позывные штрафных рот на всех фронтах были одни и те же — «Шу-Ра». Но особое значение имели первые две буквы. Для обычной роты, кроме своих командиров, в батальоне было два заместителя, парторг и комсорг, да в полку три зама и те же политработники, еще и в дивизии штабные и политотдел. И все они, поодиночке или скопом, в затишье, между боями, когда хочется написать письмо или просто отдохнуть, являются по твою душу занудствовать по поводу чистых подворотничков,

боевого листка, партийного и комсомольского собрания, то в штрафную роту не придет никто. Мы — не их. У них своих забот хватает, и никто, тем более на фронте, не станет делать больше положенного. А партийной или комсомольской организации у нас попросту нет. Штатные офицеры стоят на партучете в запасном полку и там изредка платят взносы.

Командир штрафной роты по своим правам приравнивается к командиру полка и подчиняется в оперативном отношении тому командиру дивизии, которому будет придан для конкретной операции. Это входит в понятие — «отдельная». А армии не до нас. У них дела поважнее. Был, правда, случай, когда приехал майор из Политуправления и говорит: «Вы кормите ваших штрафников похуже. Командиры жалуются: пригрозишь солдату штрафной ротой, а он тебе: «Ну и отправляйте! Там кормят хорошо». И это так. Обычная рота получает довольствие в батальоне, батальон — в полку, полк — с дивизионных складов, а дивизия — с армейских. Еще Карамзин заметил: «Если захотеть одним словом выразить, что делается на Руси, следует сказать: воруют». Не нужно думать, что за двести с лишним лет что-нибудь изменилось. Во всех инстанциях сколько-нибудь, да украдут. Полностью до солдата ничего не доходит. А у нас, как это ни странно, воровать некому. И здесь вступает в силу слово — «армейская». Наш старшина получает довольствие непосредственно с армейских складов. Правда, и ему «смотрят в руки». Но мы не бедные, что-нибудь из трофеев и привезем. Продукты старшина получает полностью и хорошего качества, водку неразбавленную. Офицерам привезет полушубки длинные, и не суконные бриджи, а шикарные галифе синей шерсти. И обмундирование для штрафников получит не последнего срока, а вполне приличное. Кроме того, у нас есть неучтенные кони, вместо двена-

дцати лошадей — небольшой табун. При необходимости забиваем коня помоложе. И что там твоя телятина! Кому-то и огород вспашем. Да, еще один важный фактор. Помимо извечной русской жалости к страдальцу-арестанту, каждый тыловой интендант всегда опасался когда-нибудь «загреметь в штрафную». Обеспечивали нас честно. Были и другие преимущества: полуторный оклад, ускоренная, даже против фронтовой, выслуга лет. Впрочем, я этого почти не ощутил. Курировал нас армейский отдел Смерш. Но я не помню, чтобы они мешались под ногами или вообще нас часто навещали. У них в Прибалтике своих дел было невпроворот.

Одним словом: «живи — не хочу». Хорошо в штрафной роте! Хорошо-то хорошо, да не очень. Ближе к концу войны, когда никто уже не хотел умирать, дезертировали сразу три человека. Мы с командиром роты предстали «пред светлые очи» члена Военного совета армии, который в популярной форме, с употреблением «фольклорных выражений», чтобы было привычней и понятней, разъяснил, что мы, по его мнению, из себя представляем, достал из какой-то папки наградные листы на орден Александра Невского на командира и на орден Отечественной войны I степени на меня, изящным движением разорвал их и бросил под стол, одновременно сообщив, что присвоение нам очередных воинских званий задержано. И уже в спину бросил: «Найти! И расстрелять!» Не нашли. И очень жалели. Что не нашли. И не расстреляли. Тогда. Теперь не жалею.

ЧУШЬ СОБАЧЬЯ

Случались и многие другие эксцессы, за которые совсем не гладили по головке.

В литературе утвердилось понятие — «штрафные батальоны». Батальон — это звучит гордо. В самом слове

есть что-то торжественно-печальное, какой-то внутренний ритм и романтика. А в бой идут штрафные роты!

Были и штрафные батальоны. Это совсем другое. Штрафные батальоны создавались при фронтах, в конце войны их было в армии около семидесяти, практически по одному штрафному батальону на каждую общевойсковую армию. В них рядовыми бойцами воевали не разжалованные трибуналом офицеры в чине до полковника включительно. У каждого своя причина попадания в штрафбат. Оставление позиций без приказа, превышение власти, хищение и даже дуэли(!).

Состав штурмовых батальонов — была и такая разновидность — вышедшие из окружения или бежавшие из плена командиры Красной армии, прошедшие «чистилище» лагерей НКВД, где должны были доказать, что не бросили оружия и не перешли на сторону врага добровольно. Для них сроки не варьировались. Срок был один для всех: шесть месяцев! Численность переменного состава штрафных подразделений на практике строго не регламентировалась. Батальон мог иметь до тысячи человек — полк! Но могло быть всего сто человек.

В управлении кадров на меня посмотрели с некоторым удивлением: «У нас там любители работают». Отвечаю: «И я буду любитель, не в тыл прошусь». Получил предписание и задумался. Надо бы с чем-то в роту прийти. Выбор тут небольшой. Постучался в крестьянский дом, краснея, протянул солдатское белье. Хозяйка вынесла бутылку самогона, заткнутую бумажной пробкой. Вещмешка я не носил, бутылку в полевую сумку не влезает, запихнул в карман шинели, на подозрительно торчащее горлышко напялил рукавицу. На попутных машинах быстро добрался до передовой. Минометчики, стоявшие на опушке леса, показали на одинокое дерево в поле — КП командира роты — и сказали: «Ты

до вечера туда не ходи. Это место снайпер держит на прицеле». Помаялся я, помаялся, до вечера еще далеко. Дай, думаю, рискну — и дернул что было сил. Тихо. Снайпер, видно, задремал. В углу землянки сидел малого роста старший лейтенант. Он представился: Демьяненко Василий, зам по строевой. И, подозрительно покосившись на мой карман, спросил: «Шо это в тэбэ рукавица насупроти настромлена?» Достая бутьль. Демьяненко сразу расцвел: «О! Це дило! И командир у оставимо». Так я попал в штрафную роту.

Г.К. — Насколько сильной была мотивация штрафников «искупить кровью» свою вину?

Е.Г. — Не следует думать, что все штрафники рвались в бой. Вот вам пример. Атака захлебывается. Оставшиеся в живых залегают среди убитых и раненых. Но нас было намного больше! Где остальные? Вдвоем с командиром роты, капитаном Щучкиным, под немецким огнем возвращаемся к исходному рубежу. Так и есть! В траншее притаилась в надежде пересидеть бой группа штрафников. И это, когда каждый солдат на счету! С противоположных концов траншеи, держа в каждой руке по пистолету, в левой — привычный ТТ, в правой — трофейный парабеллум, он тяжелее, чуть не разрываясь над траншеей — одна нога на одном бруствере, другая на противоположном, двигаемся навстречу друг другу и, сопровождая свои действия соответствующим текстом, стреляем над головами этих паразитов, не целясь и не заботясь о целостности их черепов. Проворно вылезают и бегут в цепь. Сейчас, когда вспоминаю этот эпизод, думаю: «Господи! Неужели это был я?»

В штрафных и штурмовых батальонах подобного не может быть. Здесь все поставлено на карту. Эти офицеры не лишены званий и в большинстве случаев не имеют судимости. По ранению или отбытию срока они имеют право на прежние должности (право-то они име-

ли, но, как правило, возвращались в части с понижением). В одном из таких батальонов, своей блестящей атакой положившем начало Яско-Кишиневской операции, воевал мой товарищ Лазарь Белкин. В день атаки выдали им по 200(!) граммов водки, привезенной на передовую прямо в бочках, дали по полпачки махорки и зачитали приказ: «В пять часов утра после залпа «кастюш» батальон идет в атаку». В пять часов все приготавились. Тишина. В шесть часов — тишина. В семь утра сообщили: наступление отменяется. Разочарованные солдаты разбрелись по траншее. Через три часа новый приказ — наступление ровно в десять! И никаких «кастюш»! В десять часов батальон в полной тишине поднялся в атаку. Без криков «Ура!». Но это был не простой батальон, а батальон штрафников. Захватили три ряда траншей. Немецкие шестиствольные минометы развернули в сторону противника и дали залп. Навстречу Лазарю бежал к пулемету немецкий офицер. Лег за пулемет. В упор! И вот счастье — осечка! Ленту перекосило или еще что. Офицер кинулся бежать. Поздно. Граната Лазаря уже летела. У противника создалось впечатление, что здесь наносится основной удар. Немцы стали поспешно подбрасывать технику и подкрепления. До позднего вечера батальон отбивал атаки, и к ночи остатки батальона вынуждены были вернуться на исходные позиции. Из почти тысячи человек в живых на ногах осталось сто тридцать. Большинство участников атаки было ранено, примерно треть — погибла.

Г.К. — В фильме «Гу-Га», например, заградотряд вызывает «симпатии» не больше, чем бы вызвал отряд немецких карателей. Ваше мнение о заградотрядах?

Е.Г. — В этом кинофильме со странным названием есть много досадных погрешностей. Вранье в малом — вызывает недоверие и ко всему остальному. Я уже говорил, в атаку толпами не бегут, но таковы, по-ви-

димому, законы жанра, «массовость» — наш «конек». У командира роты погоны полевые, а пуговицы на шинели золотые и звездочка на фуражке красная, и это на фронте! И звездочка, и пуговицы были зелеными. Но особую досаду вызывает заградотряд. Заградотряды никогда не сопровождали штрафные роты на фронт и не стояли у них за спиной!!!

Заградотряды располагаются не на линии фронта, а вблизи контрольно-пропускных пунктов, на дорогах, на путях возможного отхода войск. Хотя скорее побегут обычные подразделения, чем штрафные. Заградотряды — не элитные части, куда отбираются бойцы-молодцы. Это обычная воинская часть с несколько необычными задачами. А в этом фильме?! Всегда заградотрядовцев больше, чем штрафников, так и напрашивается желание поменять их местами. Почему-то все одеты в новенькие (откуда такая роскошь?!) — шинели с красными вшивными погонами! Вшивные погоны полагались только генералам, все остальные — от рядового бойца до полковника — носили пристежные. И красные! На фронте?! Заградотряд в касках! Это ж додуматься надо. Каски и в боевых подразделениях не очень-то жаловали. Может, в сорок втором году заградотряды «дров наломали», но кто бы остановил бегущие в панике части?! А справедливости на войне искать бесполезно.

Г.К. — Вы сказали, что у Вас нет ни малейшего желания подробно разбирать сериал «Штрафбат». И, тем не менее, хоть несколько замечаний по сериалу.

Е.Г. — У этого сериала есть только одно достоинство — прекрасная игра актеров. Все остальное — полный бред, простите за резкое выражение. Остановимся на главном.

Никогда офицеры, сохранившие по приговору трибунала свои воинские звания, не направлялись в

штрафные роты. Только в офицерские штрафные батальоны.

Никогда уголовники не направлялись для отбытия наказания в офицерские штрафбаты — только в штрафные роты, как и рядовые и сержанты.

Никогда политические заключенные не направлялись в штрафные части, хотя многие из них — истинные патриоты — рвались на фронт, защищать Родину. Их уделом оставался лесоповал. Случай с Владимиром Карповым, осужденным по 58-й статье и направленным в штрафную роту, — уникальный!

Никогда штрафные роты не располагались в населенных пунктах. И вне боевой обстановки они оставались в поле, в траншеях и землянках. Контакт этого непростого контингента с гражданским населением чреват непредсказуемыми последствиями. Примеры приведу позже.

Никогда, даже после незначительного ранения и независимо от времени нахождения в штрафном подразделении, никто не направлялся в штрафники повторно. Малейшая царапина — уже «искупил кровью».

Никогда никто из штрафников не обращался к начальству со словом «гражданин». Только — «товарищ». И солдату не тыкали — «штрафник», все были «товарищи». Не забывайте, что на штрафные части распространялся устав Красной армии.

Никогда командирами штрафных подразделений не назначались штрафники! Это уже не блеф, а безответственное вранье. Командир штрафного батальона, как правило, подполковник, и командиры его пяти рот — трех стрелковых, пулеметной и минометной — кадровые офицеры, а не штрафники. Из офицеров-штрафников назначаются только командиры взводов.

Благословение штрафников перед боем — чушь собачья, издевательство над правдой и недостойное заиг-

рывание перед Церковью. В Красной армии этого не было и быть не могло.

Я понимаю, что художник или режиссер имеют право на творческую фантазию, но снять сериал о войне, в котором исторической правды нет ни на грош!

Г.К. — Имел ли командир штрафной роты право отбирать себе солдат в подразделение?

Е.Г. — Командиры штрафных рот не комплектуют своих подразделений: кого тебе пришлют, с теми и будешь воевать. Еще одна важная деталь. Не было принято расспрашивать штрафников, за что они осуждены. И кто из бойцов бывший уголовник-рецидивист по кличке Васька-Жиган, а кто бывший орденосец-пулеметчик, знал точно только наш штатный офицер-делопроизводитель. В его ведении находились личные дела контингента штрафной роты.

Г.К. — Существует довольно распространенное заблуждение, что все штрафники были пламенными патриотами. Были ли случаи перехода солдат из штрафных частей на сторону врага?

Е.Г. — Конечно. Хотя в моей роте таких случаев не было зафиксировано. Куда переходить? К немцам в Курляндский «котел»? Социальная почва для переходов была, многих обидела советская власть. Бывшие раскулаченные, сыновья репрессированных считались потенциальными кандидатами на переход. Перебежчиков в конце войны было очень мало, но если быть предельно честным, то скажу, что такое позорное явление, как дезертирство, было довольно распространенным. Мало кто знает, но с 1942 года действовал секретный приказ: «родственников и земляков, во избежание сговора и перехода на сторону врага, в одно подразделение не направлять». Только с середины 1944 года этот приказ строго не выполнялся. Я многократно был свидетелем приема пополнения в обычном стрелковом полку.

Командир полка шел вдоль строя и «выдергивал» людей не по списку, а указывая пальцем. Рядом стояли командиры рот и составляли поименные списки. Если боец выживал после первых боев и хорошо себя в них зарекомендовал, он мог в дальнейшем попросить командиров о переводе в роту к земляку или родственнику, но это было редко, каждый уже привыкал к новым товарищам, да и заботы у людей уже были другие.

Г.К. — Женщины были в штрафных ротах?

Е.Г. — Женщин в штрафные роты не направляли. Для отбытия наказания они направлялись в тыл, в тюрьму. Впрочем, и случалось это крайне редко.

Нет в штрафных ротах и медработников. При получении задания присылают из медсанбата или соседнего полка медсестру. В одном из боев медсестра была ранена. Услышав женский крик на левом фланге, я поспешил туда. Ранена она была в руку, по-видимому, не тяжело, ее уже перевязывали. Но шок, кровь, боль. Потом, это же еще передовая, бой еще идет, чего доброго — могут добавить. Сквозь слезы она произносила монолог, который может быть приведен лишь частично: «Как «любить» (она употребила другой глагол), так всем полком ходите! А как перевязать, так некому! Вылечусь, никому не дам!» — Сдержала ли она свою угрозу — осталось неизвестно.

Г.К. — Использовалось ли штрафниками трофейное вооружение и обмундирование?

Е.Г. — Оружие трофейное использовалось повсеместно и было очень популярно. Старшине сдаем оружие выбывших из строя, а он в «гроссбух» свой смотрит и спрашивает: «Чем вы там воюете? По ведомости все оружие роты давно сдали!» А без трофейного пистолета — в конце войны — трудно представить любого пехотного командира. Это было повальное увлечение.

А вот с обмундированием — перебор. Никто не бу-

дет по передовой бегать в немецком кителе, особенно в бою. Свои сразу «дуриком» убьют. А потом будут разбираться. И хоть ты по-русски в это время будешь петь «Вдоль по Питерской», примут за власовца и выстрелят. Сапоги у многих были немецкие, не век же в обмотках ходить.

Г.К. — Простите, что вновь напомню сериал «Штрафбат». Но эпизод с походом штрафников в разведку. Насколько он реален?

Е.Г. — Повторяю, что это — полный бред. Представьте, ушла в разведку группа штрафников и не вернулась. Пропала без вести или перебита на «нейтралке», и никто не знает, кто погиб, а кто в плен попал. Что скажет на допросе в свое оправдание командир роты, когда особисты пришьют ему «оказание помощи в умышленном переходе на сторону врага»? Где мы такого «камикадзе» найдем? Если штрафники и ходили в разведку, то только вместе с офицерами из постоянного штата роты. Да не уголовников брали в разведываемые, а бывших полковых разведчиков, уже имевших опыт разведпоисков. Далее, штрафники почти никогда не стоят в обороне, это ударное подразделение, рассчитанное на несколько атак, на прорыв обороны противника. Всю информацию о противнике, включая разведданные, получают непосредственно из оперативного отдела и штаба дивизии. Так зачем штрафникам в разведку ползать? «Языков» коллекционировать? Пару раз, перед разведкой боем, нас просили, по возможности, взять в плен немца, но особо не настаивали, сверхзадачу не ставили. Один раз захватили немецкого майора. Вел он себя нагло, нас материл по-немецки, возиться с ним не стали и застрелили. Никто не захотел за него орден получить. Слишком убежденный нацист попался.

Но больше всего бесит, что в сериале штрафники немцев в плен берут чуть ли не каждый божий день.

Мы что, с дебилами воевали? На фронте, пока одного «языка» добудут, немало разведгрупп в землю костями ляжет. А тут?! Словно на танцы идут во Дворец культуры, а не за линию фронта.

В офицерских штрафных батальонах в разведку ходили нередко, но там командиры доверяли штрафникам. А с нашей публикой — разговор особый.

Г.К. — Боялись ли Вы выстрела в спину в бою? Сводили ли таким образом штрафники счета с командирами? Насколько это явление было распространено в штрафных частях?

Е.Г. — Такое случалось нечасто. Во избежание подобных эксцессов к штрафникам и старались относиться как к обычным солдатам, с уважением говорили с каждым, но никто с ними не заигрывал и самогонку не «жрал». Им, штрафникам, терять нечего, там принцип — «умри ты сегодня, я завтра». Но были случаи. Я слышал о них. И в карты могли взводного проиграть. Что поделать — публика такая. Но если командир роты вел себя как последняя сволочь или своей безграничной властью расстреливал тех, кто ему не понравился, то шансов схлопотать пулю в ближайшем бою от «своих подопечных» у него было немало. Но, например, если «неформальный лидер», как говорили, «пахан», из уголовной братии начинал чрезмерно нагло права качать, мол, всем по литру спирта, иначе в атаку не пойдем — разговор с ним был коротким. Да и в обычных стрелковых подразделениях такое иногда происходило. Конечно, только на передовой. Например, я знаю достоверный случай, когда свои же солдаты «шлепнули» в бою комбата. Командир батальона был грубая тварь, унижал солдат и офицеров, гробил людей зазря. Все инициативу проявлял, ордена зарабатывал. Чтобы охарактеризовать эту гниду, приведу один пример. У него в батальоне боец Гринберг подорвал гранатой себя и

двенадцать немцев в захваченном блиндаже. Ротный подошел и «заикнулся», мол, к Герою или к ордену надо представить. В ответ от комбата услышал: «Одним поганым жидом меньше стало!» Его свои бойцы застрелили, весь батальон знал, и никто не выдал. Понимаете, никто не выдал! Это в сталинские-то времена!

Не всегда солдат был безмолвной «серой скотиной», посланной на убой. Но мы, в штрафной роте, всегда старались завоевать доверие солдат и делили с ними вместе все лишения.

Г.К. — В штрафных частях в плен немцев брали или...

Е.Г. — В основном: «или». Сейчас вам этого не понять, а тогда... К концу войны ожесточение достигло крайних пределов, причем с обеих воюющих сторон. В горячке боя, даже если немец поднял руки, могли застрелить, как говорится, «по ходу пьесы». Десятки случаев были, когда пробегали мимо и тот же, «уже сдавшийся враг» поднимал с земли автомат и стрелял в спины атакующих. Но если немец после боя выполз из траншеи с поднятыми руками, тут у него шансы выжить были довольно высоки. А если с ним сдалось еще человек двадцать «камрадов», никто их, как правило, не тронет. Но снова пример. Рота продолжает бой. Нас остается человек двадцать, и надо выполнять задачу дальше. Взяли восемь немцев в плен. Где взять двух-трех лишних бойцов для конвоирования? Это пленных румын сотнями отправляли в тыл без конвоя. А немцев... Ротный отдает приказ: «В расход». Боец с ручным пулеметом расстреливает немцев. Все молчат. Через минуту идем дальше в атаку.

НИ ОПРАВДАТЬ, НИ ОПРОВЕРГНУТЬ

То, что фашисты творили на нашей земле, простить нельзя! Сколько раз видели тела растерзанных наших ребят, попавших к немцам в плен. Под Шауляем вы-

били немцы соседний стрелковый полк из села Кужи и захватили наш медсанбат, расположившийся в двухэтажном здании. Нашу роту бросили на выручку пехоте. Но мы не могли пробиться! Танки перекрыли подступы к селу и расстреливали нас в упор. Отошли на высотку и видели в бинокли, как фашисты выбрасывают наших раненых из окон и жгут живьем. О каких пленных после этого может идти речь?! Штрафники в плен брали относительно редко. Это факт. У многих семьи погибли, дома разрушены. Люди мстили. А какой реакции следовало ожидать? Эсэсовцев, танкистов и власовцев — убивали часто прямо на месте. У нас были солдаты, прошедшие немецкий плен. После всех ужасов, которые они испытали, все слова замполитов о гуманности были для них пустым звуком.

Еще страшный эпизод. В 1943 году, летом, наш стрелковый батальон пошел в атаку. Брали село в лоб, шли на пулеметы. После боя в живых осталось совсем немного счастливиц. На земле сидел и истекал кровью командир роты. Осколком ему оторвало нижнюю челюсть. Подвели человек пять пленных немцев. Боец спрашивает: «Куда их?» Ротный достал из полевой сумки блокнот, вырвал листок и — кровью! — на нем написал: «Убить».

Но был случай, там же, под Шауляем, который до сих пор не дает мне покоя. Нашу оборону перешел человек без оружия, в поношенной гражданской одежде. Никаких документов при нем не было. Быть может, бежал из лагеря и пробирался домой. На свою беду он ни слова не понимал ни по-русски, ни по-немецки. Позвали литовца — то же самое. А он говорил и говорил, пытаюсь хоть что-то объяснить. Скорей всего, это был латыш или эстонец, но никто не знал ни латышского, ни эстонского языка. Проще всего было отправить его в вышестоящий штаб. Но с ним надо было по-

слать конвойного. Расстрелять — проще. Как говорил «великий вождь»: «Нет человека — нет проблемы». Я пытался предотвратить расправу. Начальство посмотрело на меня с недоумением. Еще и обругали.

Неоднократно, когда я пробовал остановить расстрел пленного, мне мои же товарищи говорили: «Ты почему их жалеешь (?!), они твою нацию поголовно истребили!» Мне больно обо всем этом вспоминать. Были жесткие приказы, запрещавшие расправы над военнопленными, во многих дивизиях они строго соблюдались. Я видел немало штрафников, осужденных за расстрел пленных, но...

Особенно грешили расстрелами не окопники, а штабная челядь. Тех же румын надо было по дороге в плен от «героев второго эшелона» охранять. Те любили по безоружным пострелять. Немцы всегда знали, кто стоит на передовой перед ними. Если знали, что перед ними штрафники, то дрались с нами более стойко и ожесточенно. Мы сами создавали себе это «удовольствие», благодаря своему отношению к пленным. Все эти рассказы, что у немцев поджилки тряслись при виде атакующей штрафной роты, не имеют под собой никакой основы. Немцам было глубоко плевать, кто на них идет в атаку. Психологически, наверное, немцам было тяжело воевать против штрафных офицерских батальонов, слишком велико желание штрафбатовцев искупить кровью свои «грехи» перед Родиной. Но воевали немцы толково, умело и храбро, как ни тяжело это признавать.

Г.К. — Как освобождались штрафники, не получившие ранения в боях? Заседал трибунал для принятия решения об освобождении от наказания или их дела рассматривал кто-то другой?

Е.Г. — Командир роты имел право отменить наказание за героизм даже тем бойцам, у которых не истек

срок пребывания в роте, указанный в приговоре. А на деле происходило так. После нескольких операций у нас осталось около двух десятков бойцов. Не ранены. Но в боях участвовали, и мы с полным основанием передаем их в соседний стрелковый полк. Все бумаги с гербовой печатью заполняются на месте и выдаются солдатам. В штаб идет только список «искупивших и проявивших» за подписью командира. Солдаты сдают оружие, и «Здравствуй вновь, Красная армия!» Они получают оружие в своих новых подразделениях. Никаких заседаний трибуналов или консультаций с osobистами. До последнего солдата мы не воевали. Далее, кто из постоянного состава оставался живым, возвращался в армейский запасной полк в ожидании очередного эшелона с «уголовным пополнением». Привозят «каторжан», подписываем акт «о приеме», личный состав строится, и мы выходим к роте, командиры представляются, каждый в отдельности. Потом строим в расположение роты. Штрафники получали оружие уже непосредственно у нас. Получали обмундирование, распределялись по взводам. Все достаточно прозаично. Никто не ездил в тыл набирать штрафников.

Г.К. — Отличался ли национальный состав штрафных рот от обычных стрелковых?

Е.Г. — Нацменов было меньше, чем в стрелковых подразделениях. В основном у нас были славяне. Евреев среди солдат штрафной роты практически не было. За восемь месяцев моего пребывания в роте — на войне это очень большой срок — попался только один еврей, и меня немедленно позвали на него посмотреть. Это был портной из Прибалтики, и он не выглядел удрученным или несчастным. У евреев высоко развито чувство долга: если и попадали в штрафную, то только случайно или за какую-нибудь мелочь. Ну и командир-антисемит мог «упечь» в штрафную. И такое бывало.

Хотя Семен Ария упоминает нескольких евреев, своих товарищей по штрафной роте. На войне никогда не знаешь, где окажешься завтра. Как в поговорке: «В земле сырой, в роте штрафной или в разведке полковой». Среди офицеров моей роты было трое украинцев и четверо русских.

Зато соседней штрафной ротой командовал еврей Левка Корсунский с манерами одессита Мишки-Япончика. Явившись в тихую минуту к нам в гости на шикарном трофейном фаэтоне, запряженном парой красавцев-коней, он снял с левой руки шикарные швейцарские часы и бросил налево, снял с правой и бросил направо. Это был жест! Современному человеку трудно объяснить. Часы были предметом постоянного вожделения и нередко служили наградой. Не знаящие ни слова по-немецки наши солдаты быстро научились произносить: «Вифиль из ди ур». Ничего не подозревающий немецкий обыватель охотно доставал карманные часы, и они немедленно перекочевывали в карман к воину-победителю.

После войны долго разыскивал Корсунского и Тешина, но безуспешно. Как сложилась их судьба? Живы ли?

Г.К. — Доводилось ли Вам после войны встретиться с кем-нибудь из бывших штрафников Вашей роты?

Е.Г. — После Победы я некоторое время служил в Вентспилсе. Однажды утром навстречу попала группа моряков. Надо сказать, что отношения с моряками были не простыми и не всегда мирными. Один из моряков неожиданно кинулся ко мне и стал душить. Ввиду численного превосходства сопротивляться было бесполезно, оставалось лишь покорно ждать своей участи. Четверо других моряков стояли в стороне и почему-то улыбались. Прежде чем я понял, что моей драгоценной жизни — особенно после войны — ничего не угрожает,

мои новые, только накануне тщательно прилаженные погоны оказались безнадежно смяты. Это был наш бывший штрафник, командир морского «охотника», отбывший штраф — по ранению или по сроку — не вспомнить. На корабль его вернули, но в офицерском звании еще не восстановили, и он был в мичманских погонах. О свободе передвижения говорить уже не приходилось. Я был «взят под белы руки», и наша живописная группа — я в зеленом, остальные в черном — поволокла меня на пирс. Корабли стояли на другой стороне Венты. Один из моряков встал на скамейку и стал размахивать руками. Я понял — флажковая сигнальная азбука. С корабля заметили, что-то «написали» в ответ, быстро спустили шлюпку, и вскоре мы все очутились в тесном кубрике. Стол был уже накрыт. Дальнейшее вспоминается смутно.

Г.К. — Были ли в Вашей штрафной роте случаи насилия или грабежей мирного населения?

Е.Г. — Моя рота заканчивала войну в Прибалтике, а тогда эта земля уже считалась советской территорией, и литовцы и латыши были уже соответственно советскими гражданами. По этой причине наша «блатная компания» вела себя относительно пристойно. По закону военного времени за бандитизм предусматривался расстрел на месте. Жить хотели все. Но был один позорный инцидент, запятнавший нашу роту. В самом конце войны наш штрафник, грузин по фамилии Милладзе, изнасиловал несколько женщин в ближайших к месту дислокации роты хуторах. Поймали его уже после 9 мая, и вместо вполне заслуженной «высшей меры» он получил всего восемь лет тюрьмы. А надо было к «стенке поставить»!

Г.К. — Допустим, штрафник искупил вину кровью и вернулся в обычную войсковую часть. Влиял ли факт

его пребывания в штрафных подразделениях на дальнейшую карьеру или награждения?

Е.Г. — Возвращали обычно с понижением в должности, а иногда и в звании. Немало бывших офицеров-штрафников в конце войны командовали батальонами и полками. Я таких двоих знал лично. В наградах за последующие боевые достижения, как правило, ограничивали. В штабных канцеляриях перестраховщиков хватало всегда. Я слышал только о двух бывших штрафниках, получивших впоследствии звание Героя Советского Союза. Это Карпов и командир саперного батальона из нашей 51-й армии Иосиф Серпер. Оба получили звание Героя, если я не ошибаюсь, только после третьего представления к звезде Героя. Был еще, кажется, сержант-артиллерист, тоже Герой Союза, успевший в свое время повоевать в штрафной роте. Возможно, таких людей было немало. Я не обладаю полной информацией по этому вопросу. Одно знаю точно, что в официальных источниках эта тема никогда не затрагивалась.

Да и офицеров постоянного состава штрафных подразделений наградами баловали не особо щедро. Писут, что только один командир штрафной роты, азербайджанец Зия Буниятов, стал Героем СССР. Но было еще несколько человек. В наградных листах на них писали — «командир ударного батальона» (или роты), избегая слова «штрафной». Если в пехоте комбата, прорвавшего укрепленную оборону противника, могли сразу представить к высокой награде, вплоть до высшего звания, то на нас смотрели как на «специалистов по прорывам». Мол, «это ваша повседневная работа и фронтовая доля. Чего вы еще хотите?»...

Г.К. — В последние годы столько написано псевдо-исторической «правды». И уже десантный отряд Цезаря Куникова состоял из штрафников. Отряд Ольшан-

ского, высаженный десантом в Николаеве, тоже объявлен штрафным. Саша Матросов стал и штрафником, и татарин. А Зееловские высоты брали штурмовые батальоны, да и вообще, войну выиграли вчерашние заключенные, гонимые безоружными на немецкие пулеметы. А Рокоссовский — «главный штрафник страны». Кто сейчас расскажет, что было на самом деле?

Е.Г. — Отряды Куникова и Ольшанского состояли из моряков-добровольцев, знавших, что идут на почти верную смерть. Кстати, три человека из куниковского батальона за последние годы переехали сюда на постоянное место жительства. Адрес одного из них, Андрея Хирикилиса, я попробую вам достать. Если он еще жив, то расскажет об этом легендарном отряде. По поводу штурма Берлина. Штрафные части принимали в нем участие. Это факт. Возьмите воспоминания комдива Шатилова.

Теперь о главном. Бытует мнение, что штрафные части сыграли решающую роль в войне и они чуть ли не главные творцы Победы. Это заблуждение. Да, штрафники воевали отчаянно. Но обстановка была такой, что и обычным частям было не легче. Армия может занимать по фронту, в зависимости от обстановки, от нескольких километров до нескольких десятков километров. В последнем случае командование не станет перебрасывать на нужный участок штрафную роту. Передвижение этого не совсем обычного подразделения вдоль линии фронта, в ближнем тылу чревато неприятностями. В штрафные роты не набирались «лучшие из лучших». Совсем даже наоборот. И в разведку боем будет назначен обычный стрелковый батальон, свежий либо с соседнего участка, и очень редко тот, который занимает здесь оборону. Чистая психология — солдат приживается к своей траншее, к своему окопу, и ему

труднее покинуть обжитое место и подняться в атаку. Это учитывается.

Штрафные роты и батальоны сыграли свою важную роль на войне. Но утверждения, что у Рокоссовского воевали одни штрафники, — глупость. Да и составляли они не более одного процента от численности армии.

Г.К. — По поводу особистов что-нибудь скажете? И о приказе № 227?

Е.Г. — Не надо «демонизировать» служивших в особых отделах. Последнее время, в любом кинофильме о войне, кроме «Августа сорок четвертого», особистов показывают такими садистами, бродящими с наганом в тылу и ищущими, в какой бы солдатский затылок стрелкнуть. Надо просто уяснить, что часть армейских чекистов и контрразведчиков боролась со своим народом и является преступной, но большинство выполняли свой долг в соответствии с установками того непростого времени. Вам сейчас этого не понять. На фронте летом 1942 года остатки полка отвели в тыл. Выстроили «покоем». Особист вывел незнакомого мне солдата на середину, под охраной двух бойцов. Зачитал приговор. Солдат был признан самострелом. Помню только одну фразу из речи особиста: «Лучше погибнуть от немецкой пули, чем от своей!» Расстреляли этого солдата. В начале войны долго не церемонились. Расскажу еще трагический случай, произошедший у меня на глазах. О приказе Сталина № 227 вы знаете, текст вам знаком. Бессмысленно спорить сейчас — хороший или плохой был приказ. В тот момент — необходимый. Положение было критическим и вера в победу — на пределе. Командиром минометной роты в нашем полку был 22-летний Александр Ободов. Он был кадровым офицером и до войны успел окончить военное училище. Дело знал хорошо, солдат жалел, и они его любили. Да и командир был смелый. Я дружил с ним. Саша

вел роту к фронту, стараясь не растерять людей, матчасть. В роте было много солдат старших возрастов, идти в жару с тяжелыми 82-мм минометами на хребту было им трудно, приходилось часто отдыхать. Рота отстала от полка на сутки. Но война не жалеет и не прощает. В тот день мы несколько раз атаковали немцев и не продвинулись ни на шаг. Я сидел на телефоне, когда позвонил командир дивизии. Передал трубку командиру полка.

— Почему не продвигаетесь? — спросил командир дивизии. Комполка стал что-то объяснять.

— А вы кого-нибудь расстреляли?

Командир полка сразу все понял и после некоторой паузы произнес: «Нет».

— Так расстреляйте! — сказал комдив. — Это не профсоюзное собрание. Это война.

И только что прогремел 227-й приказ. Вечером, когда стемнело, командиры батальонов и рот и политруки были вызваны на НП командира полка. Веером сползлись вокруг. Заместитель командира стал делать переключку. После одной из фамилий неостывший еще голос взволнованно ответил: «Убит на подходе к НП! Вот документы!» — из окопа протянулась рука, и кто-то молча принял пачку документов. Совещание продолжалось. Я только что вернулся с переднего края, старшина сунул мне в руки котелок с каким-то холодным варевом, и я доедал, сидя на земле. С НП доносились возбужденные голоса. После контузии я слышал плохо, слова разбирал с трудом. Из окопа НП, пятась, стал подниматься по ступенькам Саша Ободов. Следом, наступая на него и распаляя себя гневом, показались с пистолетами в руках комиссар полка, старший батальонный комиссар Федоренко и капитан-особоотделец, фамилия которого в моей памяти не сохранилась (это было еще до введения единоначалия в армии,

тогда комиссар и командир полка имели равные права, подпись была у командира, а печать у комиссара). «Товарищ комиссар! — в отчаянии, еще не веря в происходящее, повторял Саша. — Товарищ комиссар! Я всегда был хорошим человеком!»

Раздались хлопки выстрелов. Заслоняясь руками, Саша отмахивался от пуль, как от мух: «Товарищ комиссар! Това...» После третьей пули, попавшей в него, Саша умолк на полуслове и рухнул на землю. Ту самую, которую так хотел защитить. Он всегда был хорошим человеком. Было ему всего двадцать два года.

Немцы непрерывно освещали передний край ракетами и низко расстилали над нашими головами разноцветный веер трассирующих пуль. Время от времени глухо ухали мины. Ничего не изменилось. Война продолжалась.

Кто-то крикнул: «На партсобрание!» Сползлись во круг парторга. Долго, не глядя друг на друга, молчали. Не сразу заговорил и парторг. Буквально выкрикнул: «Товарищи коммунисты! Вы видели, что сейчас произошло! Лучше погибнуть в бою!» Так и записали в решении: «Биться до последней капли крови. Умереть в бою». Особистами и Военными трибуналами расстреляно 150 тысяч человек. Никогда не узнаем, сколько из них — невинные жертвы. А сколько расстреляли без суда и следствия! Как определить ту меру жестокости, которая была необходима, чтобы победить? Необходимую ли? Всегда ли? Я не берусь определить меру жестокости, необходимой для Победы. Ни оправдать, ни опровергнуть.

СОПРИЧАСТНОСТЬ

Г.К. — Вообще, нужно ли писать сейчас всю горькую и тяжелую правду о войне?

Е.Г. — Не знаю даже, что вам еще рассказать, чтобы

вы поняли, какой страшной бывает война. Сколько людей уже ушло из жизни, так и не поведав людям, что им пришлось испытать, не рассказав свою правду войны. А сколько еще живы, но молчат, думая, что никому это уже не нужно.

Мой товарищ Алексей Дуднев, командир пулеметного взвода, раненный в голову, пуля попала под левый глаз и вышла в затылок, выползал из окружения. Полз по полю боя, вокруг свои и чужие убитые. На горизонте показалась редкая цепочка людей. Они шли к передовой, время от времени наклонялись. Санитары, подумал он, и пополз им навстречу. До слуха донесся пистолетный выстрел. Не обратил внимания. Раздалось еще два сухих хлопка. Насторожился, присмотрелся. Люди были в нашей форме, из «азербайджанской» дивизии. И тогда он понял — мародеры! Пристреливают раненых и обирают убитых. Остаться в живых после смертельного ранения и погибнуть от рук своих! Какие это свои? Они хуже фашистов. Пристрелят! — горько думал он, но продолжал ползти. Встретились. С трудом повернув голову, он попросил: «Ребята! Пропустите!» И они его пропустили! То ли сжалились над его молодостью, то ли автомат — которым он все равно не мог воспользоваться — произвел впечатление, но пропустили! Еще не веря в свое второе спасение, пополз дальше и к утру приполз в медсанбат. Медсанбат был другой дивизии, и его не приняли. Фронтовики знают, что в наступлении медсанбаты, как правило, принимали раненых только своей дивизии и очень неохотно из других соединений. Там такой поток раненых идет, что обрабатывать их не успевали. Это было ужасно обидно и казалось кощунством, сейчас можно возмущаться сколько угодно. Но так было нередко. Дали Алексею кусок хлеба. Есть он не мог, рот почти не открывался. Отщипывал маленькие кусочки,

проталкивал сквозь зубы и сосал. И полз дальше. Отдыхал и снова полз. Так дополз до госпиталя, там приняли и перевязали. На пятые сутки после ранения. И это не выдумка.

Солдат нашего батальона (не буду называть его фамилию, он прошел войну и, возможно, еще жив), парень 19 лет. Так случилось, что батальон освобождал его родное село, которое было взято без боя. Дом его находился на окраине. Пока до дома дошел, соседи рассказали, что мать спала с немцами и его невесту тоже вовлекла в эту грязь. Солдат весь затрясся. Зашел в дом и застрелил мать! Хотел и девушку свою застрелить, да не успел, комбат вовремя в дом зашел и не позволил убить. Как сейчас это все осмыслить? Каждую личную трагедию?..

Г.К. — Наградной темы коснемся?

Е.Г. — В 1942 году солдата нашего полка наградили медалью «За отвагу». Весь полк собрали на митинг по поводу его награждения. Награждать начали щедро только с 1944 года, и не всегда по боевым заслугам. А от нас вообще не зависело — дадут орден или медаль, послали наградной лист, а потом ищи-свищи, у меня так было не один раз. В принципе никакой справедливости в этом отношении не было никогда. Я видел солдат после шести(!) ранений с одинокой медалью на груди. В штаб приезжаешь — там сплошные «иконостасы» на кителях. В штрафную роту я пришел с двумя орденами Красной Звезды, а за последний фронтовой год получил орден Отечественной войны. Хотя в штрафной роте за каждую атаку можно было справедливо и спокойно по ордену давать. Я за наградами не гонялся и у начальства не выпрашивал. Один раз только, в 1943 году, спросил комполка, что слышно про орден Красного Знамени, к которому был представлен, а в ответ услышал что-то типа: «В стране на

вас всех скоро благородного металла не хватит». Ну, а для него, конечно, хватило. Я начальству зад и сапоги не вылизывал.

Был писарь в штабе некто Писаренко (полное соответствие должности и фамилии), так он наградной лист уничтожил, фамилия ему моя не понравилась. Потом мне в госпиталь письмо написал. Каялся. Погиб он глупо, в конце войны.

А что дали или что не дали — какая сейчас разница. Евреев в наградах очень часто ограничивали, помимо своих примеров я знаю многие десятки подобных случаев. В пехоте, в отличие от танковых или артиллерийских частей, антисемитизм был махровым и процветал. Не забывайте еще одну немаловажную деталь, я был сын «врага народа». В личном офицерском деле это было указано. Вот, например, у Григория Поженяна, дважды представленного к званию Героя и не получившего этого звания, на личном деле было написано красным карандашом — «мать — еврейка, отец — враг народа». Тогда подобная аннотация звучала совсем не смешно...

Г.К. — Свой последний бой или последний фронтовой день помните?

Е.Г. — Боем это не назовешь, но как я встретил последний день войны, я вам сейчас расскажу. Курляндия. Уже сообщили, что Берлин взят. Взяли высоту, готовимся к атаке, саперы сделали проходы в минных полях перед нами. Напротив немецкие доты и четыре вкопанных в землю танка. До немцев метров триста. День «не обещал быть приятным». Смотрим: над немецкими траншеями шатаются белые флаги и исчезают. Все разочарованно вздыхают и матерятся. Вдруг белый флаг твердо возвысился над бруствером. На всякий случай артподготовку мы отменили. К нашим окопам никто не идет, видно, боятся получить в спину пу-

лю от своих. Все смотрят на меня. В роте я один знал немецкий язык, и иногда приходилось допрашивать пленных. Боец, стоявший рядом, мне говорит: «Да если что, мы от них мокрое место оставим». И оставляют. Такое подразделение. Только я не увижу того самого мокрого места. Встаю демонстративно на бруствер, снимаю пояс с пистолетом, кладу на землю автомат. Достая носовой платок, цветом отдаленно напоминающий белый, и на негнущихся ногах иду в сторону противника по разминированной тропинке. Тишина. Фронт замер. Вдруг сзади шаги. Один из наших штрафников, молодой и здоровый парень, меня догнал. Пошли дальше вдвоем и добрались до немецкой обороны целыми. Спустились к немцам в траншею. А они митингуют, кричат, на нас кидаются. Половина из них со знаками войск СС. Да, попали. Мой солдат нервничает, пот с него градом катится, да и я тоже гранату в кармане «ласкаю». И думаю про себя: «Это же надо, в последний день так глупо погибнуть придется!» Немцы говорят быстро, я от волнения слов не разберу. Привели к оберсту. А у меня ступор, кроме: «Сталин гут, Гитлер капут», — не могу ничего внятно сказать. С трудом овладел собой и командным голосом заявляю: «Гарантируем жизнь, питание, сдаваться выходить колонной через проход в минном поле, следовать строем в наше расположение и т.д. и т.п.». Оберст только головой кивает, понял, что я еврей, до разговора со мной не унижается. Пошли назад, я все эти метры ждал выстрела в спину. Обошлось. Когда немцы шли сдаваться, бойцы кричали «Ура!» и обнимались. Все понимали, что война для нас кончилась, и мы остались живы!!! Пленных немцев разоружили, «освободили» от часов и отправили дальше в тыл.

По случаю завершения войны весь личный состав нашей роты был амнистирован.

Г.К. — Пили на фронте много? Полагались ли штрафникам 100 граммов «наркомовских»?

Е.Г. — Как и всему личному составу фронтовых частей. Зимой, а также в наступлении, вне зависимости от времени года. Я на фронте пил мало. Бутылку водки делили спичечным коробком, поставленным торцом. Пять коробков — бутылка поделена. Самогонку бойцы часто доставали. Бывало, и древесный спирт по незнанию выпьют и погибают в страшных муках. Очень много народу погибло на войне по «пьяному делу».

Немцы досконально знали нашу психологию и часто, покидая оборонительные рубежи в каком-нибудь населенном пункте, оставляли нетронутую цистерну спирта на железнодорожных путях или целехонький завод винокуренный. А через пару часов отбивали этот пункт снова. У нас уже воевать было некому. Все были «в стельку». Примеры. Любого фронтовика спросите. Чего стоит только первое взятие Шауляя. Но дикий случай произошел на станции Попельня. Взяли станцию, а там цистерна спирта. Начали отмечать боевой успех. Через несколько часов на станцию прибыл эшелон немецких танков. Спокойно разгрузились и выбили нас оттуда. Наши танки «Т-34» стояли без экипажей. Танкисты изрядно приняли «на грудь». А пьяных командиров, решивших, «залив глаза», погеройствовать за чужой счет, хватало. Это я знаю не из книги Симонова, самого так начальники погнали на штурм высоты. Эту высоту полком было невозможно взять, а погнали мою единственную роту. Как водится, с обещаниями: «Не возьмешь высоту — расстреляем!» Видел я и как пьяный генерал застрелил командира батареи за то, что тот осмелился возразить, получив тупой гибельный приказ.

Мой комбат Ивашук тоже погиб, будучи пьяным. Выхал на белом коне на передний край и начал нем-

цев матом крыть. Немцы кинули пару мин, Ивашука легко ранило. Был бы трезвым, может, развернулся бы и ускакал в тыл, но он продолжал что-то немцам кричать, угрожая в сторону их окопов кулаком. Следующей миной его накрыло. Нелепая смерть...

Г.К. — Почему люди Вашего поколения, хоть и звучит это странно, называют годы войны лучшим временем своей жизни?

Е.Г. — Для многих людей моего поколения война была лучшим временем нашей жизни. Война, с ее неимоверной, нечеловеческой тяжестью, с ее испытаниями на разрыв и излом, с ее крайним напряжением физических и моральных сил — и все-таки — война. И дело не только в тоске по ушедшей молодости. На войне нас заменить было нельзя. И некому. Ощущение сопричастности с великими, трагическими и героическими событиями составляло гордость нашей жизни. Я знал, что нужен. Здесь. Сейчас. В эту минуту. И никто другой.

Интервью:

Григорий Койфман. Дуэль. 2005. 11 октября. № 41 (439); 25 октября. № 43 (441); 1 ноября. № 44 (442); 8 ноября. № 45 (443); 22 ноября. № 47 (445).

КАЖДЫЙ ЕГО ОРДЕН — ПАМЯТЬ О РОТЕ

...Григорий Григорьевич Высоцкий, пожалуй, единственный из фронтовиков Иркутской области был награжден орденами Красного Знамени, Богдана Хмельницкого и Александра Невского. Командовал он на фронте штрафной ротой.

Лейтенант Григорий Высоцкий прибыл в действующую армию из Омского пехотного училища, где он окончил краткосрочные курсы и продолжал службу командиром учебного взвода этих курсов, а с последним выпуском последовал на фронт. Он явился в штаб 70-й армии 1-го Белорусского фронта.

Офицеры штаба, не скрывая улыбки, буквально следят, с какими усилиями двухметроворостый лейтенант, почти пополам согнувшись, пробирается в узкую и невысокую дверь землянки.

— Богатырь, — нараспев обратился полковник к нему, продолжая листать личное дело Высоцкого. — Значит, сибиряк!

— Из Иркутской области, с Байкала.

— Так вот, вы назначаетесь командиром отдельной штрафной роты.

Высоцкий уже слышал о таких ротах, но о том, что ему придется принять такую самую, и думу не думал.

Вспоминая об этом эпизоде, Григорий Григорьевич вот что рассказал мне:

— Принял я эту роту. Приказ надо выполнять. Это было в начале осени 1944 года. А в октябре первый бой. В междуречье Вислы, Буга и Нарева части 38-й стрелковой дивизии пошли на захват плацдарма. С ходу рота вошла в прорыв первой линии обороны немцев. Одна контратака фашистов следовала за другой. Земля дрожала от взрывов. Слева и справа перли танки и самоходки, бомбила авиация, гремела артиллерия, строчили автоматчики и бухали минометы. Редкие часы затишья сменялись более жестокими атаками противника.

Это был плацдарм, с которого советские войска форсировали Вислу по направлению к Варшаве. Приведу один эпизод, характеризующий комроты Высоцкого. Ночью он посылает две группы автоматчиков в обход флангов немецкого участка обороны. И когда они одновременно открывают огонь, он с оставшимися солдатами, пользуясь замешательством противника, поднимается в атаку и буквально сметает врага.

Сериями подобных контратак плацдарм был удержан. И когда на смену пришли дивизии 49-й армии, рота Высоцкого вышла из боя. По его словам, только четверо остались живыми: связист, еще два солдата и он, командир роты. Лейтенант Высоцкий был тогда награжден орденом Александра Невского.

— Вот что такое штрафная рота, — тяжело вздыхая, говорит Григорий Григорьевич. — Конечно, осужденные военным трибуналом солдаты и разжалованные офицеры, бывшие заключенные искупали личную вину перед государством своей кровью, многие за проявленное мужество награждались орденами и медалями, становились в строй воинских частей.

Так было и в последующих боях на севере Польши. Генерал-полковник Попов, командующий армией, лично награждал отличившихся солдат вновь сфор-

мированной штрафной роты Высоцкого. Они первыми вышли на улицы города Хойтице, пробив немецкую оборону. А старший лейтенант Высоцкий был награжден орденом Богдана Хмельницкого третьей степени. Отличились бойцы его роты и в боях за город Сопот, между Данцигом и Гдыней. Эти два морских порта Польши на Балтийском море как города-крепости ненадолго задержали натиск наступающей нашей армии, но бои были тяжелыми. Контратакам немцев умело противостояла и рота Высоцкого. Ее офицеры и солдаты одну за другой отражали контратаки врага. Здесь он и был ранен в правую ногу, и на этом 27 марта 1945 года для Григория Высоцкого война закончилась. Приказом командующего 2-м Белорусским фронтом за свой последний бой по освобождению Гдыни капитан Высоцкий награжден орденом Красного Знамени...

Восточно-Сибирская правда. № 24248. 2002. 20 июня.

ИСКУПИТЬ КРОВЬЮ

Ветеран Великой Отечественной войны полковник в отставке Иван Илларионович Рошин воевал с августа сорок первого до Победы. Служил в артиллерийском полку, был агитатором. Мы знаем его еще и как военного журналиста, сначала корреспондента армейской и дивизионной газет на фронте, а в мирное время — специального корреспондента газеты «Труд».

На фронте история творилась, можно сказать, на глазах, и очень хотелось сохранить ее, донести до будущих поколений именно в деталях, которые, как известно, неизбежно стирает в памяти безжалостное время.

И вот в те времена, когда было рукой подать «кому до ордена, ну, а кому до «вышки», отчаянный политрук Рошин носил в противогазной сумке общую тетрадь, куда записывал наиболее значительные и чем-то поразившие его события тех далеких фронтовых дней.

Однажды его поймал на этом контрразведчик:

— Что там у тебя? Ну-ка покажи!

Молодой офицер просил оставить тетрадь у него:

— В плен не сдамся, а если и найдут записки у мертвого, то фрицам от них точно никакой пользы!

— Ладно, воюй, — почему-то смягчился «блуститель порядка». — Но тетрадь все-таки сожги!

Но что-то заставило Рошина послушаться. А со вре-

менем он даже завел вторую тетрадь. Эти записи уже в мирное время легли в основу очерковых книг Ивана Рощина о героях Великой Отечественной войны.

Сегодня мы попросили Ивана Илларионовича вспомнить период войны, когда Родина и партия направили его, молодого офицера, служить в штрафную роту, где на него были возложены обязанности агитатора.

— Вы провинились перед Родиной, и ваша главная задача — искупить вину кровью!

В память тех, кто прошел Великую Отечественную, навсегда врезались слова знаменитого сталинского приказа № 227. Не говоря уже о людях, которых приказ коснулся непосредственно. Ни шагу назад! И других мыслей просто не возникает. И вина твоя перед Родиной такова, что смыть ее можно только кровью...

На войне, как и в жизни, переплелось горькое и смешное. Но это понимаешь потом, а поначалу ты грубо выдернут из мирной жизни и, необстрелянный, бежишь в свою первую атаку. Боевой путь старшего сержанта Ивана Рощина начинался в артиллерийском полку, где был он командиром взвода. Южный фронт, страшные бои. Танков у противника — тьма, самолеты постоянно висят над головами наших. 31-я стрелковая дивизия из-под Таганрога отступала до Ростова-на-Дону. Потом перешла в контрнаступление и заняла прежние позиции на реке Миус.

— Как сейчас помню, — рассказывает Иван Илларионович, — вместе с командиром дивизиона майором Васильевым смотрим мы в стереотрубу. По шоссе нет движения, а слева что-то копошится. Наводим резкость — голые немцы бегают вокруг кирпичного здания! Воспользовавшись передышкой в боевых действиях, измученные вшами немцы решили устроить для себя баню. С помощью наших артиллеристов «баня»

получилась кровавая. Старший сержант Иван Рошин был награжден за эту операцию орденом Красной Звезды. В сорок первом! Тогда и орденов-то еще никто толком не видел. Подходили, смущаясь, переминались с ноги на ногу, разглядывали награду. Одну из первых не то что в полку — в дивизии!

Потом был отход на Кавказ. На пути от Ростова до Батайска немцы бомбили, как озверелые. Тяжело контуженный Рошин попадает на несколько месяцев в сочинский госпиталь. В больничных стенах время течет медленнее, а информация с фронта бьется о белую толщину повязок и не может проникнуть в замутненное сознание. Очнешься — а все уже по-другому, жизнь ушла куда-то вперед, изменилась до неузнаваемости и изменила тебя.

Выйдя из госпиталя, Рошин узнал, что создаются штрафные роты и штрафные батальоны. В отделе кадров 47-й армии обрадовались:

— О, политрук, ты к нам вовремя! Пойдешь агитатором в штрафную роту.

— Вот это попал! — уныло думал Рошин, выйдя на пыльную даже зимой улицу Новороссийска. Очень не хотелось ему исполнять этот приказ — ведь он был артиллеристом и мечтал вернуться в свой полк. Да деваться было некуда. Штрафная рота уже формировалась, и само ее название наталкивало на невеселые мысли.

Дезертиры, паникеры — ничего не скажешь, веселая компания! Одно грело — хоть командование такой роты — не штрафники. Командир — на правах командира полка, выслуга идет — полгода за один месяц. Видно, в горячих местах воевать придется! Он не ошибся, потому что это и была концепция штрафной роты. Рота была придана стрелковой дивизии и занимала позиции в горах северо-восточнее Новороссийска у ста-

ницы Шапсугской. Хмурого поначалу агитатора встретили тепло, и вот он уже ходит по окопам, знакомится с личным составом, выслушивает первые — и сразу непростые — вопросы. Пожалуй, самые правильные ответы на них даст война.

Заканчивается сорок второй год. И вот — первые бои рядом со штрафниками. Кто они были, эти люди? Как вспоминает Иван Илларионович, в большинстве своем они действительно совершили воинские преступления — дезертировали во время боя или трусили в ответственный момент. Например, был такой «вояка» — старший лейтенант Шлеймович, который ухитрился на машине добежать до Баку. Там его, как говорится, и повязали, судили и отправили в Тбилисскую тюрьму, откуда штрафная рота и получала, главным образом, «пополнение». Иногда поступало человек по двести — двести пятьдесят, целых два батальона. Поэтому и участок фронта штрафникам отводился немаленький.

Как известно, место штрафной роты во время боя — передний край. Несколько артиллерийских залпов — и вперед, только вперед те, кому нечего терять, кого немцы боятся пуще огня и часто психологически не выдерживают такой атаки — ведь отчаявшийся человек способен на любой, самый невероятный поступок. Наверное, это было зрелище не для слабонервных. «...Вы лучше лес рубите на гробы — в прорыв идут штрафные батальоны», — пел спустя десятилетия после войны Владимир Высоцкий.

Всякое бывало во время боя. Брали высоту — не взяли. А куда ни глянь — сплошь убитые и раненые. Между ними пробирается младший политрук Рошин с планшетом в руке — надо составить списки. С убитых судимость снимается автоматически. Документы на раненых подадут в трибунал дивизии — вина перед Родиной смыта кровью.

Однажды в штрафную роту привезли необычное пополнение. Это были моряки из Поти, человек тридцать. Командир роты, бывало, говорил Рошину:

— Иди, Иван, разберись, что там за публика!

На этот раз «публика» действительно была неординарная. Боевая — в самом прямом и конкретном смысле этого слова. Вернувшись из очередного похода, пошли в увольнение на берег. Помянули погибших товарищей и очень не понравились морякам рыночные торговцы — здоровые мужики, место которых в трудный для Родины час, конечно, не за прилавком, а на фронте. Ну, моряки и объяснили им это на деле, за что угодили под трибунал — с подачи местных властей. Вот моряки и говорят, тоскуя:

— Дайте вы нам какую-нибудь настоящую работу! Что мы — в окопах будем сидеть?..

Штрафникам в разведку ходить не разрешалось. А нашей дивизионной разведке никак не удавалось взять языка. Моряки загорелись этой идеей — да мы вам притянем — и не одного! В течение нескольких дней они изучали расположение противника, распорядок дня педантичных немцев. А потом просто «нокаутировали» их, напали умело и неожиданно. Многих перебили, а пятерых — кляп во рту — доставили в расположение роты. Пленных сразу же забрали разведчики, дивизия получила благодарность, а штрафная рота... Она и есть штрафная. Хорошо, хоть моряков вскоре удалось отпустить.

Со вновь поступившими разжалованными офицерами тоже приходилось беседовать агитатору. Полковник, командир бригады получил приказ перебазироваться в горы. Некоторые подразделения не уложились в отпущенные командованием сроки. Горы таят множество неожиданностей, и рассчитать время операции с точностью до часа крайне сложно. Тем не ме-

нее, трибунал и штрафная рота полковнику были обеспечены.

Командир роты все понял правильно:

— Полковника не так просто вырастить! Он нужен фронту.

И после ближайшего боя, где полковник проявил себя отважным санитаром, его отправили восвояси. Летом сорок третьего шло наступление на Анапу. На дороге, забитой техникой и солдатами, из «виллиса» выпрыгнул офицер и, подбежав к капитану Рошину, порывисто его обнял. Благодарный был человек этот полковник.

Доходило со штрафниками и до анекдота. В очередном пополнении — майор, начальник Военторга. Не секрет, что у многих командиров на фронте имелись ППЖ — походно-полевые жены. И не секрет, что они порой позволяли себе капризничать. По заказу командарма начальник Военторга сшил его подруге шикарные сапожки. Как не похвалиться обновой перед дамами. В итоге начальник штаба потребовал для своей сапожки еще лучшие. А материала у майора больше не оказалось... В общем нашли повод и отдали беднягу под трибунал.

Рошин вспоминает, как использовали сохранившиеся связи военторговца в штрафной роте. На переднем крае зарплату, естественно, девать было некуда. Деньги скапливались просто мешками! Командир роты и говорит майору:

— Вот тебе лошадь, мешок с деньгами и пустые мешки. Поезжай и купи, что можно.

А можно было и шампанское к празднику, и популярную тогда американскую колбасу в консервах, и халву ореховую. Каждый день под пулями — так хоть поесть и выпить перед смертью!

Что и говорить, таких «счастливых исходов» были

единицы. А порой жизнь ставила задачи, решать которые затруднялись даже опытные вояки. В одном из новых пополнений оказалось семь девушек — медсестер. Все отступали, и они бежали вместе со всеми, пока не остановил их заградотряд и — в штрафную роту. Командир мудрый, в летах мужик, лишь вздохнул тяжело:

— Дожили... Женщин — в штрафную роту. Их дело не воевать, а рожать.

Решили сделать все, чтобы вышли девчонки живыми. Первый их бой был под станицей Абинской. Иван Рошин как агитатор впереди. Прикрывает их вместе с другими.

— Помню ее имя — подружки звали ее Галкой. Разворотило ей, бедной, ногу, да так, что не то что идти — ползти не могла.

Взвалил Иван девушку на плечи и больше километра тащил на закорках, пока не сдал санитарам. Галка, пока была в сознании, все переживала:

— Скажите, теперь я уже не буду считаться штрафником?

А одну из них все-таки не уберегли...

Смелые и гордые были девчата. На их фоне особенно отвратительно выглядели солдаты-трусы. Одного из них, сидевшего в кустах и палившего в воздух во время атаки, чуть не пристрелил сам командир роты.

Страшная была война. Безжалостным был сталинский приказ № 227. И все-таки... Если Родина в опасности — ни шагу назад.

В БОЙ УХОДИЛИ ШТРАФНИКИ

Все мы, от «простого матроса» (П.Д. Бараболя воевал в составе Волжской военной флотилии. — *Сост.*) до командующего фронтом, жили тогда приказом № 227 народного комиссара обороны И.В. Сталина. Он теперь широко и хорошо известен как исторический документ, который своими жесткими требованиями спаял волю и мастерство защитников города на Волге в единую необоримую силу. В твердых, непрекращаемых параграфах приказа заключалось короткое, как выстрел, и емкое повеление: «Ни шагу назад!» В войсках оно мгновенно обрело живой, конкретный и беспощадный смысл: «За Волгой для нас земли нет!» Приходят на память слова из «Разных дней войны» Константина Симонова, очень точно определившие самую суть единственного в своем роде приказа Сталина: «По-моему, главное в том, что людям, народу (приказ зачитывался всем войскам) мужественно сказали прямо в глаза всю страшную и горькую правду о той пропасти, на грань которой мы тогда докатились».

Как это зачастую бывало раньше, да нередко случается и теперь, у нас вначале издаются циркуляры, а потом уже подбирается материальная основа для наполнения. Нечто подобное произошло и с формированием штрафных подразделений.

Самое же существенное упущение, на мой взгляд, состояло в отсутствии статуса, правового положения, определяющего особое (своей необычностью) место штрафных подразделений. Здесь иные ретивые начальники могли безнаказанно унижать человеческое достоинство «штрафника», бросать людей на заведомо верную гибель, далеко не всегда вызванную интересами достижения боевого успеха: «Штрафники!..»

Потом стали объявлять о назначениях. Рота вырисовывалась довольно внушительным по численности личного состава подразделением: ее составляли пять взводов, каждый по 60—70 человек. Ротный командир, им стал старший лейтенант Петр Матвеев, был наделен правами комбата. В штате взводов, учитывая их многочисленность и особую категорию рядовых, были заместители командиров по политчасти.

Один за другим получали назначение на должности мои сослуживцы. Наконец очередь дошла до меня.

— Лейтенант Бараболя! Будете командовать пулеметным взводом.

— Есть!

Тут же прикинул: какие это могут быть пулеметы? Наверняка давно заявивший о себе в боях станковый пулемет «максим», возможно, и ручной дегтяревский — тоже надежная машина. Как потом оказалось, я не ошибся. Взводу передали три «станкача», один ручной и шесть противотанковых ружей. Совсем неплохое оснащение!

При назначении ко мне во взвод заместителя по политчасти неожиданно произошла заминка. Когда на эту должность назвали старшего лейтенанта Георгия Шебуняева, выдержка ему, не новичку на фронте, изменила. Побагровев, он торопливо поднялся, враз как-то преобразившийся и надломленный:

— Товарищ дивизионный комиссар, куда угодно,

только не к штрафникам. За что? Лучше в любую другую роту. Хоть на самый передний край.

Он сидел рядом со мной, и я в сердцах дернул его за рукав кителя, выдохнул: «Ты что несешь? Садись, молчи...»

Шохин (заместитель начальника политотдела флотилии. — *Сост.*) резко остановил внезапно смалодушничавшего старшего лейтенанта:

— Не пойдете замполитом — станете штрафником сами. Это я вам обещаю твердо.

Нет, никогда потом не праздновал Шебуняев труса, хотя взвод наш, бывало, как и вся рота, попадал в такие передряги, какие не доводилось встречать в самых «закрученных» сюжетах приключенческих повестей «про войну». Просто под влиянием уже вовсю ходивших былей и небылиц о штрафных ротах, их якобы стопроцентной обреченности, у человека что-то надломилось, и сиюминутная слабость выплеснулась наружу. Как бы то ни было, впоследствии с Жорой Шебуняевым мы вполне сработались.

Вскоре мы, новоявленные командиры, в том числе и отделенные (они не были ни осужденными, ни штрафниками) принимали подчиненных. Было это неподалеку от Ахтубы, в деревне Кильяковка. Прекрасный яблоневый сад, где шла передача людей, благоухал давно созревшими плодами. И хотя по ту сторону Волги кипели бои, а по вечерам далекое сталинградское небо плавил сполохи пожарищ, здесь все-таки было относительно спокойно.

Первое знакомство со штрафниками произвело гнетущее впечатление. Конечно, внешне это были вполне, что называется, нормальные парни или молодые, до тридцати лет, мужчины — улыбчивые и настороженные, угрюмые и лукавые. На большинстве из них ладно сидела военная форма. Ну, просто хоть пиши с

иных иллюстрации для строевого устава! Однако совершенно по-другому смотрелся «послужной список» этих людей. Военные трибуналы за совершенные воинские или уголовные преступления «отмерили» им суровые наказания — от пяти лет до смертной казни. Последних во взводе оказалось семеро. Тут было над чем задуматься.

Как теперь отчетливо понимаю, в тот раз и я, в прошлом учитель, и мой боевой замполит Шебуняев рассудили очень верно, приняв полученные сведения лишь как предварительную информацию. «Жизнь, бои покажут, — рассуждали мы, — кто есть кто». В глубине души понимали, что, вероятно, далеко не все эти преступники злонамеренно пошли против закона и присяги. Возможно, кого-то привели на скамью подсудимых оплошность, досадные промахи в делах, а то и просто слабохарактерность. Тем не менее мы отдавали себе отчет: среди этих шестидесяти человек (а в роте насчитывалось более трехсот) есть наверняка и такие, кого отнюдь нельзя было назвать ангелами. Что, кстати, подтвердилось очень скоро.

Всего через неделю, когда мы только-только присматривались к новичкам, нашу отдельную штрафную роту буквально потрясло сообщение о тяжелейшем чрезвычайном происшествии. Два человека из взвода старшего лейтенанта Василия Чекалина, прикинувшись такими простачками, напросились в гости к жившим на отшибе Кильяковки немолодым уже людям. После недолгого знакомства они убили старика, изнасиловали его 12-летнюю внучку и бросили вместе с бабушкой в подвал, завалив вход рухлядью. Потом отпетые уголовники (фамилия одного из них, здоровенного и наглого детины, запомнилась — Никитин) учинили на подворье несчастных людей погром.

Опытный следователь быстро вышел на след банди-

тов. В отношении их был вынесен скорый и справедливый приговор выездной сессии военного трибунала: «Расстрелять!»

Специально прибывший к нам по этому необычному случаю член Военного совета Волжской флотилии контр-адмирал Бондаренко, обращаясь к притихшему строю присутствующих на публичной казни людей всей роты, произнес гневную речь. Нет необходимости пересказывать ее. Скажу только, что, как мне показалось, все без исключения были готовы к тому, чтобы приговор привести в исполнение лично. Это, однако, сделал особый отряд НКВД. Когда его бойцы взяли винтовки на изготовку, Никитин не выдержал. Рухнув на колени, этот громила умолял пощадить его, раскаивался в содеянном, клялся в готовности идти хоть сейчас в самое пекло боя, хоть в ад. Выстрелы оборвали запоздалые заклинания.

В свои двадцать три года я успел насмотреться смерти в лицо, видел, как погибают люди. Сколько раз сердце сжималось при этом! Но публичный расстрел двух бандитов не вызвал ни малейшего сострадания.

Как-то неувлимо стало меняться отношение людей к службе. Поубавилось число нарушений дисциплины, [бывшие] матросы старательнее стали относиться к занятиям. А это было теперь нашим первейшим делом. И неспроста. Для иных пулемет, ПТР были незнакомы. Приходилось растолковывать азы и премудрости владения оружием, учить всему тому, без чего в бою не обойтись. Надо заметить, что особо убеждать подчиненных в прописных армейских истинах не приходилось. Оно и понятно. Кому хотелось стать на поле брани мишенью! Матросы и старшины к тому же прекрасно понимали, что их, штрафников, непременно будут бросать на самые опасные участки, где лишь собственное боевое умение может стать гарантией выживания.

Как бы то ни было, за те две недели, что нам отпустили на формирование и некоторую доподготовку личного состава, я многое узнал о своих новых подчиненных и окончательно убедился: нет, не потерянные они люди.

Типичной в таком плане представляется мне судьба паренька из Тамбовщины Николая Щербакова. Нам, взводным, полагалось иметь ординарцев. Понятно, не для того чтобы чистить сапоги или раздувать самовар. Боевая обстановка требовала живой оперативной связи с соседями, быстрой реакции на складывающуюся ситуацию. Для выполнения таких и иных, порой непредсказуемых, задач нужен был человек смелый, сообразительный и надежный во всех отношениях. Щербаков — крепыш, крестьянский сын, толковый противотанкист, — по моим наблюдениям, вполне подходил на роль ординарца. Поначалу, однако, сдерживало немаловажное обстоятельство — он был приговорен, как дезертир, к расстрелу. А что если, воспользовавшись некоторой «вольницей» при выполнении приказа, оказавшись вне контроля за расположением подразделения, махнет сперва куда-нибудь в тыл, а потом и на родную Тамбовщину?

И вспоминались его искренние раскаяния. «Великую глупость я по молодости совершил, товарищ командир. Никогда себе не прощу, — часто сокрушался Щербаков в те холодные ноябрьские ночи, когда я оказывался рядом с ним в траншее. — После ранения, на побывке дома, приворожила меня одна краля, не хватило сил и ума вовремя избавиться от ее чар. Месяц не являлся в часть. И вот — дезертир, вышка... Но ничего, я еще докажу, что умею исправлять ошибки...»

Он доказывал это неоднократно. Постоянно рвался туда, где жизнь бойцов висела на волоске и где огонь его противотанкового ружья оказывался как нельзя

кстати. С огромным уважением и теплотой вспоминаю Николая Щербакова еще и потому, что он дважды отводил от меня беду — закрывал собой, когда в разгар боя попадали мы под губительный артиллерийско-минометный обстрел немцев. А вот себя отчаянный парень не уберег.

И вот что любопытно: за время почти шестимесячного командования штрафниками я не помню случая, чтобы кто-то дезертировал из роты, сбежал с переднего края. Могут возразить: дескать, попробуй сбеги, если в тылу стоят заградотряды. Но, во-первых, не припомню случая, чтобы где-то привелось увидеть пресловутый заслон. А во-вторых, твердо убежден: все-таки поступками этих людей, оказавшихся на фронте, двигало чувство их причастности к святому делу защиты Родины. Когда-то оступившись, они всем своим поведением стремились смыть с себя «темное пятно», пусть и собственной кровью, а зачастую — и жизни.

Справедливости ради надо сказать, что очень быстро рассматривались дела тех, кто смывал вину «первой кровью». С них без проволочек снимали судимость, и они после госпиталей или медсанбатов в нашу 610-ю штрафную уже не возвращались.

Не были забыты будто бы и офицеры, командовавшие подразделениями штрафников. Месяц службы им засчитывался за полгода. Были предусмотрены досрочное присвоение званий, щедрые награды, особый паек и другое в том же духе. В основном же многие посулы оставались на бумаге. «Специальный паек», например, запомнился промерзшими консервами и ежедневным гороховым супом (до сих пор к этому уважаемому блюду у меня сохранилось стойкое отвращение). Но все это, конечно же, мелочи. Можно было смириться с тем, что тебя обошли наградой, позабыли о своевременном присвоении звания. И впрямь, до того

ли было, когда под Сталинградом, в сущности, решалась судьба Родины!

Но вот бездумное, пренебрежительное отношение к людям нельзя было оправдать ничем. Так случилось и под Стародубовкой.

Немцы укрепили деревню основательно. Все подходы к своему переднему краю они перекрыли многослойным огнем, густо усеяли противопехотными и противотанковыми минами. Малейшее подозрение на атаку с нашей стороны вызывало у немцев самые решительные действия. Даже не слишком искушенному в военном деле человеку было совершенно очевидно, что овладеть таким сильно укрепленным опорным пунктом без всесторонней предварительной его «обработки» просто невысказанно, бросать на него людей — настоящее безумие. Тем не менее мы получили приказ: «Взять Стародубовку».

Стояла необычно холодная для этих мест зима. Вокруг, насколько хватало глаз, лежал глубокий снег, и это создавало дополнительную трудность, сковывало маневр. Немцы подпустили нас метров на двести и ударили из всех стволов. Сразу появились раненые и убитые, а мы только-только сдвинулись с «насиженных» мест. Новая попытка продвинуться вперед стоила еще нескольких человеческих жизней. Тут бы и прекратить неуместную затею — атаку без основательной артиллерийской подготовки. Но нас вновь и вновь толкали вперед. В один из таких бессмысленных бросков нас накрыл минометный огонь, и я лишь услышал, как охнул находившийся неподалеку от меня Щербаков. Он так и остался лежать на заалевшем снегу, сраженный осколком наповал.

В том бесславном бою, когда, к слову, я получил легкое ранение в руку, но остался в строю, почти третья часть взвода полегла под Стародубовкой, так и не

овладев ею. Погибли многие из тех, кто уже давным-давно, в предыдущих боях, своим мужеством, верностью воинскому долгу заслужил право быть реабилитированным и без «первой крови». Приходят на память имена этих ребят: Блинов, Бабенко, Плотников, Никифоров... Да разве всех перечислишь!

Между тем, когда операция «Кольцо» по окружению и уничтожению 300-тысячной группировки немцев в районе Сталинграда успешно завершилась, наши войска располагали в достаточном количестве разнообразной боевой техникой и вооружением, в том числе и знаменитыми «катюшами». Так что имелись все возможности избежать напрасных жертв. Как это было, допустим, при взятии той же деревни Елхи. Тогда нашей атаке предшествовала достаточно надежная артподготовка. Десятки орудий и минометов обрушили уничтожающий огонь на хорошо разведанные позиции противника. Вслед за тем двинулись вперед танки, а уже по следам их гусениц рванулась к вражеским траншеям 610-я отдельная штрафная. Противник был деморализован и быстро отступил, понеся ощутимые потери. Мы же выиграли бой практически без человеческих жертв.

Не забыть мне одной схватки с гитлеровцами, когда уже позади остались отвоеванные нами Елхи и другие населенные пункты на ближних подступах к Сталинграду. Крепким орешком оказалась на пути деревня Песчанка и притулившаяся к ней высота с отметкой 130,6. Деревушка и до боев была совсем неприметная: пожалуй, и самокрутки не выкурил бы, проходя ее из конца в конец. Теперь и вовсе остались здесь лишь дымоходные трубы да искалеченные разрывами деревья. Но укрепили немцы Песчанку и ту невзрачную высоту по всем правилам жесткой обороны. Тут и там бугрились перекрытия дзотов, в полосе окопов угадыва-

лись артиллерийские позиции, непроходимыми, по данным разведки, представлялись минные поля.

Мы попытались взять этот рубеж с ходу, без тщательной подготовки и огневой поддержки. Не получилось. Только понесли неоправданные потери. Пришлось начинать все сначала. За несколько часов, предшествовавших нашей новой атаке (было это 22 января, когда оставались буквально считанные дни до полного краха немцев под Сталинградом), я, укрывшись за бруствером траншеи, долго всматривался в смутные очертания переднего края немцев. И наивно подумалось тогда: может, сдадутся без боя, на милость победителей, ведь уже совершенно очевидно, что из «котла» им никак не выбраться? Но противник, конечно, и не помышлял о подобном повороте событий. Стояла глухая ночь. «Нейтральную» полосу непрерывно подсвечивали ракеты, откуда-то тянулись рваные клочья дыма, неумолчно гремела оружейная канонада. И было ясно, что противостоящая сторона так просто отсюда не уйдет, не сложит покорно оружие.

Морозы крепчали — столбики термометров жались у сорокаградусной отметки. Когда в дымных разрывах проглядывала тусклая луна, она казалась обледеневшей от нестерпимой стужи. Не сказать, что мы были одеты «по сезону». Жидкие шинелишки и кирзовые сапоги оказались совсем ненадежной защитой от январских холодов, и это не придавало бодрости штрафникам. Тем не менее все они, чувствуя скорую победу, рвались в бой.

После надежной артиллерийской подготовки мы штурмом овладели Песчанкой, а потом и высотой 130,6. И если бы у меня тогда спросили, кто же из подчиненных особо отличился, я, не задумываясь, назвал бы всех без исключения. Правда, из лучших выделил бы самого лучшего — пулеметчика Дмитрия Агеева.

Крепко поработал он со своим «максимом». Немолодой уже боец (ему было, кажется, за сорок) на одном этапе боя выручил всю роту. В самую критическую минуту, когда немцы почувствовали слабинку на нашем левом фланге, по моему распоряжению он расторопно выдвинулся на опасный участок и без промедления открыл огонь. Немцы попытались подавить нашу огневую точку, однако Агеев не дрогнул. Несколько позже, когда и Песчанка, и высота были в наших руках, мы увидели трупы гитлеровских солдат, большое их число Агеев мог смело отнести на свой боевой счет. Многие немцы попали в плен, немало взяли мы и трофейного оружия. Однако и сами пострадали крепко: в моем взводе осталось лишь 22 человека. Это от пятидесяти-то с лишним!

В самом конце декабря 42-го нашу роту вывели во второй эшелон — для пополнения и приведения в порядок после тяжелых боев. Вскоре разнеслась необычная весть: к нам пожаловали гости, чтобы поздравить с Новым, 1943 годом. «Гостями» оказались две девушки-школьницы лет 12—14. До сих пор не могу представить, как им удалось из Бекетовки добраться в район, который оставался зоной боевых действий. Всем нам, и штрафникам, и командирам, они говорили какие-то добрые, необыкновенные слова, желали победы, долгих лет жизни и всего другого, что подсказывали им их славные детские сердца. Потом наши очаровательные гости вручили нам новогодние подарки: пакетики с самосадом и пироги с картошкой. Это, видно, было все, с чем могла послать детей прифронтовая Бекетовка. Сколько уж лет прошло с той далекой поры, но всякий раз, когда память воскрешает трогательную незабываемую встречу, на глазах у меня навертываются слезы.

Немцы откатились в Сталинград, и за его южную окраину нам вновь пришлось драться не на жизнь, а на

смерть. Рота вскоре оказалась недалеко от универмага, вокруг которого, как это хорошо известно, разгорелись ожесточенные бои. Позже, в последний день января 43-го, мы увидели метрах в трехстах картину, ставшую поистине исторической. В кольцо наших бойцов, державших автоматы на изготовку, понуро движутся группы пленных гитлеровских генералов и офицеров, а также солдат. Потом стало известно, что в одной из таких групп находился сам генерал-фельдмаршал Фридрих Паулус.

Эпизод этот стал символическим. Он как бы зафиксировал конец Сталинградской эпопеи. Остатки нашей роты после прибытия в район Подмосковья были переданы в другие, «нормальные», подразделения. Офицеров-моряков отозвали во флотский полуэкипаж, который размещался тогда в нынешней московской школе имени Зои и Александра Космодемьянских. 66-ю бригаду преобразовали в 11-ю гвардейскую бригаду морской пехоты.

Трудные и страшные были те бои, но ни один командир нашей роты, кроме капитана Матвеева, не был награжден ни одним орденом. Лишь в 1944 году за участие в Сталинградской битве я был удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени.

Бараболя П.Д. В бой уходили штрафники. // В книге «Живая память. Великая Отечественная война: правда о войне». В 3 томах. Т. 1. М., 1995. С. 354—364.

УЙМИТЕСЬ, ГОСПОДА, ХВАТИТ ЛГАТЬ

...Жизнь моя сложилась так, что я имею в какой-то мере личное отношение к патологически лживым сериалам «Курсанты», «Штрафбат», а также к спекулятивно обыгрываемому всеми СМИ такому явлению, как заградотряды. Но по порядку. В 1942 году военкоматом г. Сулак Саратовской области я был призван в Красную армию и направлен на учебу в Симферопольское стрелково-минометное училище, эвакуированное из Крыма в г. Балаково той же Саратовской области. Так я стал курсантом, о котором с издевкой повествуется в сериале, совсем не случайно выпущенном к 60-летию Победы. В течение 6 месяцев мы учились в непростых условиях небольшого города, вынужденного принять училище. А следует заметить, что Балаково в ту пору — город, не имеющий железной дороги, во многом зависел от навигации по Волге. Застывает от мороза река — появляются проблемы со снабжением. А военному училищу, курсантам много чего нужно было. Однако трудности преодолевались, хотя случались и непростые времена. Но все понимали обстановку — неподалеку шли тяжелые оборонительные бои за Сталинград, и порой фашистские самолеты сбрасывали бомбы и на Балаково.

И тем не менее мы изучали военное дело, много внимания уделялось стрелковой и тактической подго-

товке, знанию материальной части стрелкового оружия, минометов, строевой, политической подготовке. Важное значение придавалось штудированию уставов. Требование преподавателей-офицеров к нам, курсантам, было строгим. Они требовали знаний. Расчеты для стрельбы из минометов, например, должны были производить быстро, в уме. Очень строгой была и дисциплина. Все понимали, что здесь готовят офицеров, пусть и младших, но офицеров. Став курсантом осенью, к середине весны мы были одеты в новую офицерскую форму и нам объявили об окончании училища. Всем нам присвоили звание младших лейтенантов, выдали погоны с одной звездочкой и отправили в резервный офицерский полк неподалеку от станции Татищево, откуда действующие армии черпали командиров взводов — минометчиков, станковых пулеметчиков, строевиков. И очень быстро из резервного полка я попал на фронт в 129-ю стрелковую дивизию, в честь которой в Москве был произведен самый первый салют за взятие Орла и которой было присвоено звание Орловской. Знаменита дивизия еще и тем, что, будучи созданной в тяжелейшее время для защиты Москвы, она принимала участие в историческом параде на Красной площади 7 ноября 1941 года, о чем свидетельствуют мои старшие товарищи и документы, хранящиеся в музее дивизии. Я же был горд тем, что мне повезло воевать в составе этой дивизии до конца войны, пройдя с ней с боями до Берлина. Так и каждый курсант-выпускник по предписанной ему дороге прошел свой честный ратный путь в этой тяжелой войне.

Мы, молодые офицеры, комсомольцы, не имели ничего общего с тем, что показывают нынешние телеврали — полагаю, молодые, не представляющие себе, что такое война и, думая, не побывавшие даже в нынешних «горячих точках». Но, устроившись за большие

деньги, преспокойно врут, оскорбляя тех, кто в их годы учился военному делу и уходил на фронт драться с врагом. Многие из них погибли, не предполагая даже, что придет такое несправедливое, страшное время, когда и нынешние сверстники осмелятся оскорблять, оквернять их героический путь. И я уверен, что им предъявят счет за вранье, за оскорбление честных и героических людей, освобождавших Родину от фашизма. И пусть они тогда не оправдываются, что лишь выполняли приказ и никакой ответственности не несут. Вы, бывшие комсомольцы и коммунисты, будете нести ответственность за ныне содеянное!

Первое мое назначение в 129-й дивизии — командир взвода штрафной роты. Моя служба в штрафной роте не имеет ничего общего с тем, что показано в сериале «Штрафбат», осужденном всеми, кто воевал, кто знает в действительности, что такое штрафная рота и штрафной батальон. А упомянутый сериал по своей мерзости, глупости, несоответствия тому, что было, не имеет аналогов. Штрафные роты и штрафные батальоны появились в соответствии с грозным приказом № 227 «Ни шагу назад» Верховного Главнокомандующего Сталина — уже после разгрома немцев под Москвой. А необходимость его была продиктована тем, что некоторые части, соединения, убаюканные успехами, потеряли боевой задор, бдительность и начали под напором врага, который был еще весьма силен, оставлять свои позиции, отступать. И в соответствии с приказом были созданы штрафные роты для лиц рядового и сержантского состава, допустивших трусость, другие преступления, и штрафные батальоны — для лиц офицерского состава, виновных в ряде военных и иных преступлениях.

В нашей 63-й армии генерал-полковника Колпакчи был один такой штрафной батальон, которому генерал

придавал особое значение. Но в этом батальоне не было такого сброда, как показано в кинофильме, не было и непонятно откуда взявшихся студентов, не было и всякой шпаны, показанной в телесериале. И никогда не было, чтобы солдаты или офицеры, пусть штрафники, которым предстояло идти в бой на самых трудных участках, не были бы одеты, обуты, накормлены. И не было таких идиотов — политруков-кагэбэшников, тоже показанных в фильмах.

В штрафных ротах и батальонах, по собственному опыту знаю, не было жестокого обращения с подчиненными. Жестокость могла дать, особенно в бою, обратный результат. Со всей ответственностью заявляю, что никогда не было рукоприкладства, неуважительного отношения к штрафнику, который должен был пройти тяжелое испытание огнем и, что весьма возможно, смертью, чтобы очистить себя, свою совесть, свою честь перед родными и близкими от липкой приставки «штрафник». Я с ними шел в бой и видел, с какой яростью они шли на врага. И горжусь, что не ошибся в них. И ко мне они относились с уважением. После первых же боев, проявив смелость и стойкость, они переводились в нормальные части. Были раненые и погибшие. Вечная им память!

А офицеры-штрафники, как правило, в бою показывали свою лихость, мужество, понимая, что это единственный шанс очистить себя от скверны. Киноэпопея «Штрафбат», повторяю, с негодованием встречена теми, кто воевал и знает истину, а те, кто о ней пишет с восторгом, оскорбляя воевавших, не задумываясь плюют в душу старым воякам, опять же накануне 60-летия Великой Победы. Особенно восторженную рецензию на эту грязную стряпню дал в газете «Культура» № 39 от 7 октября 2004 года Максим Гуреев. Он свою рецензию начинает так: «А ведь, наверное, так и воева-

ли в ту войну — одна винтовка на взвод оборванных, полуголодных штрафников, садисты из особого отдела НКВД, бессмысленные рейды в тыл противника, из которых никто не возвращался, студенты-добровольцы и уголовники» и т.д. «И происходило все это в стране, где одна половина сидела, а другая эту половину охраняла...» Воистину за такой шизоидный бред М. Гурееву должна быть предоставлена срочная путевка в клинику для душевнобольных, обязательно в отдельную палату. А если бы во время войны — то в тот самый штрафбат, о котором он пишет. Лучшей участи он не достоин.

Но пока он в газете «Культура», хотелось бы, чтобы он объяснил, почему студенты-добровольцы (добровольцы!) были направлены в штрафбат. За что? За какие грехи? И еще. Если одна половина населения сидела, а другая эту половину охраняла, то кто же воевал, кто создавал лучшее по тем временам оружие (танк «Т-34», «катюша», самолеты «Ил-2», «Як» и Туполева, прекрасные автоматы и пулеметы, которые после битвы под Москвой практически повсюду заменили винтовки)? Кто громил врага из многих тысяч стволов орудий и минометов, кто создал танковые и авиационные армии, которые вместе с общевойсковыми, одержав исторические победы не только под Москвой, но и под Ленинградом, прорвав блокаду на Курской дуге, в операции «Багратион» в Белоруссии, при форсировании Днепра и в ряде крупнейших сражений освободили Украину, освободили Польшу, практически все европейские страны, били фашистов в Восточной Пруссии, в Германии и водрузили Красное знамя Победы над рейхстагом?

Известно ли лгунам из газеты «Культура», что из таких (не полностью названных) грандиозных сражений-побед, после которых Германия резко сдавала, теряла мощь и не могла полностью оправиться, была достигнута Великая Победа? Наши союзники, США и Анг-

лия — слышите, Гуреев? — в своем активе не имеют ни одной победы, равной по своему военно-стратегическому значению тем победам, которые были одержаны советскими войсками и лучшим в мире оружием. И это — исторический факт. А операции разрабатывали выдающиеся полководцы, Генштаб и Ставка под руководством И.В. Сталина. А та самая другая половина, которая, по Гурееву, «охраняла», оказывается, работала на заводах, сеяла и убирала хлеб, кормила народ и армию, бесплатно учила детей и студентов, бесплатно лечила население и ухаживала за ранеными. И строила. Да, да! Даже метро...

До каких же пор будет продолжаться вселенская ложь, которая набирает обороты по мере приближения великой даты? Ложь почти со всех «ящиков», почти со всех каналов радио, на страницах подавляющего числа российских газет. Но 60-летие Великой Победы с каждым днем приближается. Интересно, что же они будут показывать и говорить за несколько дней до и во время юбилея? Можно с уверенностью сказать, что те же журналисты, вроде Гуреева, начнут фальшиво восхищаться теми, кого вчера всячески поносили. Появятся елейные слова: «Вы наши спасители, освободители, вы наша гордость» и еще что-то в этом роде. Но не единожды, а множество раз в течение многих лет совравши или оскорбивши, кто тебе поверит... Но они будут фальшивить — им так прикажут. Для них ничего святого нет, для них пустые слова — благо Отечества, благо народа, уважение к своей стране, к пожилому поколению людей победителей фашизма. Им нужны только деньги. Много денег... Дорогие, храбрые ветераны, пролившие кровь на полях сражений, пережившие страшную войну. Не верьте им, они лгут!

ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

О СУРОВОЙ ПРАВДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ УЗНАЮТ ИЗ РОМАНОВ ВЛАДИМИРА КАРПОВА

Герой Советского Союза Владимир Васильевич Карпов — фронтовик, войсковой разведчик, известнейший военный писатель, лауреат Государственной и международных литературных премий. В годы Великой Отечественной участвовал в захвате 79 немецких «языков» — своеобразный боевой рекорд советских разведчиков. А его произведения, среди которых знаменитые романы «Вечный бой», «Полководец», «Маршальский жезл», трилогия «Маршал Жуков», «Генералиссимус», держат в напряжении читателя с первой до последней страницы, побуждают новые поколения вновь и вновь задумываться над истоками величия подвига советского солдата. А где и как выковался характер самого автора?

— Владимир Васильевич, День Победы — один из самых светлых наших праздников. В кровавой схватке с фашизмом мы отстояли свободу и независимость не только свою, но и народов всей Европы. Не зря до сих пор идут споры о том, как наша страна выстояла, выдержала величайшее испытание, которое оказалось не под силу многим другим государствам. Откуда это бралось?

Какими для вас, к примеру, были предвоенные годы? Ведь это было не самое легкое время для страны?

— В начале двадцатых годов, когда родился, жизнь была трудная. В голодный 1927 год мои родители под впечатлением романа Неверова «Ташкент — город хлебный» переехали в Среднюю Азию. Так что мое детство и школьные годы прошли в Ташкенте. Хотя не таким уж он оказался «хлебным»: там тоже было не просто.

Почти вся моя дальнейшая жизнь оказалась связана, так или иначе, с армией. Школа, в которую определили, находилась рядом с Ташкентским военным училищем, в нее ходило много детей командиров (офицерами тогда еще не называли). Я дружил с ними, бывал в военном городке. Особенно близко познакомился с Юрием Петровым, сыном начальника училища комбрига Ивана Ефимовича Петрова, которому посвящена моя книга «Полководец». Кстати, уже в те годы начал писать стихи.

— Но поэтом вы не стали, хотя была у вас поначалу и такая мечта. А как все-таки созрело решение пойти по военной стезе?

— Образ военного человека был тогда очень привлекателен в народе. А я рос здоровым, занимался боксом и даже выиграл какое-то первенство среди новичков. Бывая в училище, наблюдал за курсантами. Молодые, красивые, веселые ребята. Их учили ходить в штыковую, преодолевать полосу препятствий. Конечно, меня тянуло туда. Да и комбриг Петров, когда встречался с ним, уговаривал меня: «Володя, ты сильный, крепкий парень. Из тебя выйдет отличный командир». Словом, поступил в училище в 1939 году. Так началась моя военная жизнь. Суровый режим, физическая нагрузка помогли и в боксе: стал чемпионом Среднеазиатского военного округа, меня включили в сборную

Узбекистана. А в 1940 году завоевал звание чемпиона на первенстве Средней Азии по боксу среди гражданских клубов...

— И вдруг резкий поворот в судьбе... Арест... Как это произошло?

— Все складывалось, казалось, хорошо. Я был курсантом, спортивным парнем, писал стихи, которые печатала окружная газета. Но поэты ведь любят пооригинальничать. Все у них должно быть не так, как у других. В том числе и мысли. Мне тогда казалось, что с ростом авторитета Сталина в народе начали забывать Ленина. А у меня было к его образу какое-то особое, теплое отношение. Повсеместные портреты и бюсты Иосифа Виссарионовича только раздражали. На самоподготовке среди курсантов не раз говорил: «Ну что же совсем Ленина забыли? Все Сталин да Сталин, а ведь он во время революции не был вторым человеком после Ленина». Собственно, ничего плохого не говорил. Сталин сделал немало хороших, добрых дел, но загоразживать Сталиным Ленина не годится.

Однако для того времени это был криминал. И стукачи среди моих однокашников, конечно, доложили, куда следует. 23 февраля 1941 года должен был состояться выпуск. Нам уже шили красивую лейтенантскую форму. Мечтал, как стану таким бравым лейтенантом, а меня перед самым выпуском арестовали по очень тяжелой статье: антисоветская агитация, враг народа. Трибунал Среднеазиатского военного округа приговорил к исправительным работам в Тавдинлаге. И отправился я на лесоповал в эту самую Тавду, на далекий Север, в тайгу, где, как поется в песне, «шпалы кончились, и рельсов нет». Там и застала меня война. Приказ № 227 «Ни шагу назад» был подписан в 1942 году в день моего рождения, 28 июля.

— Вам довелось воевать в штрафном батальоне. Там все было примерно так, как показано в вышедшем несколько лет назад на наши экраны фильме «Штрафбат»?

— Почему-то считается, что штрафные роты и батальоны пошли только от приказа № 227. На самом деле они были и до войны, в мирное время. Туда отправляли военнотружущих, осужденных за какие-либо преступления. Что касается фильма, то его создатели, к сожалению, не познакомились с документами, определившими организацию штрафных подразделений в годы войны. И, похоже, не проконсультировались у специалистов. То, что они показывают в этом сериале, в основе своей, к сожалению, не соответствует фронтовой действительности. В приказе о создании подобных подразделений сказано, что штрафные батальоны комплектуются только из осужденных и разжалованных офицеров. Командиры назначаются из кадровых офицеров. В фильме же показан штрафной батальон, в котором собраны уголовники, политические, проштрафившиеся рядовые. Такого не было и быть не могло.

— Владимир Васильевич, но вы ведь сами попали в штрафники из лагеря, будучи политическим заключенным...

— Это другое дело. Прострафившиеся рядовые, а также уголовники, политзаключенные, изъявившие желание воевать, направлялись в отдельные штрафные роты. Такие роты в штрафбат не входили, а придавались стрелковым полкам. Я, например, воевал в 45-й отдельной штрафной роте на Калининском фронте. Она была сформирована в ноябре 1942 года из заключенных, которых освободили по добровольному желанию идти на фронт.

Как попал в нее? Писал из лагеря письма Калинин, что я почти командир, спортсмен, молодой человек и хочу защищать Родину. И вот однажды в конце

1942 года, когда уже отгремела Московская битва, а Сталинградская была в разгаре, в лагерь пришел список заключенных, которых командование отправляло на фронт. Была в этом списке и моя фамилия. Вызвали меня на вахту, где какой-то чин из НКВД вписывал личные данные в пустые бланки. Мне выдали справку: «Из-под стражи освободить Карпова Владимира Васильевича с отправкой на фронт в составе штрафной роты. Если не оправдает себя в боях — досиживать оставшийся срок после окончания войны». Такая вот любопытная формулировка.

С этими справочками в первую же ночь на передовой очень многие поползли к немцам. И там их принимали с распростертыми объятиями. Представляете, меня за мое «вольнодумство» Среднеазиатский трибунал причислил к врагам народа! Следовательно говорил мне, что я оскорбил вождя народа и Верховного Главнокомандующего, сеял сомнения в кругу курсантов, что это преступление. А между тем вот этот чин в тылу, который придумал такую формулировку, — это и был настоящий враг. Из-за таких из наших ребят комплектовались немецкие разведшколы и диверсионные отряды, создавалась власовская армия.

Меня вместе со всеми, кого выпустили из Тавдинлага, направили под Горький, в Гороховецкие военные лагеря, где формировалась наша штрафная рота. Здесь в течение месяца нас учили владеть оружием. Мне доверили быть инструктором, так как прекрасно знал винтовку и пулемет. По истечении срока, отведенного на этот курс молодого бойца, выдали обмундирование — такое же, как всем красноармейцам, только старое, а не новое. В положении о штрафных ротах были жесткие слова: «Искупить вину кровью». Это значит, что для снятия судимости бывший заключенный должен быть или тяжело ранен, или убит. И некоторые

командиры, особенно первых штрафных рот, понимали это буквально, посылая свои роты практически на убой: без танков, артподготовки, без какой-либо поддержки. Нашу роту, состоящую из 198 человек, отправили на Калининский фронт, под город Белый. После первого же боя в ней осталось 9 бойцов. Рота только до проволоки и успела добежать. Но я не был даже ранен.

В следующем бою, после переформирования, нас немного поддерживали огнем. Ворвались мы в траншею, затеяли рукопашную, захватили позицию, задачу выполнили. Через какое-то время смотрим — опять одни. Никакого наступления ни справа, ни слева. Вышел тогда против нас один немецкий танк и начал расстреливать в упор. Результат оказался тот же, что в первый раз.

— **И сколько времени пришлось быть штрафником?**

— Три раза был в рукопашных... И в конце концов меня перевели из штрафной роты в разведку 629-го полка...

Военно-промышленный курьер. 2007. 9—15 мая.

№ 17 (183).

ШТРАФНИКИ НЕ КРИЧАЛИ «УРА!»

...Долгое время я пытался найти людей или хотя бы одного человека, которые прошли через ад штрафрот и штрафбатов. Расспрашивал историков, в том числе и военных, интересовался в ветеранских организациях. Увы... И только недавно, в разговоре со своими друзьями, услышал: тебя интересует тема штрафников? Есть такой человек. Наш бывший преподаватель...

Я благодарен братьям Павлу и Александру Стельмахам, которые познакомили меня с кандидатом технических наук, доцентом Киевского государственного международного университета гражданской авиации, бывшим командиром взвода 322-й отдельной армейской штрафной роты Михаилом Григорьевичем Ключко, интервью с которым и предлагаю читателям.

— **Михаил Григорьевич, где вас застала война?**

— Наша семья проживала в Киеве. В 1939 году, окончив 7 классов средней школы, я поступил в артиллерийскую школу специального назначения, которая находилась на территории нынешнего университета физкультуры. Когда началась война, нас, курсантов, вывезли в летние лагеря под Бровары. Ходили, как положено, в форме с соблюдением всех установленных знаков различия. Рыли противотанковые рвы, строили различные оборонные сооружения под Киевом. С на-

чалом мобилизации тех, кто родился в первой половине 1924 года, забрали в артиллерийские училища, а тех, кто во второй, в том числе и меня, отпустили по домам.

Учреждение, в котором работал отец, должно было эвакуироваться в Астрахань. Решили ехать всей семьей. В Астрахани устроился работать на рыбзавод — мотористом. Когда немецкая авиация начала массированные бомбежки нефтехранилищ, Волга горела в буквальном смысле этого слова. Несмотря на протесты матери (отец в это время уже ушел на фронт), я принял решение уйти добровольцем. Наша 159-я стрелковая бригада, сформированная исключительно из моих ровесников (рядовой состав был 24-го года рождения, а командный — 23-го), была направлена на Сталинградский фронт. Мне не исполнилось еще 17. К слову, уже после войны было подсчитано, что из каждых 10 человек 23—24-го годов рождения в живых остался один...

— **На каком направлении вела бои ваша дивизия?**

— Первый бой мы приняли на южном фланге Сталинградского фронта. Потом были бои в Сальских степях, под Батайском, Ростовом, на Миусс-фронте и подступах к Крыму. Меня направили во фронтовую школу младших лейтенантов в Новочеркасск под Ростовом. Проучился я там всю зиму и получил звание младшего лейтенанта. К тому времени имел хорошую подготовку как артиллерист, был наводчиком орудия, но меня отправили в пехоту. Получил назначение в 197-й запасной полк, который входил в состав 4-го Украинского фронта и вел бои уже в Белоруссии. Там и случилось то, что изменило мою дальнейшую службу... Полк получил задание на выдвижение. Вышли мы из Могилева под вечер. То ли кто-то из местных жителей навел немцев, то ли сработала их разведка, но налетела эскадрилья «юнкерсов». Все произошло настолько неожиданно, что люди даже не успели разбежаться в раз-

ные стороны. Одним словом, полк фактически был уничтожен.

— Сколько личного состава находилось в полку?

— Точно сказать затрудняюсь. Людей было много. Это запасной полк. Он предназначался для комплектования кадров для всей армии. Туда направлялись бойцы и офицеры после ранений, окончания различных школ, училищ и т.д. Так вот, когда закончилась бомбежка, с трудом удалось собрать остатки полка. Кто-то дал команду уйти с дороги, которая вела на Брест, в лес. Зачем — до сих пор мне так и не понятно. Шли до двух часов ночи. Заблудились. И тут ко мне подходит политработник. Оказалось, что из офицерского состава нас осталось двое.

— А остальные куда подевались?

— Не знаю. Кого-то убило, кто-то просто сбежал. И такое случалось. Да в той обстановке никто никого не считал и даже не пытался искать.

Политрук отзывает меня в сторону и говорит: «Поскольку ты закончил школу младших офицеров, знаешь, как работать с картой, компасом, — выводи личный состав». А ведь карты старые. Ночь. Незнакомый лес. Определить местонахождение без привязки к местности — невозможно. Как быть — не знаю. Но понимаю, что от меня ждут какого-то решения. Высвечивая спичками карту, определил, что где-то рядом просека, которая должна вывести нас хоть на какую-то дорогу.

Идем по этой просеке, она плавно переходит в болото. Я впереди. Вода все выше и выше. В голове пульсирует мысль: «Куда ты идешь, тоже нашелся мне полководец». Короче говоря, когда вода дошла до груди, подумал, что все: или расстреляют, или... надо идти до конца. И только после того как уровень воды начал понемножку спадать, понял, что с первой своей командирской задачей справился. С рассветом мы выбрались

из леса. Оказалось, что, сделав крюк по лесу, мы опять вышли на дорогу на Брест и... оказались в тылу отступающих немцев. На радостях, что вышли, кто-то начал предлагать вступить в бой. А как вступать, с чем? Запасной полк — это солдаты, в лучшем случае с трехлинейкой. Поскольку на меня возложили командование, принимаю решение: никаких действий не предпринимать, а дожидаться подхода наших.

И вот, в награду за то, что я вывел без потерь остатки полка, меня направили командиром взвода в 322-ю отдельную армейскую штрафную роту.

— **Это был приказ по дивизии или по армии?**

— По армии. Штрафные роты формировались при армиях. В данном случае по нашей 28-й армии.

— **Почему выбор пал именно на вас — младшего лейтенанта небольшого росточка?**

— Формальным объяснением было то, что Ключко, мол, самый достойный, имеет опыт боевых действий, справился со сложной задачей. Но это, повторяю, формальная сторона. В то время никто никого не спрашивал: хочешь ты или не хочешь. Правда, из четырех офицеров, направленных в штрафроту, в пункт назначения прибыл только я один.

— **Рота была уже сформирована?**

— Нет. Решение о формировании 322-й штрафной роты при нашей армии было принято. Но только когда был полностью укомплектован штат офицеров, к нам начал поступать рядовой состав из московских тюрем — Бутырской и Стромынки. Это были те, кому разрешили искупить кровью свою вину перед советским обществом. Общая численность роты составила около 300 человек. На каждый взвод приходилось по два офицера.

— **Боевое крещение рота приняла...**

— В Белоруссии. После форсирования реки Неман и прорыва обороны немцев остатки нашей роты, чело-

век 12, попали в окружение. Выводить опять довелось мне. Причем бойцы полностью переодели меня, да так, что вид у меня стал, как у обычного пастуха. Вот в таком виде я и предстал перед офицером Смерш. Три дня нас допрашивали, пока не выяснили, что на данном участке в прорыве обороны немцев действительно принимала участие штрафная рота, что младший лейтенант Ключко является командиром взвода.

— Михаил Григорьевич, какие конкретные задачи возлагались на штрафную роту?

— Основной была одна задача: обеспечить путь к наступлению конкретной части. А методы ее выполнения были разные: от разведки боем до взятия той или иной высоты или конкретного рубежа обороны противника. Приходилось прокладывать дорогу и в минных полях. В общем, можно сказать так: штрафниками командование затыкало все дыры, они призваны были исправлять промахи начальства, которое ради обнаружения огневых средств противника посылало на верную смерть тысячи бойцов, ведь жизнь осужденных ничего не стоила. Вот и гнали в самое пекло одну штрафроту за другой...

— Немцы штрафников боялись?

— Вы знаете, наверное, да. Ведь атака подразделения штрафников — это психологическая атака людей, заведомо приговоренных к смерти. Отступать им было нельзя — только вперед. Представьте себе людей, которые бегут на вас цепь за цепью и орут благим матом.

— Известно, что ни «Ура!», ни «За Сталина!» штрафники не кричали.

— Конечно, нет. В атаку шли с матом. Да и как кричать «За Сталина!», если он их, собственно говоря, приговорил к смерти...

— Как вели себя в бою бывшие заключенные? Ведь они знали, что в живых остаться шансов практически нет.

— Во-первых, сталинская идеологическая машина прорабатывала мозги людей так, что многие считали действительно за честь, ценой пусть даже собственной жизни, оправдать оказанное им доверие. Вы понимаете, я многое видел на войне. И поначалу тоже не мог понять, что же заставляло 17-летних пацанов бросаться, в буквальном смысле слова, на колючую проволоку заграждений немецкой обороны в астраханских степях. Идея? Вера в правильность советской идеологии?

Во-вторых, в военные годы в тюрьмах было очень тяжело. И люди предпочитали попасть на фронт, надеясь, что все худшее, что может случиться, произойдет не с ними.

— **Сколько людей теряла рота после каждого боя?**

— Я не могу сказать. Я не знал, сколько личного состава вошло в бой и сколько из него вышло. Бои шли непрерывно. За первой полосой фронта шла вторая. Пока одна восполняет потери, другая продолжает сражение. И так постоянно. Рубеж за рубежом. Я отчетливо помню бои под Брестом. Брали высоты. Так там из роты почти никого не осталось в живых. Я был ранен и контужен. Родители получили извещение о моей гибели. Кстати, и под Ростовом тоже после одного из боев на меня была отправлена похоронка...

— **Но пополнение все же осуществлялось. Штрафники — особый контингент...**

— Это только при формировании контингент в роте был из бывших заключенных. В дальнейшем пополнение к нам поступало из частей армии, фронта.

— **А за какой проступок можно было попасть в штрафную роту из боевых частей?**

— По разным причинам. К примеру, за нарушение дисциплины. Попадали и за дезертирство. Были случаи и просто смешные. Я помню, одного прислали к нам только за то, что командиру не понравилось, что у

солдата такая же борода, как у него самого, что привело к конфликту. С изданием приказа № 227 командир мог добиться, чтобы неугодного солдата отправили в штрафную роту. В связи с этим в штрафбатах и в штрафротах проблем с личным составом не было.

— **Михаил Григорьевич, штрафные роты формировались и действовали в масштабах армии. А штрафбаты?**

— Формирование штрафбатов, как и штрафных рот, было предусмотрено сталинским приказом № 227, известным больше как приказ «Ни шагу назад!». В нем четко было сказано: в пределах фронта формировать от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов численностью до 800 человек.

— **Известно, что штрафбаты отличались от штрафных рот тем, что формировались исключительно из офицерского состава.**

— Совершенно верно. Мы изучали этот приказ. В нем говорилось, что штрафбаты имеют целью дать возможность лицам среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свою вину перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудных участках боевых действий. Направляли в штрафбаты на срок от одного до трех месяцев. Все военнослужащие подлежали разжалованию в рядовые, у них отбирали награды, которые хранились в отделе кадров фронта. Штрафникам выдавалась красноармейская книжка специального образца. Им выплачивалось денежное содержание — 8 рублей 50 копеек в месяц. Полевые деньги штрафникам не выплачивались.

— **Если на участке фронта действовало до трех штрафбатов, то сколько же было тогда штрафных рот?**

— Думаю, не ошибусь, если скажу, что несколько десятков. Эти подразделения были выгодны командо-

ванию. С одной стороны, их существование позволяло хоть как-то поддерживать уровень дисциплины. А с другой, как уже говорилось, ими можно было проверить правильность принятого решения. К примеру, надо взять тот или иной рубеж. Как выяснить, какие силы сконцентрировал там противник? И отдавался командиру штрафроты приказ: силами одного-двух взводов, а иногда и роты произвести ночью разведку боем. Понесет потери рота, не понесет — этот вопрос никого не волновал. Главное было не допустить потерь линейных подразделений. Ни в одном официальном сообщении Информбюро никогда не сообщалось, что та или иная высота, населенный пункт взят силами штрафной роты или штрафбата. Это было запрещено! Назывался полк, дивизия, армия. Мы были, и в то же время нас вроде и не было.

— Судя по численности личного состава штрафрот и штрафбатов, уровень дисциплины у офицерского состава был ничуть не выше, чем у рядового?

— Поэтому и воевали четыре года...

— Вернемся к вашей роте. Как вы строили свои отношения с этими людьми? Ведь многие из них были и по возрасту старше, и жизненным опытом богаче, да к тому же прошедшие школу тюрем. Как они к вам относились?

— Только по-товарищески. Другого отношения в тех условиях быть просто не могло. Показывать своим отношением, что я выше их, означало не вернуться живым после первого же боя.

Был у нас такой случай. Прибыл к нам молодой офицер. В новой форме, при золотых погонах, которые тогда были только введены. Выстроили роту. И он что-то долго говорил, вышагивая вдоль строя. А щеголей на передовой не любили. И кто-то из строя выкрикнул, мол, заканчивай п..., покормил бы лучше. Тот в мгню-

вание вскипел. Кто? Застрелю! Выходи! В ответ — мат. А уголовники народ сплоченный. Ряды сомкнули. Он выхватывает пистолет и стреляет на голос. Одному пуля прошла сквозь бок, второму попала в ногу, третьему — рикошетом в палец. Всех троих забрали в лазарет и, как искупивших свою вину кровью, отправили потом в войска. А этот офицер не вернулся после первого же боя. И никто особо и не интересовался, что с ним. Когда я спросил у своих, те только отвели глаза в сторону.

Других отношений, кроме уважительных, на фронте быть не могло. Ведь, по большому счету, все зависели друг от друга. Существовал строгий закон: в бою ты должен поддерживать товарища огнем, когда он делает перебежку. Если не сделаешь этого, жизни тебе не будет. Может, поэтому я так долго и прожил, что не пытался бравировать ни своим положением, ни своими знаниями. Наоборот, многому учился у своих солдат. Ведь и среди тех же эзков попадались люди, достойные уважения. Я не пытался давить на них, доказывая свою правоту. Если я считал, что надо делать так, а не иначе, то пытался их убедить в правильности моего решения. Если они не соглашались — что ж, за кобуру я не хватался.

— А были случаи отказа подняться в атаку, самострелы?

— Были. Но если кто-то не мог под огнем противника оторваться от земли, то его заставляли это сделать свои же. А что касается самострелов, то стреляли через буханку хлеба. Чтоб не было видно ожога, потому что в лазарете обязательно проверяли: ранение или самострел.

— И проходили такие самострелы?

— Проходили.

— **Проявлялись ли в условиях войны у тех же бывших заключенных привычки из их прежней жизни?**

— На войне человек находится в экстремальных условиях, он подчиняется тем законам, которые диктует обстановка боевых действий. Вот, к примеру, у меня был ординарцем боец, трижды приговоренный к высшей мере наказания, не единожды совершавший побег из мест заключения. Казалось бы, такого уже исправить никто и ничто не может. А война исправила. Когда мы проходили через села или останавливались в них, он, имея всегда при себе несколько зерен бобовых, собирал вокруг себя женщин и гадал им. За это они приносили ему кое-что из продуктов. Потом он этим нас кормил. С питанием на передовой было ведь очень плохо. Понимаете, не воровал, а зарабатывал!

Но были и такие, которые срывались и под воздействием спиртного совершали просто глупые проступки. Помню, под Кенигсбергом мы остановились в одном из фольварков. Кто-то принес самогон. Нашлись желающие выпить. И не только из числа солдат, но и офицеров. Рядом стоял дивизионный взвод связи. Они пошли туда. Командира связали, обезоружили. Веселились до тех пор, пока не приехал караул из соседней части. На утро заседание «тройки». Всех участников судили. Командира нашей роты капитана Рысева, кстати, киевлянина, разжаловали и направили к нам же, но уже штрафником, остальных судили.

— **Но ведь офицеров направляли в штрафные батальоны?**

— В то время на эти формальности уже никто не смотрел. Кстати, вскоре там же, под Кенигсбергом, он и погиб.

— **Вооружение у штрафников было такое же, как и в линейных ротах?**

— Такое же. На фронте-то особо и не ждут, когда

тебя обеспечат тем или иным снаряжением. Сами вооружались, благо трофейного оружия хватало.

— Личный состав штрафных рот не особо выделялся знанием азов военной науки. Их ведь без обучения бросали в бой.

— Конечно. Это были по большому счету живые мишени и поначалу имели чисто психологический фактор влияния на противника. Но дело в том, что боевая обстановка очень быстро учит. И человек начинает понимать, что его жизнь зависит от умения владеть оружием, грамотно действовать на поле боя.

Приведу интересный и, на мой взгляд, поучительный пример. Через позиции нашей зенитной батареи вели колонну пленных немцев. Вдруг налетела пара «мессершмиттов». Наши зенитчики открыли огонь, но попасть в цель никак не могли. И тут из колонны выходит немец, подходит к одному из орудий и показывает знаками командиру, мол, дай я сяду за наводчика. Тот посмотрел и... разрешил. Немец вытащил свой прицел, наверное, цейсовский, поставил на орудие и с первого выстрела подбил свой же «мессер».

Или вот другой случай, под Кагарлыком. Из-за бури неожиданно появилась немецкая танковая колонна. Ни мы, ни они не ожидали подобной встречи. Растерянность в действиях обеих сторон была очевидной. Не растерялся только наш наводчик одного из орудий, отличный парень, два ордена уже имел к этому времени. Он мгновенно развернул пушку и первым же выстрелом попал в головной танк. Да так, что башню просто подбросило вверх. Шедшие за ним машины дали задний ход.

Но были, к сожалению, и другие случаи, когда растерянность, халатность приводили к большим потерям. Под Элистой, помню, был такой эпизод, когда, находясь в лесопосадке, один немецкий танк почти це-

лый батальон уничтожил. Почему? Да потому, что когда шли через калмыцкие степи, жара, идти тяжело, а нам, конечно, выдали противотанковые ружья, гранаты, солдаты, чтобы легче было на марше, все «лишнее» просто выбросили. Так вот, пока мы начали окапываться, немецкие танкисты, видя полную растерянность, просто-напросто начали из пушки и пулемета расстреливать батальон. Один, правда, пэтээровец сделал в их сторону выстрел. Те направили танк в его сторону и просто гусеницами втерли его в землю. А попади он с первого выстрела — и себе бы жизнь сберег, и многим другим. Умение владеть оружием — это великое дело на войне.

— **Михаил Григорьевич, когда ваша часть вышла на границу Германии, как вели себя солдаты на территории врага?**

— Что запомнилось, так это, когда вышли на границу Пруссии, большого размера плакат со словами: «Солдат, ты судья!» и подпись: «Илья Эренбург». Не думаю, что здесь нужно что-то объяснять.

Нашу роту, усилив танками со спецоборудованием для проделывания проходов в минных полях, бросили на прорыв неприступной, по мнению немцев, глубокоэшелонированной обороны. Как известно, она была преодолена. После этого мы прошли всю Пруссию — ни одного гражданского лица не видели. Правда, один раз, когда уже взяли Кенигсберг, помню, шли маршем через какое-то село. И из двора вышла немка с ведром. Хотите верьте, хотите нет, но вся рота — человек 40 нас было — остановилась. Смотрели на нее, как на нечто невозможное. Не должно было быть живых немцев!

Сегодня это может показаться дикостью, но в то время у многих были свои счеты с немцами: у кого-то погибла семья, кого-то из родных угнали в Германию. И эта злость была настолько сильна, что мы могли

действительно на одном дыхании не только до Берлина дойти, а если бы понадобилось, то и до Франции. Была просто жуткая ненависть. Тем более что проходя через ту же Пруссию, мы встречали наших соотечественников, силой вывезенных на работу в Германию, освобожденных из концлагерей пленных.

Один эпизод запомнился на всю жизнь. Идет группа людей в концлагерной одежде. Выяснилось — французы. На улице зима, а они в деревянных колодках на босую ногу. И по брусчатке только звук: цок, цок, цок... Причем идут на север, а не на запад. Мы пытались им объяснить, что Франция в другой стороне. А они на нас смотрят туманным взглядом и продолжают идти. Страшное зрелище...

Но в той же Пруссии мы воевали уже не только с немцами, но и с власовцами. Причем бои были очень тяжелые.

— Власовцы, как известно, в плен не сдавались.

— Они, может быть, и сдались бы. Но в плен их просто не брали. И они это знали, пощады им не будет, поэтому сражались до конца. В марте 45-го под Пилау они полностью добились остатки нашей роты.

— Ваша рота принимала участие в штурме Берлина?

— Нет. Мы дошли до предместья. А потом нас посадили на танки армии маршала Рыбалко и в спешном порядке перебросили в Чехословакию на помощь пражскому восстанию. В Праге и закончилась для меня война.

— Штрафников награждали орденами и медалями?

— Как правило, нет. В виде исключения награждали только в том случае, если отличился в бою и получил ранение. Тогда после перевода в другую часть могли наградить, как испившего свою вину кровью...

ШТРАФБАТЯ

Командира штрафной роты Николая Смирнова всю войну пули обходили стороной.

Первое время его называли заговоренным в шутку, потом стало не до смеха. Молодой и необстрелянный лейтенант шел в первых рядах под градом огня, и каждый раз возвращался без единой царапины.

В штрафную роту Николай Смирнов попросился служить по собственному желанию. Согласно секретному приказу № 227 штрафников предполагалось «ставить на наиболее трудные участки фронта», чтобы они кровью смывали вину перед Родиной. Большинство из них погибало при первой атаке. Николай Смирнов дошел до Берлина, не получив даже контузии.

— Может, и правда я какой-то заговоренный, — говорит Николай Иванович. — До сих пор вот живой сижу перед вами, как будто меня Бог берег.

НА СЕБЯ МАХНУЛ РУКОЙ

— Николай Иванович, попроситься воевать бок о бок со штрафниками, которых посылали в самые гибельные места, уже сам по себе героический поступок. Как так получилось?

— Шел сорок третий год. К тому времени я окончил Кемеровское пехотное училище, и нас отправили в ре-

зерв 47-й армии. Горячие мы были, и всем хотелось на передовую — чувствовали, что война подходит к концу. В резерв армии приехал капитан Князев — командир штрафной роты — и сказал, что ему срочно нужны четыре добровольца. Я, как и многие другие молодые офицеры, тогда ничего об этом не слышал. Он рассказал, чем нам придется заниматься и с каким контингентом работать. Задачи определил так: прорыв обороны, разведка боем, вылазки ночью за «языками». Я как настоящий комсомолец рвался на фронт и особенно не задумывался, куда именно попаду. Просто махнул рукой и согласился. Вот так и получилось — можно сказать, на себя я тогда рукой махнул. Как только приехали на место, под мое командование выделили первый взвод, а уже потом, когда погиб командир, я принял командование роты на себя.

— Что из себя представляли штрафные роты и как вас приняли бойцы?

— Рота как рота... Обычное, на первый взгляд, боевое подразделение. Но все-таки чувствовалось какое-то напряжение — как будто смерть совсем рядом летала. Я молодой был, но мне доверяли. Эти люди уже были в бою раньше, но их почему-то не освободили. Обычно отпускали сразу после боя, выдавали справки с гербовой печатью, подтверждающие, что судимость полностью снимается. Уважали меня штрафники, приказы выполняли беспрекословно, дисциплину не нарушали. Бывали, конечно, исключения, но война есть война. Иногда я закрывал глаза на некоторые отклонения от устава. Как-то прибегает ко мне боец и докладывает, что во взводе непорядок. Мои штрафники жили в большом доме. Прихожу к ним и вижу такую картину: накрытый стол, за которым сидит около десяти человек — неформальных лидеров. Помощник командира взвода командует: «Встать! Смирно!» Потом

докладывает о том, что взвод отдыхает, и приглашает к столу. И что мне прикажете делать? Я сажусь с ними и выпиваю до утра. В общем, старался вести себя по-человечески с бойцами, и, наверное, поэтому у меня всегда был порядок во взводе. Можно сказать, что дисциплину поддерживала когорта этих самых лидеров, а я контролировал.

— **Интересовались, за что они попали в штрафники?**

— Я не спрашивал — не принято было. Они даже друг с другом на эту тему разговор не заводили. «Дел» на руках у меня не имелось, но я знаю, что за убийство сидели, за мародерство да за мелочи разные. Как тогда было: мешок муки украл — ты враг, опоздал из госпиталя или высоту сдал — тоже преступник.

— **Не боялись получить пулю в спину?**

— Даже мысли такой не было. Все зависит от командира — как себя поведешь, такая тебе и будет отдача. Я разговаривал с ними как с обычными солдатами. Не мог по-другому. Воевали они отважно, никто назад не оборачивался. О мужестве и храбрости штрафников легенды ходили, а прошлое на войне не в счет. У меня служил один цыган, так он угнал лошадь у командира полка и продал ее за бутылку водки полякам. Когда его нашли, потребовали, чтобы к вечеру кобыла стояла на месте. Он и привел лошадь обратно — наверное, украл теперь уже у поляков. Вот за такое ко мне попадали. Другого бойца направили в штрафроту за то, что отказывался брать в руки оружие. Баптистом оказался. Его ставили перед строем, грозились расстрелять, а он ни в какую. Мы с политруком поразмыслили, что делать, и придумали. Определили его в санитары, так он вытаскивал с того света столько наших парней, сколько не каждый фрицев пострелял. Шел он всегда в первых рядах и живой остался. Вот вам и вера!

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

— **Первый бой в штрафной роте помните?**

— Такое не забывается. В 1943-м готовилась большая операция по форсированию Вислы. Для проведения разведки боем было принято решение собрать усиленную роту в количестве двухсот человек, в том числе подключили и мой взвод. Штрафникам поставили задачу взять «языка». Саперы сняли мины, и после пятиминутной артподготовки мы пошли в бой. Страху, конечно, я натерпелся, но взял себя в руки и повел своих в атаку. Ворвались в окопы, давай бить немца, потом скрутили одного ефрейтора и, как планировали, — назад. Когда немцы немного опомнились, начали нас «поливать» со всех сторон, окружать. Пришлось идти напролом. Из двухсот бойцов в живых тогда осталось около сорока человек, и то калеченых да раненых. Мне просто повезло — до сих пор вот думаю, как можно было из такой бойни выйти живым и невредимым. А потом началось общее наступление: моя штрафная рота участвовала в освобождении Варшавы, Берлина, на Эльбе мы встретились с американцами.

— **А как же НКВД?**

— Вообще-то нам запрещали встречаться с союзниками, но, как понимаете, от радости мы обо всем забыли. Обнимались с ними, фотографировались на память. Я встретил одного американца, который хорошо говорил по-русски. Выяснилось, что во время революции его богатый отец иммигрировал с Украины в США. Он сказал, чтобы я пришел утром за фотографией, но... Замполит уговорил не делать этого — и правильно. НКВД на следующий день начало вызывать всех, кто участвовал в «несанкционированной встрече с иностранцами».

— **Говорят, что штрафные роты воевали чуть ли не голыми руками. Как у вас было с оружием?**

— Нам выдавали автоматы и патронов не жалели. Говорили: «бери сколько унесешь». Кроме того, каждому полагались оборонительные гранаты «Ф-1» и наступательные «РГД-33». В бою вооружались сами. У немцев тогда появились фаустпатроны. Я учил своих подчиненных стрелять из них, но они боялись обжечься. Приходилось самому. Штрафников не обижали, понимали, что не жильцы. Кормили тоже хорошо. Кухня находилась на самообеспечении: то свинью возьмем у местных и забьем, то корову. Одевали штрафников не хуже, чем остальных. Я четыре раза получал пополнение. Помню, однажды поехал за новой партией штрафников, так их в вагонах привезли в нижнем белье. Мы прямо тут же их одели, выдали оружие, поставили по росту и «на глаз» назначили командиров и помощников командиров взводов.

ВОЕВАЛИ КАК ЧЕРТИ

— Говорят, что фашисты панически боялись штрафников?

— Терять нам было нечего, поэтому воевали они отчаянно, как черти. Поднимались в атаку по первой команде, и не было такого, чтобы сдрейфили, попятились назад без приказа. Однажды не встали, но тогда по нам бил пулемет так, что головы не поднимаешь. Самоходка шарахнула по этой цели, и мы, грянув «ура!», снова пошли в наступление.

— «За Сталина!», наверное, не кричали?

— Кто орал «за Родину!», а кто с матом — всякое было. Сейчас некоторые говорят, что штрафники беспрдельничали. Не было у нас такого: они свято верили, что воюют за родную страну, за нашу общую победу. Я видел слезы на глазах и знаю, что они искренне чувствовали вину перед Родиной и хотели реабилитироваться любой ценой.

— У вас были любимчики?

— Мой ординарец — хороший был парень, мы его из плена освободили. Предложил ему остаться в штрафной роте. Молодой он был, отчаянный. Берег я его, да, видно, не уберег. Смотрю как-то в окно разрушенного дома, а оттуда блески. Предупредил ординарца, что снайпер там, а он махнул рукой и выглянул. По глупости погиб мальчишка.

— Командиров в штрафбатах называли «штрафбатями»?

— Еще «Ваньками взводными» звали. Я был младшим лейтенантом, а меня называли просто — лейтенант. Так быстрее, а на войне нет времени звания выговаривать. В шутку меня называли заговоренным. Ведь столько гибло молодых лейтенантов, а мне постоянно везло. Только шинель прострелили и брюки, когда в Потсдаме через дорогу пробежал за подмогой к танкистам. Моя рота была первой, вступившей в этот красивый город: вокруг Потсдама несколько озер, и нам приказали форсировать их на самоходках-амфибиях. Много тогда наших погибло. За каждый дом с фрицами бились: они на одном этаже сидят, а мы на другом, переночевали — и давай снова перестреливаться...

— Были случаи дезертирства или другие ситуации, когда вам приходилось писать штрафникам плохие характеристики?

— На нашем участке фронта война закончилась 7 мая 1945 года, поэтому последний набор штрафников участие в боях не принимал. Нам дали приказ огораживать государственную границу. Но в Берлин мою роту не пустили: местные жители запаниковали и, опасаясь издевательств и мародерства, ушли к американцам. Чтобы не подогревать ситуацию, командование решило разместить штрафников в лесах. Двенадцать человек плохо себя вели — водку и спирт пили, — и я их повез

в тюрьму в Берлин. По дороге они спокойно могли убить меня, но ведь не тронули! Сдал их, вернулся обратно в часть, а там уже узнал, что моих нарушителей, оказывается, отпустили по амнистии. Получилось, что они домой вперед меня уехали. И письма пишут, проходимцы, мол, спасибо, лейтенант, за все хорошее.

— **Победу встретили в Берлине?**

— Этот день я никогда не забуду — незнакомые люди обнимались, смеялись и плакали. От вспышек ракет небо горело разноцветными огнями, и мы радовались, как дети. Я был счастлив вдвойне, потому что накануне пришел отца. Получил из дома письмо, в котором мать писала, что на него пришла похоронка. Уже вторая за войну. Я начал наводить справки и получил ответ из госпиталя города Лодзь. Написали, что у них есть человек по такой фамилии. Приехал в госпиталь, и как камень с души упал. Смотрю на отца, а он меня не узнает. Конечно, когда он уходил, я мальчишкой сопливым был, а тут перед ним стоит офицер, вся грудь в орденах и медалях. Обнялись, поцеловались. Я у него три дня в палате прожил. Главврач хороший попался — спирт нам принес. Как потом выяснилось, мы с отцом вместе Одер форсировали, стояли на одном мосту, да как-то разминулись. Вот она какая, война, даже по мелочам жестокая!

...Николай Иванович Смирнов родился в селе Контошино Косихинского района 2 декабря 1924 года. В армию был призван в конце 1942 года. Войну закончил в должности командира роты в звании старшего лейтенанта, кавалером орденов Отечественной войны I и II степени, ордена Александра Невского. Награжден медалями «За освобождение Варшавы», «За освобождение Берлина», «За победу над Германией» и другими...

РАССТРЕЛЯТЬ И СПИСАТЬ НА БОЕВЫЕ ПОТЕРИ

Штрафникам надо было искупить вину кровью. Или погибнуть

Кыштымский житель Степан Алексеевич Юдин — не кинокритик, но к его мнению о сериале «Штрафбат» стоит прислушаться: на фронте он командовал штрафным взводом.

Войну начинал на Калининском фронте. После освобождения Харькова 18-й резервный офицерский полк отправили на передышку в небольшую деревушку. И вдруг команда: «Командирам взводов построиться!» К лейтенантскому строю вышел человек и указал пальцем на двоих — старлея с кавалерийскими погонами и Юдина.

Так Юдин оказался во главе взвода в семьдесят штрафников, осужденных военным трибуналом.

ТРИ МЕСЯЦА СМЕРТИ

В знакомстве с подчиненными вместе с ним участвовал и уполномоченный Смерш.

— Он к ним по-хитрому в душу влезал, — рассказывает Юдин. — С каждым беседовал о прошлой жизни, о семье, а потом предлагал: ты, мол, за Васей присматривай — он ненадежный. А Васе про Петю нашептывал. Мне же прямо приказывал докладывать о настрое-

ниях и подписывать докладные псевдонимом Степанов. Про одного я доложил. Фамилию помню — Белов. Из Смоленской области. Был в оккупации. Так он всем рассказывал, как его немцы кормили, на машине катали. Пришлось написать. Приехали, забрали, и больше я о нем не слышал.

Память на фамилии у Степана Алексеевича замечательная. Помнит многих: помкомвзвода у Юдина был старший лейтенант Фролов, осужденный трибуналом за изнасилование, совершенное в освобожденной деревне. Во втором пополнении прибыли капитан Карпечин и майор Глушков. До штрафвзвода первый командовал автобатальоном, а второй был там же начальником штаба. Оба попались на продаже колхозу трофейной машины. А трое других своровали свинью из генеральского свинарника. Приговор трибунала — по десять лет лишения свободы с трехмесячным отбыванием наказания в штрафных ротах.

— Опять неправильно в фильме показано, что штрафники годами воевали, — вставляет очередное замечание Степан Алексеевич. — Больше трех месяцев никто не держался. В течение этого времени надо было искупить свою вину кровью или погибнуть. После ранения их передавали в линейную дивизию, но званий не возвращали. Однако чаще погибали. При прорыве обороны оставалась треть личного состава. И снова скажу об этой картине: не было такого, чтобы гнали на минное поле. Прежде чем прорвать оборону, саперы обязательно делали проходы, которые размечали белыми флажками.

ВЫЛАЗКА НА АРБУЗ

Такие проходы делали не только при наступлении. Дважды группа Юдина ходила в тыл за «языком», и каждый раз вперед выдвигались саперы. Первый рейд

оказался неудачным: вернулись без немца и с потерями. Во второй раз получилось.

— Нам было велено продвигаться в сторону боевого охранения фашистов, — говорит Степан Алексеевич, — окопавшихся на высоте под названием Арбуз. Выдвинулись две группы по 12 человек. Все — добровольцы. Представляете, добровольцы из штрафников. Саперы поснимали мины, перерезали колючую проволоку. Одна группа проникла в тыл и открыла огонь. Немцы в панике начали разворачивать пулеметы. И тут вторая группа ворвалась в траншеи, прикладами оглушила двух фрицев. Поволокли их вместе с пулеметом. В завязавшемся бою перебили все охранение. Потом в армейской газете «За Родину» прочли о себе заметку под заголовком «Смелая вылазка». В ней рассказывалось, как подразделение гвардии младшего лейтенанта Юдина в ночном бою уничтожило более 20 немцев, захватило двух пленных с пулеметом и возвратилось на свои позиции. О том, что в ночном рейде участвовали штрафники, ни слова.

Вспомнили мы со Степаном Алексеевичем еще один фрагмент «Штрафбата», когда бывший зэк Глымов расстреливает струсившего солдата. Спросил ветерана, не случалось ли подобное в его фронтовой практике. Тяжело вздохнув, Юдин начал издали:

— Понимаете, тогда существовала такая практика: на штрафника, замеченного в серьезном проступке, шла докладная в штаб. Оттуда уже поступало указание следующего содержания: «Списать на боевые потери». Означало это одно — расстрелять. Сам приговор в исполнение я не приводил. Это делали солдаты. Был случай, когда один уроженец Средней Азии отказался сменить наблюдателя. Когда его попытались поднять из окопа, он схватил винтовку и нацелил на командира с криком: «Моя стрелять будет!» Утром доложили куда

следует. Получили приказ: «Списать на боевые потери!» Я дал команду, и двое солдат потащили его вниз, к оврагу. А еще был случай, когда мне пришлось самому выносить и выполнять приговор.

ЛЕВА-КАПТЕНАРМУС

И рассказал бывший командир штрафного взвода лейтенант Юдин историю, которая накрепко засела в памяти.

— Прислали ко мне одного солдата. Звали его Лева, служил он каптенармусом в госпитале. Попался на воровстве постельного белья. Так вот этот Лева во время форсирования Южного Буга всячески отставал от первой линии наступающих. Опять же в фильме неправильно показали, что командир идет первым в атаку — только последним. Надо было следить, чтобы сзади никто не оставался. Так вот этот Лева то и дело падал, как будто спотыкался, и старался не вставать. Я кричу: «Лева, вперед!» Не реагирует. План его разгадал: хотел, чтобы я ушел, а он бы драпанул в тыл. Ну, я по нему очередь из автомата пустил.

Оценивать по сегодняшним меркам тогдашний поступок Степана Алексеевича, наверное, некорректно. И все же я спросил, что он думает о расстреле струсившего солдата.

— Да как, — без особого желания продолжать эту тему откликнулся Юдин, — я сам по трупам ходил, и сам мог в любую секунду погибнуть. Как, например, мой ординарец Лыков, который смерть за меня принял. Почему за меня? Да потому, что во время атаки на нем была моя полевая сумка, а я бежал в маскхалате. Вот снайпер и принял Лыкова за командира. Они, снайперы, первым делом стреляли по офицерам и пулеметчикам. А труса не останови — все за ним побегут.

Ведь это только в кино про заградотряды показывали. Ни про какие заградотряды я не слышал. Со мной позади шли четверо связных, два телефониста и ординарец. Вот и весь «заградотряд». Но любого бегуна мы были готовы встретить. И они прекрасно знали, чем это может для них кончиться.

ЦЕНА ЖИЗНИ

В фильме «Штрафбат» есть фрагмент, когда родителям расстрелянного за трусость солдата посылают сообщение, что он пал смертью храбрых. Делалось это втайне от штабистов и смершевцев.

— Никакой тайны не было, — пожимает плечами по поводу очередной киношной выдумки Степан Алексеевич. — И на Леву, и на расстрелянного в овраге парня я подготовил документы, что погибли они в бою. Родители-то их ни при чем. Может, у них самих дети остались. Так пусть гордятся отцами, а не стыдятся.

Нелегко, повторяю, судить о прошлом с позиций сегодняшнего дня. Но попытаться объяснить, почему жестокость была нормой, а стоимость простыней уравнивалась с ценою человеческой жизни, наверное, стоит. И отталкиваться надо от того, что интересы личности у нас всегда приносились в угоду неведомым государственным интересам, во имя которых гибли миллионы. И не только в войну. Степан Алексеевич прекрасно помнит жуткий голод 1933 года в Татарии. Вымирали от недорода целые села. Вот и подался 10-летний Степка с дедом Павлом Ивановичем, полным Георгиевским кавалером Первой мировой, в более благополучную Чувашию. Там христарадничали — собирали по зажиточным дворам хлебные корки. Потом продавали куски в свинарники. Собранных денег хватило на ружьишко, с которым Степка, вернувшись

в родные края, ходил на зайца. Так на зайчатине и продержалась до следующего урожая семья Юдиных.

— А до этого нас раскулачили, — включается в тему Степан Алексеевич, — отобрали дом и корову. Слава богу, до высылки дело не дошло: матери подсказали написать, что мой отец был участником и инвалидом Гражданской войны.

Раскулачивание признали перегибом, Юдиным все вернули. Другим повезло меньше: их отправляли в Сибирь или казахские степи. Вот, наверное, и ответ на вопрос, откуда жестокость и сознание никчемности человеческой жизни. А раз она ничего не стоит, то и отдавать ее не жалко, отбирать — тем более.

Скованные одной цепью штрафники были не только в Советской армии. Когда штрафные роты прорывали Яссо-Кишиневскую линию обороны, то в бронированных дзотах наткнулись на немцев, прикованных цепями к пулеметам. Схватка между солдатами в разных мундирах, испившими одну на всех горькую чашу отторжения, была особенно беспощадной. В тех боях от трех взводов осталась малая горсточка, человек 15.

— И приняли мы тогда решение, — говорит Степан Алексеевич, — оправдать всех оставшихся в живых и передать их в линейные части. Командир приказал сколотить прямо в кукурузном поле столы, а начальнику штаба младшему лейтенанту Саше Белоусову велел сесть и готовить списки, с которыми потом поехал на утверждение к члену военного совета.

Не мог я не спросить еще об одной деликатной стороне общения со штрафниками: не боялся ли Юдин получить пулю в спину?

— Не боялся, — сразу ответил мой собеседник, — потому что знал подходы к человеку. Тех же разжалованных офицеров ставил своими помощниками, командирами отделений и ничем не подчеркивал разни-

цу между нами. А с солдатами... Были у меня два хохла. Так они ночью самогон гнали из винограда, а поутру мне полную фляжку приносили. Ну и других не обижали. А на фронте спирт и махорка всегда в цене. Они сближают людей независимо от звания. И ничего нет дороже доверия, особенно перед атакой, которая для многих становится последней.

С фронта Степан Алексеевич пришел с двумя ранениями, тремя орденами и с женой Еленой Михайловной. Знали они друг друга давно, с самого детства, поскольку росли в одной деревне под названием Шершалан. И на фронт чуть ли не одновременно пошли. Только служила Елена Михайловна не в штрафбате, а в контрразведке в 15-й авиабазе Северного флота...

Челябинский рабочий. 2004. 6 ноября

ШТРАФБАТ

«Документальные» кинокадры, известные всем, об окружении немцев под Сталинградом, когда солдаты бегут навстречу друг другу по заснеженному полю, были сняты кинооператорами позже, с подразделениями, специально выделенными для исторической съемки. Прорывали же оборону немцев и замыкали кольцо Сталинградского окружения штрафники. В съемках они не участвовали, как, впрочем, и в Параде Победы на Красной площади в Москве.

Со многими из этих людей я познакомился позже, когда работал над сценарием фильма «Штрафники». Не все, с кем удалось встретиться, были готовы откровенно рассказать о своем прошлом, о «непрописанных» страницах войны. Ко многим я опоздал.

Не хочется предвосхищать своих героев. Как складывались их судьбы в войне и кем они были, вы поймете из их монологов, представляемых здесь вам. Замечу лишь, что те, кто говорил со мной открыто, хотели, чтобы эти черные страницы нашей фронтовой правды когда-нибудь стали известны людям.

Буду благодарен, если ветераны напишут мне: 119021, Москва, Zubовский бульвар, д. 16—20, кв. 77.

Евгений Швед, киносценарист

Военюрист Александр Александрович Долотцев:

— Сейчас легко рассуждать. Всякий студент-юрист разберется да осудит еще. А тогда, во время войны... В экстремальных ситуациях другой меры наказания, кроме как расстрел, не было дано! Всякая другая мера — избавление от войны и от смерти, потому что гибли, как правило, все. Мы тоже — прокуроры, трибунальцы — гибли.

Сталинизм проявлялся в привлечении людей по ст. 58, т.н. «антисоветская агитация». А в том, что за переход на сторону врага мы судили, меня никто не упрекнет. Во всех странах за измену Родине судят, за членовредительство тоже. Война требует жестокости.

Конечно, помню свой первый приговор. На нейтральной полосе задержали армянина при попытке перейти к немцам. Трибунал приговорил его к 10 годам, но фронтовое начальство не утвердило. Сказали — не серьезно. Дело ко мне и попало. Как быть? Я — судья. Приговорил к смертной казни. Так и запомнил первый смертный приговор: читаю, а у самого коленки дрожат...

Приговоры встречали спокойно. За всю войну только один-единственный обматюкал судей. У него по 58-10 за контрреволюционную агитацию — высшая мера наказания. «Ну, — говорит, — и мудаки же вы!» Теперь, я думаю, прав он был.

В современных фильмах о войне многое не так. Она ведь гораздо жестче была. Когда нас бомбили — кишки на проводах да на деревьях висели. Или шапка, или шинель. Особенно под Харьковом, когда мы отступали, нас так молотило! Никто не знал, удастся выбраться или нет. Бомбы рвутся справа, слева! Земля ходуном. А мы — назад. Теперь не понять ту трагедию. Мы же плакали, когда отступали. Думали на ЕГО территории воевать и что отступаем лишь первые дни...

Уже и пополнение появилось, а нас все продолжали гнать. Из-под Харькова вон куда бежали: одни в Сталинград, другие до Владикавказа. Куда дальше — в Турцию, что ли?

Страшно, когда бежит неуправляемая масса. Тут и скот эвакуируется, и люди. Заполнили все дороги, мешают войскам отступать. А немец летает, и с высоты 50 метров всех расстреливает. Куда бомбу ни бросишь — везде попадешь. А мы деревню за деревней без боя оставляем. Деревенские нас кормят, последним куском делятся! Ем я тот хлеб и знаю, что через час отступлю, уйду. Но молчу! Не говорю, не имею права! Это же подло было. Просто предательство по отношению к ним! Знаем — и не говорим. И народ оставляем... Если скажем, они тоже побегут — нам осложнят дорогу. Как нам было стыдно и больно! Перед людьми, перед стариками.

Рассматриваю дело: четыре человека из запасного полка готовились перейти на сторону врага. Спрашиваю. Объясняют, что был разговор, но не конкретный. А вообще-то их, мол, к этому подбивал такой-то. Почему его не привлекли? Вызываю.

Четверо на него показывают, я тоже нажимаю, а он крутится-вертится. «Не сам, — отвечает, — мне старший лейтенант приказал такие разговоры вести». — «Какой?»

Вызываю этого старлея, оперуполномоченного. Беру подписку за дачу ложных показаний, за отказ от дачи показаний. Зачитываю показания свидетелей. А он заявляет: «Ничего не буду отвечать, это наша оперативная работа!» У меня аж закипело! Паразиты! Мало нам изменников настоящих — не все же добросовестно воевали, сколько еще и перебегало на сторону врага! Но зачем искусственных-то делать? По неопытности своей и горячности думаю: «Доведу-ка я это дело до

конца!» Нет, говорю, вы дали подписку, и я вынужден буду вынести определение о привлечении вас к уголовной ответственности.

Оказывается, они держали в запасном полку сексота, он на них работал. Его за это на передовую не отправляли. Не будет «бегать» — отправят со всеми. Вот он и готов был из шкуры вылезти. Людей погубить — не себя! Находит и подталкивает...

Олег Павлович Будничук:

— Скороговоркой сообщают, что обвиняюсь в мажордерстве. Рассказываю, как на самом деле было. Говорят, не имеет значения. Пытался объяснить — и слушать не хотят. Им все до лампочки — на меня есть «телега». Чувствую, совершенно пустое дело — защищаться: не переломить. Может, если бы просил о чем или речь держал... Я пожал плечами. Они меж собой шепнулись и зачитывают приговор: семь или восемь лет, не помню точно, с заменой штрафным батальоном. Я — без звука. Поворачиваюсь, а сзади сидит девушка, и ей говорят, чтобы документы подготовила. Очень симпатичная девушка. А в трибунале она переписывала начисто — у них, оказывается, решение заранее написано было! В течение пяти-семи минут все это и произошло.

Валерий Иванович Голубев:

— В штрафной батальон я из авиашколы попал. Колочей проволоки восемь рядов — только тени за ней проглядывают. Станция Овчалы, около Тбилиси. Душа не хотела туда.

На воротах стоял огромный детина — «полтора Ивана». Что запомнилось — абсолютно бесстрастные глаза у него. Будто судьба глядит на тебя безразличным

взглядом. Этот Иван притерся ко всему, видно, не первый год там был, командовал воротами. Никакой пощады от него ждать не приходилось.

У многих штрафников война началась сразу, как только они пересекли ворота штрафбата. Там болтались «старики», устраивали «проверку» вновь прибывших: кто позволял себя раздеть — раздевали... Эту дань переводили в деньги и давали, говорят, взятку начальству, чтобы их не отправляли на фронт. Они были те же штрафники, но сплотились, создали банду.

Спали под открытым небом, на земле. Стояли там в несколько рядов домики, но жить в них было нельзя. Вообразите, если бы даже со всей Европы и Азии собрали в кучу клопов, то их было бы раза в три меньше, чем в одном домике штрафного батальона.

В первую же ночь у меня — приступ малярии. Мучался, потом забылся. Очнулся под огромной тяжестью — много одежды накидали. Мы были чужие, каждый сам за себя, а все приняли участие во мне. Могли бы спокойненько спать на своих бушлатах или шинельках, а нет, пожертвовали, чтоб мне полегче было! Это было первое чувство: удовлетворение, что я среди людей. Живых...

Началась настоящая штрафная жизнь: в сортир бегом, на завтрак бегом, на занятия тоже. Все бегом. Кормили так: четыре ложки кукурузной каши — по одной утром и вечером да две в обед, правда, к ним добавляли еще какую-то муру. Бывалые говорили, что нам выдавали десятую часть положенного. Как бы то ни было, наше меню состояло из четырех ложек еды, неограниченного количества солнечных лучей и добротной матерщины.

Убийства происходили каждый день, вернее, каждую ночь. Кто успевал вскрикнуть, кто и так... Гибло много людей: один в карты проиграл, другого проигра-

ли. Утром складывали трупы у ворот. За ночь набиралось два-три трупа, иногда — больше, штабель накладывался. Из вновь прибывших наутро мертвыми обычно оказывалось человек пять. Сначала было удивительно, потом к этому привыкли...

Так прошел месяц.

У нас формировались штрафные роты. Но на фронт отправляли только побатальонно — три роты. Наберут эшелон — 750 человек — и вперед. Перед отправкой нас переодели. Вновь присяга. И строем, под марш оркестра, с генералом впереди, — от лагеря до вокзала. Повзводно, с конвоем и собаками — на немецкий обоз, — через весь город.

Военюрист Долотцев:

— Дезертиров мы, как правило, расстреливали редко: годен же, искупает пусть! Расстреливали членовредителей: не годен. Тюрьму ему дать — это будет как раз то, что он хотел. Были перебежчики, самострелов много. Больше, чем вы думаете! И больше, чем мы судили: хватало не каждого, а только явных. В поле зрения прокурора не попадало, думаю, столько же. Сейчас мы на многие вещи по-другому смотрим, но за такие преступления — все равно расстрел...

Иван Михайлович Богатырев:

— В штрафной приезжали сами. С документами и приговором трибунала. Моя обязанность была принять. Здесь он снимает с себя все: сапоги хромовые, португеею, командное обмундирование. Переодевается и рассказывает, как был осужден.

Сдает мне, значит, в каптерку офицерское и становится уже солдатом, пока не искупит вину кровью. Или погибнет, и уже не возвращается, или после ране-

ния из госпиталя прибывает к нам, чтобы получить свое прежнее обмундирование. Ему прощают тогда.

От обычного солдата штрафник внешне не отличался: тогда и немец мог бы узнать, что он штрафник. Немцы штрафников особенно боялись — отчаянный был народ! Шел на все...

Олег Павлович Будничук:

— «Хозяйство БЛОХ» — так местные остряки именovali штрафной батальон подполковника Булгакова. Меня определили по специальности, разведать огневые точки противника, на полосе обороны и на глубину. Отобрал себе в группу еще несколько человек, и через трое суток мы положили комбату на стол карту. «Что ж, — говорит, — идите к землянкам и отдыхайте...»

День проходит — не беспокоят, второй — тишина. Как на курорте. На войне — ни до, ни после так не жил! И так в этой санатории-профилактории семь дней! Вдруг посреди ночи будят: «В штаб!» А там уже документы и справки Булгаковым подписаны, что вину перед Родиной искупил. Со справкой выпроваживают к кладовщику за сухим пайком: скорее! Мы сумели отойти всего километра на полтора, как сзади треск, шум, грохот. Такой гром стоит, черт знает что! Небо запыхало. Это штрафной батальон пошел в бой...

Второй раз, когда снова в штрафной, опять к Булгакову попал. Он полушутя предложил: «Может, у меня останешься? Какая разведчику разница, где по ночам на пузе ползать, «языков» таскать? Так отсюда хоть в штрафбат посылать не будут...»

Второй раз, когда из штрафбата вернулся, напился всмерть! Дня два или три откачивали... «Принимай, — говорят, — своих!» Нет, говорю! Хватит в штрафбат без конца ходить. Ясно, что добром это никак не может

кончиться, во всяком случае, для меня. Пошекотал нервы, удовлетворил честолюбие — и хватит! Расстреливайте — в разведку не пойду!

Военюрист Долотцев:

— Много расстреливали. Еще и как расстреливали! Потом даже пришло разъяснение, что нельзя слишком часто и так необоснованно применять трибуналами высшую меру.

После приказа № 227 мы хоть на страхе, но стали держаться. А до приказа бежали, когда и надо, и когда нет. Страх был нужен, чтобы заставить людей идти на смерть. И это в самые напряженные бои, когда контратаки, а идти страшно, очень страшно! Встаешь из окопа — ничем не защищен. Не на прогулку ведь — на смерть! Не так просто... Я ходил, иначе как мне людей судить? Потому и аппарат принуждения, и заградотряды, которые стояли сзади. Побежишь — поймают. Двоих-троих расстреляют, остальные — в бой! Не за себя страх, за семью. Ведь если расстреливали, то как врагов народа. А в тылу уже машина НКВД работает: жены, дети, родители — в Сибирь, как родственники изменников. Тут и подумаешь, что лучше: сдаваться в плен или не сдаваться? И проявишь героизм, если сзади — пулеметы! Страхом, страхом держали!

Что касается нас, то в месяц мы расстреливали человек 25-40. Это я потом, когда подсчитали, ужаснулся.

Перед строем стреляли не всех — явных. С представителями от частей и при новом пополнении. И сразу же митинг: «Лучше честно сложить голову, чем умереть от своей пули, как собака!...»

Валерий Иванович Голубев:

— Трудно было, и совсем ни до чего. Отвыкли от ходьбы, а тут по 50 километров переходы делаем! Куда-

нибудь бы упасть, прилечь... Думаю, чистая случайность вышла, конвоиров не обвиняю: привели в темноте, не видели ночью, что болото. Привал. Только сели — вода стала выступать. Конвой окрикивает — не подняться. Так мы и уснули с товарищем сидя, спина к спине. Проснулись — по пояс в воде. А многие захлебнулись, погибли. Утром вывели на сухое место, посчитались, пошли. Конвой злой — ему за нас отвечать надо.

Так приблизились к фронту. Не обратил внимания, полевой ли, полем шли — немец стал кидать мины. Страшно, но не убежишь никуда — конвой. Кто подшучивает, кто храбрится. Но вот что удивило, и даже потом, через многие годы, картинка эта является наиболее ярко из штрафного батальона. Идем мы, трясемся (обстрел же!), а на опушке леса маленький шалашик — только колышки поставлены, ничем не прикрытые. Сидит посреди солдат. Ему девушка-солдатка положила голову на плечо, он играет на гармонии, и им на все наплевать! И наигрывает такие мотивы! И ни она, ни он никакого обстрела не видят. И нас не заметили, наверное, как мы прошли мимо.

Утром расконвоировали, дали оружие. Смазку снимаю и думаю: «Что сейчас начнется, Господи ты мой! Если тогда драки какие были!» Но как рукой сняло! Никто и ничегошеньки. Убийства кончились, все прекратилось мигом.

Военюрист Долотцев:

— В 18-й армии я понял, что меня посадят. Я стал поперек пути у Смерш, когда оправдал Задорожного, и меня тут же отстранили.

Разведчик Задорожный был арестован по обвинению в том, что хранил портрет Гитлера и две листовки. Статья 58-10, «антисоветская пропаганда». Когда я взял

дело, у меня и сомнений не было. И он признает: хранил. Для чего хранил? Художник я, отвечает, окончил Киевское художественное училище, а портрет держал, чтобы рисовать карикатуры. Публиковали, говорит, и во фронтовой газете, и в армейской. После войны хотел написать книгу воспоминаний — потому и листовки.

В перерыве суда я не поленился, полистал подшивки, нашел карикатуры за подписью «Худ. Задорожный», изъял, вынес определение о приобщении к делу. Узнал, какой он разведчик. Ходил к немцам, говорят, старшим в группе разведки, даже офицера приволок. Орден Красной Звезды. У меня к нему душа повернулась. Ну как же, человек бывал у немцев в тылу, приводил «языка», и он — антисоветчик? Ему лучше всего было там остаться, возвращаться зачем?

У меня, тогда капитана, заседателем майор Бурцев был. Видимо, почувствовал мое отношение, говорит: «Нет вопроса! Для меня ясно — это враг! Изворачивается — мало ли что он сейчас говорит?»

Более опытные на моем месте поступали в такой ситуации хитрее: судья старался вернуть дело на исследование, потом оно к нему уже не возвратится. Поэтому и переправляли, чтоб не пачкаться — пускай другой барахтается! А он останется чист! Вынести оправдательный приговор — очень острое, ответственное решение, особенно по обвинению в государственном преступлении, да еще во время войны — сам попадешь!

Отошли мы за кусты — это у нас совещательная комната была в полевых условиях, решаем. Есть ли хранение антисоветской агитации? Есть! Но в законе: «...с целью подрыва или свержения...» Есть ли цель? Майор Бурцев уже высказался. Второй заседатель, капитан-пограничник, говорит: «Мне кажется, у него этой цели нет...» Теперь уже и мне свое мнение высказывать можно, говорю: «Согласен с капитаном! Закон

преследует, когда только «с целью». Сел писать оправдательный приговор, а Бурцев написал особое мнение.

Когда я огласил: «Оправдать!» — Задорожный не ожидал такого, затрясся весь и заплакал. Ждал-то он лет 10 как минимум или расстрел! На фронте расстрел — запросто...

Объясняю Задорожному его права (а освобождать тогда разрешалось только по истечении трех суток, если не последует протест прокурора), а меня уже вызывают к председателю военного трибунала. Он — у начальника Смерш. Вот власть! Прокурор — подполковник, председатель трибунала — подполковник, а начальник особого отдела Смерш — генерал-майор! Соотношение как? Председатель наш был грузин. Вся контрразведка была в основном из грузин, особенно руководящие. Кадры там подбирались не по интеллекту, а по преданности Бери: «молотобойцы», умеющие любого человека сломить и нужные показания получить! «Ты что, — говорит председатель, — мать твою, там творишь? Почему оправдали? Без партийного билета останешься! Пошел вон!»

Майор Бурцев был сексотом, уже доложил. Они везде вербовали. Это потом было указание, чтобы судей не вербовать. Все, что мы говорили, они знали.

На мой приговор последовал прокурорский протест, приговор отменили, дело вернули обратно, но уже не мне. При новом рассмотрении осудили Задорожного к 10 годам лишения свободы. 58-я статья в штрафбат не шла — в лагеря отправляли. Он и загудел.

Я молодой еще был, не боялся. Написал в Военную коллегия. Сейчас бы тысячу раз подумал и, скорее всего, так бы и не написал. А тогда я верил в правосудие! Нас же не учили: «Невиновного хватайте и сажайте!» Но при этом считалось, что необоснованное оправдание человека, обвиняемого в государственном

преступлении, — политическая незрелость! И такому судье доверия нет! Работать в трибунале не может.

На очередном партсобрании прокурор «доложил», что судья дошел до того, что готов всех врагов нашей Советской власти оправдывать, дела прекращать. Это было уже мое не первое «оправдательное» дело. Чуть раньше прекратил дело на женщину, обвиненную в измене Родине. Преступление заключалось в том, что она сожительствовала с немецким офицером. Вот ей измену Родине и вмазали! Она только мужу и изменила, но особисты «слепили»! Что ж не «лепить», если за 14 законченных дел они получали орден Красной Звезды. Наград у них за войну больше, чем у боевых офицеров!

После собрания остался я как бы в изоляции. У нас столовая общая — контрразведки, прокуратуры и трибунала. Прихожу, сажусь. Если кто-то рядом на скамейке или за столом, то он встает, уходит. И молчат. Азербайджанец Сафаров и старший лейтенант Овсянников — единственные, кто со мной вступал в разговоры. Словом, в таком оказался положении. И тогда я решил идти к начальнику политотдела полковнику Брежневу...

Валерий Иванович Голубев:

— Не довели нас до передовой — немец попер, танковая атака. И, видимо, необстрелянный там был народ. Короче, передовая наша снялась. Команда: «Задержать передовую!» Сзади нас заградотряд, и мы, в свою очередь — заградотряд у передовой. Не косили их, нет. Просто положили, и все. Стреляли по верху голов. А потом их командиры поднимали. А у нас — аккордеон играет. У поляков нашли, аккордеонист же был свой. И все эти дела — бои, стычки там всякие — у нас под музыку происходили.

Кличут добровольцев на разведку боем. Думали мы

с другом, думали и... трусили! Решили воздержаться. Вызвалось человек двадцать. Ушли. Вернулись четверо. И задачу не выполнили. Опять набирают. И всегда в таких случаях обещают, что если задача будет выполнена, то штраф снимут. Давайте!

Мы с Лешкой все-таки решились пойти. Задача — взять боевое охранение. Был полдень, двенадцать дня. Расстояние между траншеями небольшое, они нас совсем не ждали. Человек тридцать нас ушло. Получилось быстро, удачно. От ярости мужики, честно говоря, разгромили боевое охранение. Успели одного словить, с собой привели. Но из штрафной никто не ушел: нас сняли с передней линии, сделали связными, распахали кого куда, даже в хоззвод направили.

Олег Павлович Будничук:

— Первый раз попал в штрафной анекдотично. Меня только поставили командиром роты разведки, и бойцы решили отметить: тут тебе, значит, и поминки по убитому командиру, и встреча нового. От партизан перегнали корову, закололи, зажарили. Откуда ни возьмись, подъезжает на «виллисе» подполковник Полянский. Приказывает, чтоб в машину коровью ногу положили. Я ответил, что сам еще полугость. Он раскричался, уехал. А через некоторое время особый отдел обвинил меня за корову в мародерстве. Так попал в штрафбат к Булгакову в первый раз. А второй... Приехал к нам из штаба молодой майор, руководить операцией. Говорили, племянник начальника разведки. За орденами, значит. Я ему доложил свой план захвата «языка» с отметки 204 — такое мы получили задание. Выслушал он меня, план забраковал и отстранил как не способного выполнить задание.

Проходит несколько дней. Вызывает командир, в глаза не смотрит: «Майор уехал, заболел. Не может

осуществить операцию. Переигрывать нельзя, на сегодня назначено. Придется тебе...» Да я, говорю, уже дня четыре не видел переднего края! Что угодно могло там измениться! Но деваться некуда.

Пошли. Конечно, подготовлено все было не так. Только клинический идиот мог придумать протащить через нейтралку 45 человек! По пятнадцать — группа захвата и две обеспечивающие. Естественно, немцы нас обнаружили. Зажали с двух сторон. Мы, правда, заскочили к ним в окоп и гранатами отбивались, но потом выскочили и поползли к своим. Чтобы отсечь немцев, вызвали минометный огонь на себя.

Пришел в сознание на больничной койке. Товарищ в белом халате вопросы задает, я рассказываю. Доктор, говорю... «Не доктор я, — отвечает, — а следователь из особого отдела. Вас судить будут...»

Судил трибунал: «Что хотите сказать?» Я рассмеялся. Все было ясно.

Сколько лет прошло, а от этой несправедливости обида осталась.

Иван Михайлович Богатырев:

— Участки для боя давали самые тяжелые. А штрафники народ отчаянный, в атаку шли дружно. Лопатки за пояс, черенками вниз, так советовали, чтобы грудь прикрывать. И во весь рост! Они знали, что должны, и шли... Он не убежит, штрафник. Скорее убежит солдат обыкновенный. Или отступить будет, или в плен сдастся. А штрафники — нет, не сдавались. Их командирства, орденов и всего прочего лишали, а в партии оставляли. Партбилеты были при них. Воевали до крови.

Военюрист Долотцев:

— Я с Брежневым знаком не был, встречались мельком пару раз на Малой земле. Рассказал суть дела, объ-

яснил, что допущена ошибка. Сообщил и про письмо в Военную коллегия с просьбой истребовать это дело и рассмотреть в порядке судебного надзора. А просьба моя состояла в том, чтобы до возвращения дела из Москвы не рассматривали мое персональное партийное дело. Потому что ясно: сейчас меня исключат из партии, а потом что? А если приговор отменяют? У меня все-таки теплилась какая-то надежда.. Обещал. Позволил. Приказал.

Проходит месяц, второй пошел. Как почта приходит — я туда! А дела все нет и нет. Сидим мы как-то в августе, уже месяца через два, связист орет: «Дело Задорожного!» Я вскочил, руки трясутся. Схватил, страницы листаю. В этих строчках была моя судьба!

Вижу определение Военной коллегии: «Приговор трибунала армии и определение трибунала фронта ОТМЕНИТЬ и оставить в силе первый приговор».

Я верил, что добьюсь! Подскочил от радости так, думал, головой землянку прошибу! Радость была даже большая, чем медаль «За отвагу» на Малой земле. Схватил дело и к начальству: «Вот!» Меня, говорю, куда-нибудь подальше, иначе посадят. И показания найдутся. Признал, не признал — загудишь по 58-10! Я понял, что если останусь здесь, то долго мне прожить не удастся. Круг замкнулся.

Иван Михайлович Богатырев:

— Деревня Редькино. А через опушку — село Воскресенское. Его надо было занять в ночном бою. Наш батальон, поскольку штрафной, всегда идет в лоб первый. Остальные — с флангов. Оставалось уже метров 200—300 до Воскресенского. Залегли, ждем сигнала. А в это время танки наши пошли по опушке леса. Немец всколотился, подвесил «фонари». Мы — как на ладони. Из миномета по нам. И все.

Валерий Иванович Голубев:

— Отдельная армейская штрафная рота болтается по всему фронту армии. Выматываешься, роешь окоп, уснуть бы ночью, команда: «Подъем!» — и марш-бросок в другое место. В атаку шли — «За Родину, за Сталина!» не кричали. Матюки сплошь. Это и было «Ура!» штрафной роты. Там не до Сталина было.

Олег Павлович Будничук:

— Болею, ревматизм крутит. На День Победы часто и не встаю. В дивизию на встречи не хожу. А штрафной?

Отец во время войны был техническим директором военного завода, бронировал тысячи людей. Ему ничего не стоило сына пристроить, держать при себе. Нет — и в голове не держал.

Валерий Иванович Голубев:

— Меня под трибунал за дело. Несколько «залетов» основательных, запросто могли «вышака» дать, а мне шесть лет с заменой. Извините, не буду говорить — за что. Жить я не собирался. Ощущение было — кончилась будущая моя жизнь.

Друг один посоветовал: будет страшно — пошевели большим пальцем ноги. Я как-то вспомнил и пошевелил. Надо же, и страх ушел, и улыбка на лице. Танки прут, а у меня улыбка на роже. Не надеялся я жить в своей будущей жизни.

Военюрист Долотцев:

— Судили не по своей воле! Страхом держали, но в идею — верили! Мы верили, что должны эту мировую революцию совершить и зажить по-человечески! Теперь уже веры прежней нет. А что осталось? Не хочу

быть пророком, но если будет война или что-то подобное — не дай Бог! — поверьте мне, мы не найдем ничего другого, кроме как применить угрозу и силу, чтобы заставить людей воевать! И будем стрелять! Не станет 58-10 — найдется другая. Иного не дано — разбегутся. Если грех брать, пусть партийные органы на себя тоже берут! Они командовали нами. Я был бы рад, если бы меня начальник политотдела хоть раз поддержал. Они только давили! Я скоро из жизни уйду, но скажу: до последнего времени не знаю, зачем они вмешивались в это дело?

Иван Михайлович Богатырев:

— У меня медали «За отвагу», «За боевые заслуги», орден Отечественной войны — это с фронта. Теперь еще военкоматы каждый год дают. Этих у меня много — 14 штук. Даю правнуку играть. Они так и лежат, в полиэтиленовом пакете. Сам не надеваю — не люблю. Гремят они...

Родина. 1991. № 6—7

ПРАВДА И ЛОЖЬ О ШТРАФНИКАХ

Поздним вечером 15 ноября на Первом телеканале прошел показ документального фильма «Подвиг по приговору», рассказывающего об истории штрафников времен Великой Отечественной войны. Причем телевизионщики рассказали не только о штрафных батальонах и ротах, воевавших в Красной армии, но и о немецких штрафниках, так называемых тенях вермахта. Немецкие штрафные подразделения, к концу войны по своей численности доходившие до дивизии, кстати, появились в немецкой армии на два года раньше, чем в нашей. Мало этого, авторы фильма поведали телезрителям историю штрафников, начиная с времен римских легионеров и солдат Петра I. В фильме было представлено слово нескольким советским ветеранам. Некоторые из них сами были штрафниками, среди участников фильма был и ветеран, в годы войны командовавший штрафной ротой. В фильм также вошел рассказ немца, прошедшего войну в составе немецких штрафных подразделений. Насколько же увиденное и услышанное в этот поздний вечер разительно отличается от всего того, что год назад нам показывали в лживой киноподелке «Штрафбат»!

Истины ради надо отметить, что телевизионщики, авторы новой работы Первого канала, не были бы са-

ми собой, если бы в своей работе не попытались лягнуть прежний строй и прежнюю власть. Так, свою новую работу они преподносят как какое-то крупное, ранее неведомое миллионам людей открытие в истории Великой Отечественной войны, как великую тайну, хранившуюся властями чуть ли не за семью печатями, как что-то столь секретное в прежние годы, что об этом в нашей стране почти никто ничего не знал. Не зря же свою работу они поставили в рубрику «Тайны века». По их комментариям, звучащим с экрана, выходит, что история штрафников — это великая тайна. Хороша же тайна, о которой знали миллионы воевавших, которым зачитывался знаменитый приказ №227, больше известный как сталинский приказ «Ни шагу назад». Тайна, о которой в шестидесятые годы по всей нашей стране пел Владимир Высоцкий. Его голос звучал с тысяч магнитофонных лент.

Не удержались авторы-документалисты и от того, чтобы не обвинить советское командование в якобы неоправданной жестокости. Так, это командование, оказывается, иногда посылало в атаку тысячи штрафников лишь для того, чтобы разведать огневые точки противника. Откуда взялись эти тысячи, если у командования в распоряжении были лишь батальон или рота штрафников?

Вот немцы подобное сделать могли, поскольку в вермахте была даже штрафная дивизия № 999. Но для наших нынешних деятелей с телевидения немцы — чуть ли не воплощение ангельской заботы о собственных солдатах. Да и не только о них. А ведь одно то, что, в отличие от нашей поистине более гуманной системы наказания провинившихся (по которой максимальный срок пребывания в штрафниках — три месяца или до первого ранения), в немецкой армии существовала система бессрочного пребывания в штрафниках и

не признавались никакие ранения — искупление вины кровью, — говорит о многом. Мало этого, особо отличившихся в боях штрафников в нашей, Красной армии, награждали боевыми наградами. То, что мало кто из штрафников выживал — это правда.

Но даже при перечисленных попытках авторов новой работы мазнуть черной краской наше прошлое их фильм можно расценивать как образец правдивости в сравнении с грязной киностряпней «Штрафбат», которую нам показали в преддверии шестидесятилетия Победы. В «Подвиге по приговору» нам рассказывают очевидцы — и их рассказ подкрепляется документами — о том, что командирами штрафников назначались боевые, как правило, опытные, проверенные офицеры, ничем не запятнавшие свою офицерскую репутацию и честь, а снявшие заказанную и, наверное, хорошо заплаченную киноподлость, авторы «Штрафбата» уверяют зрителей, что тех командиров назначали из состава самих же штрафников. Во всяком случае, главный герой их фильма, разжалованный майор, штрафник Твердохлебов командует штрафным батальоном.

Участники войны, бывшие штрафники рассказывают (и это вновь подтверждается в документальном фильме выдержками из сталинского приказа) о том, что штрафные батальоны формировались из провинившихся офицеров, а штрафные роты из солдат и сержантов, и если в самом начале их формирования они и пополнялись за счет заключенных, то этих заключенных, кандидатов в штрафники, начальники лагерей отбирали строже, чем сегодня кандидатов в депутаты. Нам же в «Штрафбате» вешают лапшу на уши: штрафбат Твердохлебова сформирован наполовину из бывших зэков — «политических» и уголовников, наполовину — из проштрафившихся солдат. И лишь не-

большое число бойцов батальона составляют бывшие средние и старшие командиры, то есть офицеры.

Это кто ж из энкавэдэшников посмел послушаться приказа Сталина, направив рядовых штрафников в штрафбат? Ведь по тому же сталинскому приказу командующим армиями (обратите внимание — армиями) предписывалось «сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной». Это кто ж такой умный и смелый из киногероев решился на то, чтобы переиначить приказ наркома обороны товарища Сталина? Ведь по логике тех же авторов «Штрафбата» любой мог «наступать» куда следует о том, что такой-сякой ненадлежащим образом исполняет приказ вождя, направляя проштрафившихся рядовых солдат в штрафные батальоны вместо штрафных рот. Или авторам фильма, выполняя заказ, было все равно, что батальон, что рота, что рядовой, что командир, что фронт, что армия? А может быть, они и приказа того не читали?

В володарско-досталевском сериале не нашлось места ни одному порядочному, честному, умному энкавэдэшнику, командовавшему штрафниками (кстати, почему авторы их, подчиненных Берии, сделали боевыми командирами?): сплошь карьеристы, откровенные мерзавцы, кровожадные звери, чурки с глазами. Может быть, так шибко повезло тому же Твердохлебову и его товарищам по несчастью исключительно по воле авторов? А в документальном фильме его участники, бывшие штрафники, о мерзавцах, самодурах и извергах, попадавших в командиры штрафбатальонов

и штрафрот, рассказывают как о редких исключениях, как о тех поганных овцах, которые портят стадо.

В «Штрафбате» есть эпизод, в котором бойцы заградотряда из пулемета расстреливают раненых штрафников, выходящих из боя. И вновь — подлое вранье! Ветераны с экрана рассказывают, что никогда за их спиной в бою не было никаких заградотрядов. Эти отряды в ближнем тылу отлавливали дезертиров, предателей, самострелов. Да и нужды в них на передовой не было: струсивших или предавших штрафников мог на месте расстрелять их командир. В полном соответствии с приказом. Ветеранам, непосредственным участникам событий, вторят авторы документального кинорассказа: в архивах не найдено ни одного документа о том, что какой-либо заградотряд расстрелял отступивших в бою штрафников. Почему же так разнятся оценки телевизионщиков одного и того же явления? На мой взгляд, потому что свой «Штрафбат» его авторы делали на заказ с целью вылить ушат помоев на наше прошлое, на советскую власть в канун 60-летия Победы.

Надо признать: есть в «Штрафбате» по-настоящему сильные кадры — заключительные, когда на экране идут титры, идет перечисление 1049 штрафных батальонов и штрафных рот, участвовавших в Великой Отечественной войне. Но даже эти кадры появились на экране все с той же с самого начала заложенной в фильм целью — показать жестокость прошлого строя, жестокость советской власти, внушить людям мыслишку, что чуть ли не кровью исключительно штрафников была завоевана наша великая Победа. Хотя, как отметили авторы «Подвига по приговору», за всю войну в штрафниках побывал лишь один процент от всего состава Красной армии. Но заключить свой отклик на два принципиально разных фильма об одном явлении

великой войны я хочу не словами об этих фильмах и их авторах, а словами о настоящих героях. Мы должны помнить всех тех воинов, в их числе и штрафников, которые честно выполнили свой долг перед Родиной, которые погибли в боях Великой Отечественной войны.

Советская Россия. 2005. 22 ноября. № 152 (12763)

СЕРИАЛ «ШТРАФБАТ»

Негативные явления, происходящие сейчас в России, не обошли и средства массовой информации, в том числе телевидение. Здесь прослеживается характерная тенденция: на фоне качественного роста технических возможностей съемки и монтажа, насыщения картин спецэффектами и т.п. наблюдается резкое падение уровня конечной продукции. Редкие исключения лишь подтверждают печальное правило. Основными причинами этого представляется отсутствие серьезного контроля за качеством фильмов, сериалов и программ, в том числе исторической тематики. Яркой иллюстрацией к вышесказанному является сериал «Штрафбат», показанный в 2004 г. каналом «Россия».

Привлечение к съемкам в фильме известных актеров и широкомасштабная рекламная кампания неизбежно должны были привести создателей сериала к профессиональному и коммерческому успеху. Надо сказать сразу, что эта задача была реализована — большинству зрителей игра актеров и сюжетная линия понравились. Однако многим, в том числе и авторам данной рецензии, просмотр не доставил никакого удовольствия, так как фильм — откровенная историко-героическая халтура с колоссальным количеством фактических ошибок. К сожалению, сериал сильно напоминает несуразный детский анекдот, где «подводная

лодка в степях Украины погибла в неравном воздушном бою». Очень жаль, что создатели «Штрафбата» не удосужились ознакомиться с соответствующей военно-исторической и мемуарной литературой, благодаря чему могли бы избежать многих фактических ошибок и неточностей. Еще хуже то, что ответственные за создание данного «шедевра» лица, в первую очередь автор сценария, не только не признают свои явные промахи, но напротив, считают обрушившийся на них вал критики «придирами идиотов». На наш взгляд, это патологическое неуважение и к зрителям сериала, и к истории своей страны. Остается надеяться, что впредь данный авторский коллектив не «осчастливит» нас своими псевдоисторическими поделками.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Наиболее серьезная ошибка заключается в смешении двух типов штрафных частей — батальонов и рот, которые имели существенные различия. В сериале речь идет именно о штрафной роте, по недоразумению названной батальоном.

Еще одна существенная ошибка — назначение осужденного офицера командиром штрафной части. Это невозможно по многим причинам, тем более к лету 1943 г., когда происходит действие фильма. Стоит упомянуть также необъяснимое отсутствие иных офицеров и сержантов кадрового (постоянного) состава. С переменным составом тоже не все в порядке. В штрафные части направляли главным образом военнотружеников, бывшие заключенные могли оказаться в ротах, но не в батальонах; а вот появление там бывших осужденных по 58-й статье, да еще смешение их с уголовниками — результат буйной фантазии авторов сериала.

На фоне этих промахов выделяется в лучшую сторону показанное в сериале обмундирование и снаряже-

ние. Штрафники носят гимнастерки и старого, и нового образца, как это и было в действительности; более того, на солдатских гимнастерках, в отличие от командирских, отсутствуют нагрудные карманы, что соответствует истине.

Большое количество военнослужащих в ботинках с обмотками также отвечает реалиям третьего года войны, вот только нижний край обмотки должен наматываться поверх верхнего края ботинка, а не внутрь него, как показано в фильме.

Непонятно практически полное отсутствие верхней одежды (шинелей или ватников), которая даже летом необходима солдатам, постоянно находящимся под открытым небом.

По вооружению замечания более существенны. Единственным штатным вооружением в штрафной роте могла быть трехлинейная винтовка со штыком (штыков в фильме нет вовсе). Автоматического оружия, тем более пулеметов и противотанковых ружей, как показано в фильме, переменному составу рот не выдавали. У штрафников Твердохлебова подобное оружие могло появиться только после первого боя, в качестве трофеев, или оно было подобрано на поле боя у убитых. Обычно такую «самодеятельность» начальство не запрещало.

Артиллерийские батареи действительно могли временно придаваться штрафным частям для их усиления, однако штрафных артиллерийских частей никогда не существовало!

1-Я СЕРИЯ

И у офицера вермахта, и у штурмбаннфюрера СС напрочь отсутствуют на фуражках витые серебряные шнуры.

Собравшиеся в лесу бойцы-окруженцы называют номера своих частей; все они взяты наобум. Особенно

дико звучит «32-й мотострелковый корпус» — таковых никогда не было в составе РККА.

По дороге идет танковая колонна вермахта. Бросается в глаза ходовая часть отечественных послевоенных танков. Понятно, что трудно найти подлинную немецкую технику в рабочем состоянии, однако съемка с иного ракурса позволила бы замаскировать этот недостаток.

Решение о назначении Твердохлебова командиром батальона принимает офицер НКВД в лагере, хотя штрафные части подчинялись фронтовому начальству, и только оно решало все связанные с ними вопросы, включая и кадровые.

2-Я СЕРИЯ

Штрафники на передовой позиции свободно передвигаются по окопам и вне их, предварительно беспорядочно раскидав повсюду ящики с боеприпасами. Противник же никаких признаков жизни не подает.

Майор НКВД Харченко должен с самого начала вызывать подозрения у зрителя как кандидат на главного злодея в фильме. И действительно, начиная с появления этого «особиста» в кадре, его отношения с командованием дивизии показаны совершенно превратно. Никаких распоряжений никаким саперам, равно как и другим командирам боевых подразделений, даже штрафных, он отдавать не мог, тем более через голову комдива. Вызывает также большое сомнение манера постоянно носить в ближнем тылу и даже на передовой фуражку образца мирного времени яркой синекрасной расцветки (далее по фильму так поступают вообще все офицеры НКВД).

Хорошо поработали пиротехники, показывая работу артиллерии, но подрывы противопехотных мин получились чересчур сильными. А ведь убойное действие

таких мин, снаряжаемых толовой шашкой весом 75—200 г., основано на поражении осколками, а не фугасным действием.

Командир дивизии генерал-майор Лыков руководит боем с помощью телефона и по карте, не выходя из блиндажа, так же как и его замполит. На самом деле они обязаны были наблюдать за ходом боя со своего командного пункта, а в какие-то моменты побывать и на передовой — и это были не пожелания, а жесткие требования военного времени! Полупустой блиндаж с одиноким телефонистом в углу — это штаб банно-прачечного отряда, а не боевой дивизии (на всякий случай напомним: стрелковая дивизия — это как минимум три полка по три батальона в каждом, артиллерийский полк, да еще части усиления). Нет ни офицеров штаба, ни связистов, ни посыльных — а без них любой штаб небоеспособен.

О работе заградотрядов. Прежде всего, они не «пасли» одни только штрафные части. Перекрывая основные пути, ведущие в тыл, они задерживали всех следующих от передовой и выясняли, кто и зачем уходит с позиций, выявляя дезертиров, самовольщиков и вражеских агентов. Да и располагались эти отряды примерно на линии полковых тылов (1—1,5 км от передовой), а не непосредственно в затылок боевым частям, как показано в фильме.

3-Я СЕРИЯ

Если даже предположить, что после взятия немецких окопов штрафники массово переодеваются в трофейное обмундирование, его ношение с не споротыми вражескими знаками различия и нацистской символикой абсолютно нереально.

При расстреле провинившегося бойца трудно избавиться от впечатления, что между Твердохлебовым и

Глымовым все было сговорено заранее. Иначе почему именно в этот момент у «ротного» за поясом оказался трофейный пистолет, которого не было до того и ни разу не будет после?

4-Я СЕРИЯ

Картина атаки выглядит безобразно: впереди бежит «комбат» Твердохлебов, а за ним неуправляемой толпой движется весь батальон.

В образованный штрафниками прорыв шириной всего в один километр, то есть простреливаемый всеми видами оружия, генерал Лыков решает вводить целый танковый корпус. Но такие решения не входят в компетенцию командира дивизии, да и такое крупное войсковое соединение (2—3 танковых бригады, мотострелковая бригада, 2—3 артиллерийских полка и несколько отдельных батальонов и дивизионов) физически не могло поместиться на столь небольшом участке.

История с засылкой в тыл к немцам разведгруппы из личного состава штрафной части очень сомнительна. Максимум, что можно было им поручить — взять «языка» из первой траншеи. Группа формируется из совершенно разнородных элементов (уголовники, политические, разжалованные офицеры), что сразу же приводит к назреванию конфликта. Посылать в тыл врага такую группу было бы безумием.

В госпитале, когда из ноги Цукермана извлекают нашу, советскую пулю, именно это становится поводом для обвинения в самостреле. Однако настоящие признаки «выстрела на родину» совершенно иные, и военврачу полагалось их знать, поскольку он был обязан доносить о подобных случаях по команде. Что же касается пули, то трофейное оружие использовали в этой войне обе стороны.

5-Я СЕРИЯ

Странно выглядит беспогонный «комбат», одетый в старое и заношенное обмундирование и вечно небритый, тем не менее разъезжающий на личном «виллисе».

6-Я СЕРИЯ

Из башни сгоревшего немецкого танка открывает огонь пулемет. Ставить пулемет внутри неподвижной башни значит преднамеренно ограничить сектор его обстрела. Во время войны подбитые на нейтральной полосе танки действительно часто использовались как огневые точки, но в этом случае под ними выкапывали окоп, и пулемет устанавливался под танком. Но слабостью страдает не только неприятель: наши штрафники ползут к танку именно оттуда, куда строчит пулеметчик. Обойти его с фланга они не догадываются.

После излечения несчастного Цукермана вновь направляют в штрафбат, что противоречит всем нормативным документам — он непременно должен быть освобожден как «искупивший вину кровью».

Уныло бредущему голодному штрафному батальону посреди дороги ставит задачу на занятие города Млынова какой-то майор. Допустим, это офицер связи либо кто-то из должностных лиц штаба дивизии, но представиться, назвать свою фамилию и должность он обязан.

7-Я СЕРИЯ

В рассматриваемый период советский танковый батальон в составе танковой бригады насчитывал по штату 21 танк (отдельный батальон — 36 танков), а немецкий — 76 (а не 50) танков. Однако меньший состав наших батальонов не был обусловлен стремлением увеличить количество штабных должностей. Различная организация танковых войск, тактика их действий на поле

боя и принципы взаимодействия с другими родами войск — вот реальные причины различной численности боевой техники.

8-Я СЕРИЯ

Твердохлебовский «батальон» снова получает не-свойственную ему задачу на оборону. Приданная противотанковая батарея прибывает аж из резерва армии. Но это же не 1941 г., когда каждое такое орудие распределял чуть ли не начальник Генерального штаба! Что же касается выданных штрафникам противотанковых ружей, то много ли от них будет пользы, если людей не учили владеть этим специфическим оружием?

Оборудованию оборонительной позиции Твердохлебов не уделяет никакого внимания. В результате огневые точки пулеметов и ПТР выполнены безобразно, практически без брустверов, о маскировке и говорить не приходится. Ходы сообщения в тыл не открыты, поэтому, когда приходится отступать по чистому полю на глазах у врага, штрафники несут очень серьезные потери, которых можно было избежать.

Состав немецкой танковой дивизии (500 машин!) завышен подполковником Беляновым как минимум в два раза. Как мы выиграли войну с такими офицерскими кадрами?

Форма обращения к священнослужителю «святой отец», постоянно с этой серии употребляемая бойцами, не принята в Русской православной церкви. Им следовало бы обращаться «отец Михаил» или «батюшка». Конечно, бойцы Красной армии могли и не знать таких тонкостей, но уж к 11-й серии отец Михаил мог бы им это разъяснить.

9-Я СЕРИЯ

Назначение нового «комбата» из штрафников авторский коллектив на этот раз даже не считает нужным

как-то объяснять — вроде как зритель уже привык! При появлении в кадре крупным планом бойца-связиста отчетливо видно, что кант вокруг погона у него не черный, как должно быть, и даже не малиновый (пехотный), а почему-то красный — артиллерийский.

10-Я СЕРИЯ

Поход штрафников за «языками» вызывает много вопросов. Например, зачем группа и без того минимальной для такого задания численности еще и разделяется? После возвращения становится ясно — это было нужно для создания совершенно надуманной истории с ненаграждением воина-ингуша. Проводя параллель, можно прийти к выводу, что за потопленный подводной лодкой вражеский корабль надо награждать одного только матроса-торпедиста, непосредственно произведшего выстрел из торпедного аппарата.

11-Я СЕРИЯ

Опять какая-то неясность со сроком пребывания в «батальоне»: одному (новому водителю Твердохлебова) «впаяли бессрочно» — это как понимать? Другой (Цукерман) уже второй раз ранен, на этот раз «по-честному», но его вновь возвращают в штрафную часть.

И вот фантазия авторов сериала достигает апофеоза: собрав в кучу три батальона и два артиллерийских дивизиона, Твердохлебова без тени улыбки начинают именовать «командиром штрафной бригады».

Во время рубки леса и вязки плотов у нашего берега немцы никакого противодействия не оказывают. Стоит же плотам отчалить от берега, начинается ураганный огонь...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дайнес В.О.</i> Штрафные формирования в годы Великой Отечественной войны	5
<i>Мороз А.В.</i> Искупление кровью.	135
<i>Мороз А.В.</i> Штрафная рота	148
<i>Бабченко А. А.</i> Мошенник из штрафбата	165
<i>Шатилов В.М.</i> Высота Заозерная	171
<i>Гольбрайх Е.А.</i> Я знал, что нужен	186
<i>Гордиенко А.</i> Каждый его орден — память о роте	226
<i>Некрасова М.</i> Искупить кровью	229
<i>Бараболя П.Д.</i> В бой уходили штрафники	236
<i>Медовый С.</i> Уймись, господи, хватит лгать	248
<i>Гавриленко А.</i> Остаться в живых	254
<i>Савчин Д.</i> Штрафники не кричали «Ура!».	260
<i>Кулешов В.</i> Штрафбат	273
<i>Рискин В.</i> Расстрелять и списать на боевые потери	280
<i>Швед Е.</i> Штрафбат	287
<i>Лебедев Б.</i> Правда и ложь о штрафниках	304
<i>Плоткин Г.Л., Прищепа С.В.</i> Серил «Штрафбат»	310

ПРАВДА О ШТРАФБАТАХ-2

Редактор В. Абатуров
Художественный редактор П. Волков
Технический редактор В. Кулагина
Компьютерная верстка А. Щербакова
Корректор О. Супрун

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74,
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd.
for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративными клиентами, в том числе в специальном оформ-
лении, обращаться в ООО «Форум»:** тел. 411-73-58 доб. 2598. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 501-91-19.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0852) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.02.2008.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 7699.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Долгожданное продолжение главного военно-исторического бестселлера минувшего года!

Честные и детальные воспоминания ветеранов-штрафников, выживших в самых страшных боях.

Глубокий анализ профессиональных историков, исследующих прежде запретную тему.

Недавно рассекреченные архивные документы, проливающие свет на подробности боевого применения и повседневной жизни советских штрафных частей.

Опровержение злобных антисоветских мифов и фальшивок вроде печально известного телесериала «Штрафбат».

Все это – в новой книге проекта «Правда о штрафбатах».

ISBN 978-5-699-26710-1

9 785699 267101 >